

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Кокора Юлия Васильевна

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ «МЕЧТА» / «TRAUM»
В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Лучинская Елена Николаевна

Краснодар – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. Теоретические основания изучения лингвокультурных концептов «Мечта» и «Traum»	12
1.1. Основные подходы к изучению лингвокультурного концепта в отечественной лингвистике	12
1.1.1. Репрезентация концептов «Мечта» / «Traum» в языковой и художественной картинах мира.....	27
1.2. Исследование концепта в трудах зарубежных лингвистов.....	32
1.3. Моделирование концептов «Мечта» и «Traum» как процесс выделения лингвокультурологических признаков	47
1.3.1. Язык и его роль в моделировании когнитивного пространства	47
1.3.2. Моделирование концептов «Мечта» и «Traum» как способ отражения когнитивно-релевантных единиц.....	49
Выводы	66
2. Концепты «Мечта»/«Traum» как объекты когнитивного моделирования.....	70
2.1. Лексико-семантический уровень формирования лингвокультурного концепта «Мечта» / «Traum»	70
2.1.1. Лексическая группа концепта «Мечта»	71
2.1.2. Лексическая группа концепта «Traum»	90
2.2. Синтаксические структуры концептов «Мечта»/ «Traum».....	110
Выводы	135
3. Концептуальные метафоры в структуре концептов «Мечта»/ «Traum»	138
3.1. Концептуальные метафоры, формирующие концепт «Мечта» в русском народном лиро-эпическом жанре.....	138
3.1.1. Концептуальные метафоры в народном песенном дискурсе и их отражение в авторской поэзии.....	139
3.1.2. Субъективный и общекультурный компоненты формирования концептуальной метафоры.....	153
3.2. Концептуальная метафора «Traum» в немецком лиро-эпическом жанре и ее интертекстуальная связь с поэзией.....	163
3.2.1. Оказиональное значение народных и общекультурных символов в поэтическом дискурсе	169
Выводы	182
Заключение	185
Список литературы	190

Введение

Лингвокультурологический аспект когнитивной лингвистики уже долгие годы является объектом исследования научной парадигмы многих смежных наук: теоретической, сравнительно-сопоставительной и прикладной лингвистики, психолингвистики, герменевтики и т.д. Внимание ученых к лингвокультурологии является легко объяснимым, поскольку данная наука позволяет комплексно исследовать феномен формирования общественного мышления, наряду со становлением ценностно-нравственных семантических категорий. Процесс перехода семантического элемента в единицу культуры или общезначимый символ позволяет увидеть сходства и различия менталитета разных народов, а также способствует анализу лексического состава языка.

Степень разработанности проблемы. Интерес лингвистов к вопросу изучения взаимосвязи языка и культуры возникает из необходимости анализа лексических, прагматических и семантических маркеров речемыслительного процесса, а также степени их воздействия на язык. Релевантность для нашего исследования представляют работы, посвященные объективизации художественного концепта (С.А. Сергеев (2005), И.А. Тарасова (2018)), репрезентации синтаксических концептов (О.Г. Цыганская (2019), Т. Г. Борисова (2016)), концептуальных метафор (А. П. Чудинов (2001)).

Немаловажную роль в формировании теоретической базы данного исследования играют труды, посвященные вопросам лингвокультурологии, среди которых: работы М.В. Пименовой (2003), Г.Г. Слышкина (2000), В.И. Карасика (2007), Ю.С. Степанова (2007), С.Г. Воркачева (2015). В большинстве работ авторы приходят к выводу, что лингвокультурологический концепт является «концентратом культуры» (Степанов) и представляет собой вектор движения от культуры к индивидуальному сознанию.

Рассмотрением культурно значимых кодов информации посредством взаимосвязи речи и сознания индивида занимались З.Д. Попова (2005, 2010), И.А. Стернин (2005), Е.С. Кубрякова (2004), А.П. Бабушкин (2018) и др.

Каждый из ученых предоставил свою версию дефиниции концепта, общими свойствами которой являются: ментальный характер; неразрывная связь с памятью, способствующая сохранению смысловых единиц и их преобразованию в концепты; «двуликость» концепта, способного обладать чертами коллективного знания о мире – с одной стороны и индивидуальным характером – с другой.

В работах зарубежных лингвистов вопрос соотношения языка и культуры представлен как часть когнитивного знания, сопряженного с категорией времени (Д. Касасанто (2008)), полисемией (Д. Глинн (2010)) и характеризуемого междисциплинарным (М. Шварц-Фризель (1996), Г. Рикхайдт (2010), С. Вайсс, Х.-Ю. Айкмайер (2010)), герменевтическим характером (Р. Дж. Бернштейн (1983), К. Э. Андерсон (2004), С. Лапуэнт (2004)).

Вопросом изучения концептов «Мечта» и «Traum» занималось небольшое количество исследователей, среди которых: С. А. Сергеев (2005), Е. Б. Никифорова (2006), Л.Л. Баранова (2007) и др.

Актуальность исследования обусловлена антропоцентрическим характером современной лингвистики, интересом к изучению репрезентации элементов культурологической картины мира в речемыслительной деятельности индивида.

Изучение абстрактных концептов «Мечта» и «Traum» через призму лингвокультурологических свойств позволяет дифференцировать общекультурные характеристики, свойственные каждому народу и находящие отражение в языке. Лексемы, вошедшие в речь и формирующие семантический «кластер», представляют особую важность в аспекте репрезентации и транслирования культурно значимых кодов как для анализа смысловых единиц, хранимых в памяти социума, так и для их детерминации в сознании отдельного индивида.

Категория абстрактных концептов, к которым относятся рассматриваемые в данной работе концепты «Мечта» и «Traum», является

второй по степени значимости категорией, формирующей когнитивное сознание. Важность абстрактного заключается в его способности формировать образное мышление, которое, в свою очередь, ведет к появлению культурно значимых символов и концептуальных метафор. Концепты «Мечта» и «Traum» представлены как в русской, так и в немецкой языковых картинах мира, но недостаточно изучены в современной лингвистике.

Главным свойством лингвокультурного концепта является его склонность к синергии – способности объединять в себе индивидуальные и общие черты, которые с течением времени сливаются в единое целое, становясь культурным феноменом народного сознания.

Возможность исследовать лингвокультурный концепт с позиции дедуктивного подхода (посредством влияния общекультурного кода и субъективного восприятия на развитие общекультурного кода) является также малоизученным направлением когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

В нашей работе мы подробно исследуем лингвистический процесс познания (концептуализации) мира на примере анализа функционирования лингвокультурных концептов «Мечта» и «Traum» с частичным использованием обоих подходов.

Объект исследования – концепты «Мечта» и «Traum», репрезентированные в русской и немецкой художественных (поэтических) картинах мира.

Предмет исследования – когнитивно-прагматические, лексико-синтаксические и лингвокультурные особенности формирования и функционирования концептов «Мечта» и «Traum» в русской и немецкой поэтических картинах мира.

Материалом исследования выступают русскоязычные и немецкоязычные произведения народного жанра (народные исторические и лирические песни), а также поэтические произведения XVIII – начала XX в. Широкое контекстуальное поле позволяет увидеть степень актуализации

концепта в разных хронологических периодах и проанализировать диахронную связь развития когнитивного сознания на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях. Выбранный материал исследования позволяет рассмотреть концепты «Мечта», «Traum» в двух дискурсах – художественном и поэтическом. Количество контекстов, проанализированных в процессе работы с целью выявления прагмасемантических и лингвокогнитивных связей – 5000. В процессе анализа абстрактных концептов «Мечта» и «Traum» в немецкой и русской языковых и художественных картинах мира нами было проанализировано более 20000 микротекстов в обоих языках.

Гипотеза исследования. В настоящем исследовании мы даем описание концепту как цикличному ментальному образованию, которое берет начало в народной культуре и способно семантически трансформироваться под влиянием индивидуального сознания. На примере концептов «Мечта» и «Traum» мы доказываем универсальность символов, формируемых в народной культуре и оказывающих воздействие на авторский поэтический дискурс. Феномен народного поэтического символа заключается в стабильности его семантического ядра, вокруг которого могут формироваться новые смыслы, модифицируя, но не меняя его содержание.

Цель работы заключается в описании структуры и семантического содержания концептов «Мечта» и «Traum» в русской и немецкой лингвокультурах на примере песенного и поэтического дискурсов.

Поставленная цель определила решение следующих **задач**:

1. рассмотреть теоретические основания проблемы изучения лингвокультурных концептов «Мечта» и «Traum» в отечественной и зарубежной лингвистике;
2. разработать и представить модели концептов «Мечта» и «Traum» в поэтической картине мира с целью выделения их лингвокультурологических признаков;
3. выделить и описать лексические и синтаксические группы рассматриваемых концептов «Мечта» и «Traum»;

4. рассмотреть основные концептуальные метафоры в русском и немецком фольклоре и проследить их судьбу в русскоязычном и немецкоязычном поэтических дискурсах.

Методы исследования: метод сплошной выборки, метод моделирования, когнитивный анализ, концептуальный анализ, контекстуальный анализ, синтаксический анализ, лингвистическая интерпретация. Данные методы применялись комплексно, что обусловлено особенностями лингвокультурологического и художественного дискурсов, а также междисциплинарным характером когнитивной лингвистики.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Методологическая и теоретическая основа исследования детерминирована антропоцентристским характером когнитивной лингвистики в целом и лингвокультурологии в частности. Язык и мышление рассматриваются в диалектическом единстве, мышление является доминантой, оказывающей влияние на язык и модифицирующей его. Языковая система представлена в виде динамично развивающейся структуры, которой свойственно развитие и постоянное пополнение новыми семантическими единицами.

Общенаучная методология исследования основана на тезисах когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, прагматики и семантики (Ю.С. Степанов, Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Е. С. Кубрякова, А.П. Бабушкин, М.В. Пименова, В. Эванс, В. Левелт, П. Чилтон и др.).

Частнонаучная методология исследования представлена гипотезой о феноменологии символа, формирующего поэтический концепт и сохраняющего свое семантическое начало вне зависимости от интерпретации.

На защиту выносятся следующие **положения:**

1. Концепт «Мечта» русской языковой картины мира и концепт «Traum» немецкой языковой картины мира обладают универсальными и специфическими чертами: универсальный характер имеет репрезентация обоих концептов на грамматическом уровне, специфические черты раскрываются на уровне лексики и семантики. Структура концептов «Мечта»

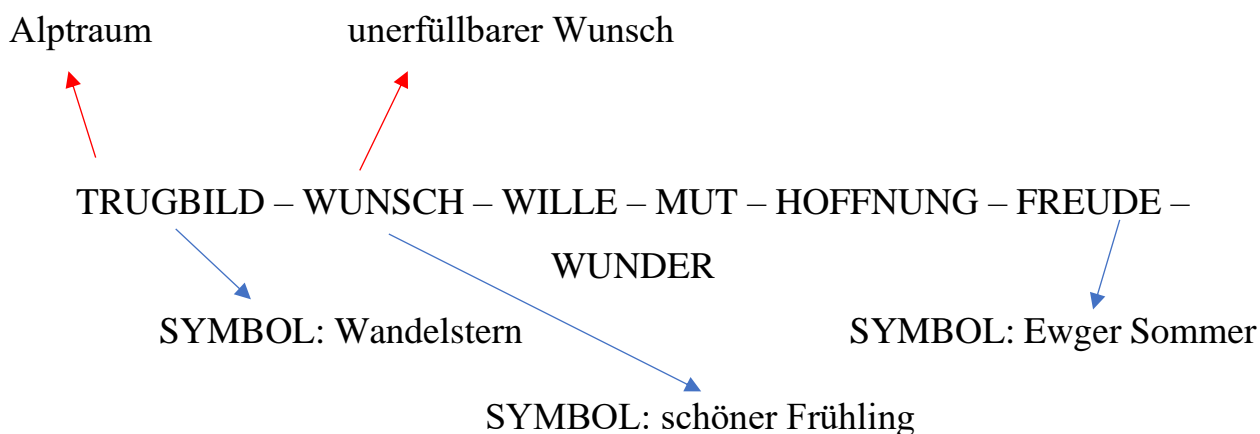
и «Traum» включает семантические компоненты, образующие ядро и ближнюю периферию:

- а) ядро концепта «Мечта»: мечта, желание, стремление;
- б) ядро концепта «Traum»: Wunsch, Träumerei, Nachtruhe.

Данные смысловые элементы были отмечены нами как в лингвокультурологическом, так и в художественном дискурсе, что указывает на их объективность и универсальность.

2. Центральные семантические единицы концепта «Мечта» русской языковой картины мира, возникшие в народном сознании и потому являющиеся первичными, представлены на схеме в виде диахронной прямой: *Миг* (изначальное старославянское значение) – *желание*: (острое, неосуществимое, XI-XIII в., XVI в.) – *чаяние* (XIII-XV в.) – *воля* (XIII-XV в.) – *мечта* (о свободе, XIII в., XVIII в.) – *стремление* (XVII в.)

3. Центральные семантические единицы концепта «Traum» немецкой языковой картины мира, принадлежащие к фольклорному жанру и носящие первичный характер, графически изображены в виде модуляционной прямой на схеме:

4. Концепты «Мечта» и «Traum» вербализованы в концептуальных метафорах в поэтическом дискурсе; выявлена их концептуальная связь с культурно-значимыми символами. В русскоязычных поэтических текстах наиболее распространены символы-ассоциаты, связанные с концептом «Мечта»: «крылья», «весна», «звезда». Символы-ассоциаты, связанные с

концептом «Traum» в немецкоязычных поэтических текстах, следующие: «Frühling», «Gipfel». Отмечены общекультурные символы-ассоциаты рассматриваемых концептов: *звезда, весна, путь*.

5. В структуру концептов «Мечта» и «Traum» также входят частные, индивидуально-авторские тропы, способные формировать концептуальную метафору («звезда пленительного счастья», «крылья эха», «одной Звезды я повторяю имя», «и крылья и душа даны», «крылья мечты», «крылатый Гений», «благодатное забвенье», «розовые краски», «утомленные мечты», «вечье роз», «Древний Родос», “blaue Blume”, “Ich wandre mit meiner Harfe”, “Frühlingsgrüße”, “Frühveilchen“, Die holden Träume”, “seligen Gefühle”, “Gipfel”). Концептуальная метафора обладает интертекстуальным характером, свойствами хранения и интерпретации полученной ранее эмпирической информации в виде семантической составляющей концептов «Мечта» и «Traum».

Научная новизна диссертации. С позиции когнитивной лингвистики и лингвокультурологии выделены основные концептуальные, лексико-семантические, синтаксические и прагматические признаки концептов «Мечта» и «Traum» в русской и немецкой языковых и художественных (поэтических) картинах мира. В процессе исследования выявлены и описаны лингвокогнитивные и прагмасемантические способы репрезентации концептов, рассмотрен процесс развития и расширения когнитивного пространства в диахронном ключе. Доказано воздействие культурно-исторической памяти на интерлингвистический контекст, в результате которого образуются символы-ассоциаты, формирующие концептуальные метафоры.

Теоретическая значимость исследования определена вкладом, который данная работа вносит в развитие теории языка, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, теории текста, лингвопрагматики.

Учение о концептах дополнено аргументацией относительно их репрезентации в лингвокультурологическом и поэтическом дискурсах.

Теоретически значимым является выявление и анализ лексических и синтаксических групп изучаемых концептов, а также их способность устанавливать концептуальную связь с общекультурными и индивидуально-авторскими символами и формировать концептуальную метафору.

Практическая значимость исследования. Результаты данного исследования могут быть применены для составления учебных пособий таких дисциплин, как: теория языка, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвистика текста и дискурса, психолингвистика, герменевтика и др. Также эмпирический материал и выводы, полученные в ходе данного исследования, могут быть использованы в дальнейшей научно-исследовательской деятельности бакалавров, магистров и аспирантов.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались на Международной очно-заочной научно-практической конференции «Языковая картина мира. Ценностные смыслы» (г. Краснодар), III Международной научно-практической конференции «Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования» (г. Астрахань), IX Всероссийской научной конференции с международным участием «Стернинские чтения: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» (г. Москва), IX Всероссийской научной конференции «Континуальность и дискретность в языке и речи» (г. Краснодар), Международной научной конференции «Язык и литература в синхронии и диахронии» (г. Краснодар), III Международной научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Язык и перевод в контексте межкультурной коммуникации: актуальные вопросы и современные аспекты» (г. Ростов-на-Дону), II Международной научной конференции «Текст – Дискурс – Культура» (г. Краснодар).

По результатам исследования опубликовано 11 статей, из них 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, сопровождаемых выводами, заключения, библиографического списка.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ «МЕЧТА» И «TRAUM»

1.1 Основные подходы к изучению лингвокультурного концепта в отечественной лингвистике

Основной задачей данного раздела является рассмотрение способов исследования лингвокультурных и художественных концептов, созданных отечественными учеными. Проблема соотношения языкового сознания и коммуникативного поведения на протяжении многих лет интересовала лингвистов по всему миру и сегодня не утратила своей актуальности. Взаимосвязь языка и мышления является предметом изучения многих дисциплин: психолингвистики, когнитивной лингвистики, психологии и т.д. Понятие лингвокультурного концепта является заслугой российских лингвистов. Выделение лингвокультурного аспекта из числа прочих, относящихся к концептологии, означает признание того, что концепт – это не только возникающий в человеческом сознании набор образов и ассоциаций, соотносимый с определенным предметом или явлением окружающей действительности, но и отражение наивной картины мира, хранящей в себе ценностные смыслы не только отдельного индивида, но и целого народа, к которому данный индивид имеет непосредственное отношение. Таким образом, лингвокультурологический подход к изучению языка и речи расширяет понятие концепта в целом, делая его достоянием не индивидуальным, а общим как для отдельного человека, так и целого народа.

Вопросом взаимосвязи языка и культуры в России занимались такие известные ученые и лингвисты, как: Ю.С. Степанов, Г.Г. Слышкин, В. А. Маслова, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев и многие другие. В большинстве работ авторы приходят к выводу, что лингвокультурный концепт является «концентратом культуры» (Степанов) и представляет собой вектор движения от культуры к индивидуальному сознанию [117, с. 9–10].

Антропоцентрический подход в лингвистике пришел на смену системно-структурному. Если прежде центральное место в изучении языка занимала его форма, то теперь внимание лингвистов приковано к процессам порождения и понимания речи, к воздействию отдельных понятий и явлений на чувственное восприятие человека. Другими словами, внимание современных лингвистов приковано к *внутреннему* содержанию языка.

Несмотря на достаточно большое количество трудов, посвященных проблеме концептологии, недостаточная изученность данного вопроса, а также разногласия в определении статуса концепта, являются вполне обоснованными. Сам термин «концепт» трактуется лингвистами по-разному. Для начала рассмотрим словарное значение слова «концепт» и охарактеризуем его общеязыковое значение. Данное решение вызвано необходимостью дать характерное русскому языку общее определение как основы, от которой в последующем происходят индивидуальные научные дефиниции.

Слово «концепт» является относительно новым в русском языке и не имеет четко сформированного определения. В толковом словаре Д.Н. Ушакова мы находим следующее определение:

1. Общее понятие, общее представление [123];

В толковом словаре С. И. Ожегова мы встречаем дефиницию однокоренного слова «концептуальный»:

1. Имеющий серьезную самостоятельную концепцию (т.е. идею, замысел) [96];

Словарь лингвистических терминов Т. В. Жеребило дает следующее описание термина:

1. Смысловое содержание понятия, объем которого есть предмет (денотат) этого понятия,
2. В когнитивной лингвистике: оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга [48, с. 167].

Как можно увидеть из представленных выше определений, мнения относительно дефиниции концепта расходятся на уровне словарных соответствий: если Д.Н. Ушаков и С. И. Ожегов понимают под концептом общее понятие, имеющее самостоятельную идею, то Т. В. Жеребило характеризует концепт как *смысловое содержание* понятия, включающее в себя оперативную единицу памяти и ментального лексикона.

Мы согласны с определением концепта, данного Т. В. Жеребило, так как в нашем представлении концепт – это семантическое составляющее понятия, а не само понятие. Мы считаем, что понятие уже концепта по своему смысловому объему, а также подразумевает взаимосвязь предмета и его свойств, что нехарактерно для концепта, являющегося ментальным образованием и нацеленного на формирование индивидуальных, а не общих признаков.

Представители когнитивной лингвистики анализируют, в первую очередь, взаимосвязь речи и сознания индивида. З.Д. Попова и И.А. Стернин характеризуют концепт как «глобальную единицу мыслительной деятельности» [103, с. 31], которая, ввиду невербальности мышления, формирует культурный код, сохраненный в языковом сознании человека [103, с. 31]. Согласно Е. С. Кубряковой, концепт – это «оперативная единица памяти», содержащая в себе знание и опыт человека [71, с. 42]. По А.П. Бабушкину, концепт «является ментальной репрезентацией», которая определяет способ категоризации мира через призму индивидуального сознания [10, с. 19].

Как мы видим из указанных выше дефиниций, представители когнитивной лингвистики, несмотря на разное толкование термина «концепт», сходятся в одном: концепт – это ментальная единица, существующая в человеческом сознании, обладающая чертами коллективного знания о мире, но при этом несущая индивидуальный характер.

Если главным предметом изучения когнитивной лингвистики является процесс взаимосвязи речи и индивидуальных, мысленно представляемых

образов, то лингвокультурный подход нацелен на влияние этнически обусловленных элементов культуры на образ мышления индивида. Иными словами, лингвокультурология рассматривает процесс движения «от общего к частному», где общее – языковой материал, содержащий культурный код определенной этнической группы, а частное – мышление отдельного индивида, принадлежащего данной группе.

Рассматривая концепт с точки зрения его лингвокультурных признаков, следует упомянуть о характеристиках, данных этой разновидности концепта лингвистами. Как отмечает в своей работе «Методология концептуальных исследований» М.В. Пименова, исследование культуры отдельного народа возможно в процессе самопознания, так как язык – это не только орудие общения, но и средство передачи культурно значимых ценностей [101, с. 102]. Созданный автором комплексный подход к изучению структуры концепта позволяет исследовать семантику слова, соединяющую в себе не только характерные признаки обозначаемого предмета, но и наивные знания о нем, реализуемые в концептуальных метафорах. Концептуальная метафора, благодаря своей основной способности – переносу свойств на основе сходства, способствует пересечению знаний в двух разных концептуальных областях и их синтетическому воздействию друг на друга.

Вопросом концептуальных метафор занимается большое количество отечественных и зарубежных лингвистов. Среди них следует выделить такие имена, как А.П. Чудинов, А.Н. Баранов и др. А.Н. Баранов выделяет номинацию в качестве основного аспекта метафоры. В свою очередь, номинация обладает «сигнификационным дескриптором», т.е. смысловым описанием, выражающим отношение конкретного с абстрактным [13, с. 50].

А. П. Чудинов делит значения концептуальных метафор на первичные и вторичные, где вторичные значения имеют более высокую степень релевантности, так как подвергаются осмыслению и интерпретации, в результате чего обретают ассоциативные и индивидуальные признаки. Основанное А. П. Чудиновым метафорическое моделирование заключается в

детализации лексико-семантических групп, входящих в определенную концептосферу и формирующих концептуальную метафору через соединение смысловых элементов друг с другом [133, с. 25].

Учение о концептуальных метафорах указанных выше лингвистов носит лингвосемантический характер. Несмотря на то, что экстралингвистические факторы также берутся во внимание в процессе исследования, центром изучения является язык, вмещающий в себя важные для осуществления речи внеязыковые аспекты [58, с. 51, с. 25].

Характерной чертой концептуальной метафоры в исследовании отечественных лингвистов является рассмотрение концептуальной метафоры как ментального феномена, находящегося под влиянием экстралингвистических и дискурсивных факторов. В отличие от позиции зарубежных ученых (см. гл. 1), отечественные лингвисты не отводят сознанию главенствующую роль в формировании концептуальной метафоры. Сознание является одним из факторов формирования концептуального мышления, где метафора – образно-понятийный компонент, склонный к смысловой модификации в зависимости от сферы использования.

Согласно С.Г. Воркачеву, концепт представляет собой «синтезирующее ментальное образование», в котором слились воедино содействующие друг другу образ, понятие и значение. Данное толкование отражает основные идеи когнитивной лингвистики, однако С.Г. Воркачев отмечает, что в текстах лингвокультурологической направленности концепт является «вербализованным культурным смыслом», планом выражения языка культуры, основным признаком которого является его этнокультурная отмеченность [35, с. 12]. В.И. Карасик дает определение лингвокультурному концепту как «единице переживаемого знания, соединяющего в себе индивидуально-личностные и культурно-групповые смыслы» [58, с. 15]. Г.Г. Слышкин характеризует лингвокультурный концепт как синкретичный союз ранее усвоенных ценностных характеристик с результатами эмпирического познания [114, с. 5]. Формирование концепта происходит

вокруг наиболее значимой точки сознания, образующей ассоциативные вариации. Как мы видим, значительным отличием лингвокультурологии от когнитивной лингвистики является ее внимание к воздействию социума, его исторического и культурного наследия на язык в целом и индивидуальное мышление и речь в частности.

Ю.С. Степанов в своем труде «Концепты. Тонкая плёнка цивилизации» даёт определение концепту как «расширенному понятию», модифицированному в рамках современности. Ю.С. Степанов характеризует концепт как фразу особого порядка, вызывающую в сознании реципиента знакомое содержание или определённые эмоции [117, с. 11]. В доказательство этому определению мы рассмотрели концепт «Мечта» и «Traum» с позиций общей языковой и художественной картин мира.

Существуют также другие определения, характеризующие художественный концепт. Первым над изучением художественного концепта начал трудиться русский философ С. А. Аскольдов-Алексеев. В своих трудах ученый противопоставлял художественный концепт, берущий за свою основу принцип образности, познавательному концепту, главным критерием которого является информативность [6, с. 270]. Познавательный концепт лишен эмоционального воздействия. Художественный концепт понимается как ментальное пространство, сформированное в процессе освоения окружающей действительности субъектом речи (автором).

Согласно И.А. Тарасовой, основу художественного концепта составляет диалогическое единство человека, культуры и природы. Описывая собственные ощущения, автор (субъект мысли) непреднамеренно опирается на нравственные устои и традиции общества, членом которого он является. Художественный концепт поднимает значимость «внутренней формы слова, прообраза, с которым генетически связано определенное представление» [118, с. 146]. Согласно И.А. Тарасовой, в изучении художественных концептов главную роль играет не сам текст, а интертекстуальность. При изучении художественных концептов особую роль играет семиотика, благодаря которой

у нас появляется возможность расшифровать смысловые коды, заложенные в лексических единицах (знаках).

В работе Ю.С. Степанова «Концепты. Тонкая плёнка цивилизации», рассматриваемой нами ранее, поднимается проблема «научного» и «ненаучного» в гуманитарных дисциплинах, а также роль «изотем» (концептов) в нем. Согласно Ю.С. Степанову, основная разница между научной и ненаучной (художественной) сферой заключается в подходе к созданию работы и определению степени актуальности. Если научное исследование принимает за основу уже выдвинутую гипотезу или теорию и, руководствуясь этими данными, видоизменяет выдвинутые ранее тезисы или положения, то в художественном дискурсе повторение невозможно: каждое новое положение является инновационной идеей [117, с. 39]. Руководствуясь этим утверждением, мы можем сделать вывод о том, что концепты, рассматриваемые как нечто общее (общечеловеческое, общенародное) тяготеют к научной сфере, в то время как «частные» концепты являются предметом изучения художественной области. Однако результаты нашего исследования заставляют нас частично не согласиться с данным положением.

Говоря о вызываемых в сознании реципиента и продуцента эмоциях, нельзя не отметить работу Г.Г. Слышкина «Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе» [114, с. 29]. Одним из самых эффективных средств доступа к сознанию человека является язык, отражающий образ мышления, совокупность переживаний и ассоциаций человека. Он является концентратом информации, обусловлен личной и коллективной деятельностью этнически связанной группы лиц и нацелен на освоение знаний о мире. Иными словами, язык содержит единицы национального когнитивного сознания, образующие национальную концептосферу. Основной задачей лингвокогнитивной концептологии является максимально полное описание языковых средств, вербализирующих исследуемый концепт и моделирующих его содержание как глобальной мыслительной единицы в национальном своеобразии.

В указанной выше работе Г.Г. Слышкина категория прецедентности рассматривается как один из основополагающих аспектов формирования общественного сознания. Способность человеческой памяти воспроизводить в сознании ряд ассоциаций, отсылающих реципиента к уже знакомым ему реалиям, позволяет рассмотреть словарные единицы языка как «коды культуры», окутанные оттенками смыслов и ведущие свой путь «от единиц культуры к языковым единицам» [114, с. 50].

Мы разделяем утверждение Г. Г. Слышкина о том, что концепт – это единица, назначение которой «связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка», так как концепт является ментальным образованием, которое зарождается в сознании, детерминируется культурой и материализуется в языке [114, с. 10]. Эта дефиниция находит отражение в нашем утверждении о неразрывности «научного» и художественного». Рассматривая концепт с позиции лингвокультурологии, автор подчеркивает значимость синтеза эмпирического опыта, памяти, культурно-ценностных доминант.

Моделирование концепта, речь о котором пойдет ниже (см. п. 1.3), позволяет увидеть роль прецедентности в формировании когнитивного восприятия действительности носителями определенной культуры. Так рассматриваемый нами концепт «Мечта» будет иметь значительное количество архаизмов в составе своей ближней периферии. Крайняя периферия данного концепта будет представлена рядом устойчивых и крылатых выражений, закрепившихся в языке и ставших прецедентными. В немецкой языковой картине мира аналогичный концепт «Traum» также содержит в составе крайней периферии устойчивые сочетания, сохраненные в языке. Характерной особенностью обоих концептов является их способность хранить в своем составе этимологически значимые единицы. Таким образом, феномен человеческой памяти способен сохранять в языке тысячи смысловых единиц и наделять их статусом прецедентности. Мы считаем, что категория прецедентности – один из основополагающих факторов зарождения и

развития мышления, культуры, а следовательно – концептологии и лингвокультурологии.

Согласно работам В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина, Ю. С. Степанова и других известных лингвистов, основными характеристиками лингвокультурного концепта являются следующие:

1. Комплексность. Лингвокультурный концепт представляет собой синтез языка, сознания и культуры, где сознание – область нахождения концепта, культура – средство его формирования, а язык – сфера его реализации [117, с. 110].

2. Ментальная природа. Главная особенность лингвокультурного концепта – его прямая связь с сознанием, внутри которого осуществляется взаимодействие языка и культуры.

3. Ценностность. Так как лингвокультурный концепт напрямую связан с исследованием в области культуры, а в основе культуры лежит ценностный принцип, формируемый на основе оценочных предикатов, концепт также будет иметь ценностный характер.

4. Условность – концепт не имеет границ и четкой структуры. Актуальные для носителя культуры ассоциации формируют ядро концепта, менее релевантные – периферию, в которой отдельные элементы концептуального поля могут изменить свое местоположение относительно ядра.

5. Изменчивость. Значимость и оценочная характеристика концепта могут меняться с течением времени. Указанные выше изменения чаще всего обусловлены духовным развитием общества, влекущим за собой смену идеалов. Нередко меняется и понятийная составляющая концепта. Так в европейской литературе эпохи романтизма появляется образ «романтика-энтузиаста» – мечтательного героя, верящего в чудо и придерживающегося собственных идеалов. Однако известный немецкий писатель Э.Т.А. Гофман смещает угол зрения относительно романтиков-энтузиастов, превращая их в своих произведениях из «мечтателей-идеалистов» в рассеянных, оторванных

от действительности людей, желающих жить «под стеклянным колпаком» собственного мира (сказка «Золотой горшок»). Возвышенный образ романтика, созданный Новалисом в XVIII веке, приобретает ироничные черты, меняя при этом оценочный компонент концептов «Романтика» и «Энтузиазм».

Другой пример изменчивости характеристик концепта можно увидеть в процессе развития русского языка XX века. В 30-е годы XX века концепт «Энтузиазм» имел в СССР среди молодежи того времени особый смысл: энтузиастом был человек, добровольно отказывающийся от личных благ во имя общественных, стремящийся построить большое и светлое будущее. Однако с течением времени указанный выше концепт вобрал в себя ряд дополнительных значений, девальвирующих его исконный ценностный компонент.

6. Многомерность и поликодовость – возможность обладать различными свойствами и свободой интерпретации.

7. Наличие трех компонентов: ценностного, образного и понятийного.

8. Полиапеллируемость – способность обращения к ядру концепта при помощи языковых единиц, принадлежащих к разным языковым уровням, а также посредством невербальных знаков.

9. Полиметодологичность – возможность применения различных методов анализа концептов, как лингвистических, так и нелингвистических.

10. Поликлассифицируемость – наличие разнородных, междисциплинарных классификаций [58, с. 30]

Основываясь на характеристиках концепта, предложенных другими учеными, мы сформулировали собственное определение концепта. В нашем понимании лингвокультурный концепт – это комплексная, поликодовая ментальная единица, содержащая ценностный, образный и понятийный компоненты, обладающая полиапеллируемым свойством, имеющая условный по своей форме характер и содержащая в себе ценностные установки, способные меняться по степени релевантности с течением времени.

Говоря о концепте как о полиапеллируемой и полиметодологичной единице, следует упомянуть работы О. Г. Цыганской, Т. Г. Борисовой, Г. А. Волохиной, З.Д. Поповой о синтаксических концептах. Так в диссертационной работе О. Г. Цыганской синтаксический концепт представлен в качестве составного элемента в триединстве (структурная схема, пропозиция, синтаксический концепт) когнитивного моделирования. Когнитивное моделирование отражает процесс взаимодействия формальных и семантических структур высказывания как способ репрезентации языковой картины мира [129, с. 71]. Согласно О. Г. Цыганской, связь между структурными схемами и пропозициями высказывания осуществляется с помощью синтаксических и синтаксически репрезентируемых концептов, служащих основой речепорождения [129, с. 50].

В статье О.Г. Цыганской и Т.Г. Борисовой «Синтаксический концепт: критерии и методы анализа» дается подробная классификация синтаксических концептов, а также методы их анализа [130, с. 120].

Работа Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой «Синтаксические концепты русского простого предложения» описывает базовые синтаксические концепты и схемы простого предложения. Авторы характеризуют концепт как «осмысленную ситуацию действительности», обладающую планом выражения в виде определенной структуры [30, с. 39]. Рассмотренная выше дефиниция синтаксического концепта представлена в работах О.Г. Цыганской и Т.Г. Борисовой в преобразованном виде: основываясь на отсутствии пропорциональности концепта (его полиапеллируемости), авторы характеризуют синтаксический концепт как «инвариантную систему связей понятийных концептов», функционирующих в диалектическом единстве с синтаксическими структурами [130, с. 121].

В нашем понимании синтаксический концепт – ментально-структурная единица, обладающая определенным планом выражения (структурой) и несущая в себе конкретный план содержания. Мы согласны с утверждением, что концепт является связующим звеном между структурой и смыслом

высказывания. Однако в нашем понимании синтаксический концепт – это самостоятельная ментальная единица, сочетающаяся с другими единицами (лингвокультурными, художественными, грамматическими концептами) и способная менять смысл высказывания за счет изменения своей формы или перемены смысловых элементов в зависимости от дискурса (см. п. 2.2). На основании того, что синтаксическая структура индивидуальна в каждом языке, мы считаем синтаксический концепт одним из критериев передачи лингвокультурных и художественных характеристик языковой картины мира.

Особый интерес вызывает учение о структуре концепта, представленное работами Г.В. Токарева, Н.Н. Болдырева, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и др. Общей чертой трудов, посвященных структуре концепта, является признание того, что основной единицей концепта является семантический компонент, содержащий в себе характерные концепту признаки и обретающий в условиях вербализации форму семы. Объединение сем по признаку их смысловой сочетаемости способствует формированию концептуального слоя, способствующего языковой объективации мира [58, с. 50].

Говоря об основных отличиях теорий о структуре концепта, следует упомянуть о том, что все филологи и лингвисты, ввиду нежесткого строения мыслительной единицы, метафорически представляют её по-разному. Г.В. Токарев, З.Д. Попова, И.А. Стернин – в виде облака, в котором сначала формируется ядро, возникшее на стыке речи и интеллекта и представленное универсальным предметным кодом [103, с. 31]. С течением времени ядро концепта обволакивается слоями дополнительных признаков, насыщающих содержание концепта и увеличивающих его объем. В свою очередь, Н.Н. Болдырев представляет концепт в виде снежного кома, в котором «объем концепта увеличивается за счет новых концептуальных характеристик», формирующих концептосферу [20, с. 52].

Мы согласны с утверждением об условной форме концепта, благодаря которой его переменные могут переходить из одного слоя в другой (см. п. 1.3). В основе любого концепта лежит семантический компонент, объединяющий

основные характерные признаки и формирующий по степени релевантности из них ядро и периферию. В нашем представлении концепт имеет форму семантического поля с ядром, представляющим его основные словарные значения. От ядра поле разделяется на слои – периферии (приядерная зона, дальняя и крайняя периферии). Мы считаем, что структуру концепта следует представлять в виде поля, так как данная форма позволяет увидеть функциональное строение нашего мышления и движение смысловых единиц внутри него в процессе общения и потребления новой информации. Наше утверждение строится на основании способности концепта соотноситься с определенной областью знаний, за которой стоит конкретное тематическое поле, включающее в себя только семы, имеющие непосредственную связь со свойствами описываемого концептом предмета или явления. В зависимости от дискурса семы концепта будут менять свое местоположение или поле концепта будет пополняться новыми смысловыми элементами, что приведет к появлению разновидностей концепта (художественный, лингвокультурный, лингвокогнитивный и т.д.).

Изучаемый нами концепт «Traum» требует комплексного анализа как с точки зрения семасиологии, так и синтаксиса. Поскольку под концептом понимается когнитивное содержание понятия, выраженного в лексической форме, семасиологический аспект является основополагающим фактором когнитивной семантики, способствующий проведению когнитивного анализа, благодаря которому происходит систематизация смысловых единиц, их интерпретация и деление на индивидуальные и универсальные понятийные категории (см. п. 2.2). Синтаксический подход к изучению концептов позволяет объединить семантические и парадигматические связи смысловых элементов в рамках концептуальной структуры. Поскольку каждое высказывание имеет индивидуальную структуру, отличающуюся в разных языках, процесс вербализации концепта имеет строго оформленную упорядоченность. Более того, сама синтаксическая структура является частью синтаксического концепта, так как обладает определенным планом выражения.

Рассмотрев основные подходы к изучению концепта в отечественной лингвистике, мы пришли к следующим выводам:

1. На уровне словарных соответствий концепты характеризуются в русском языке как смысловое содержание понятия, включающее в себя общие сведения о предмете, хранящиеся в памяти индивида и непосредственно связанные с ней. Являясь ментальным образованием, концепт объединяет общие характеристики предмета с его индивидуально-перцептивными свойствами, возникающими в сознании индивида и провоцирующими начало когнитивного процесса.

2. Проанализировав ряд дефиниций, данных концепту российскими лингвистами, мы смогли выделить основные свойства концепта и дать ему единую характеристику. Концепт — это ментальная единица, хранящаяся в памяти и существующая в сознании индивида. Данное ментальное образование способно обладать общими сведениями, отражающими коллективные знания о мире, пропущенные через призму индивидуального сознания.

3. Лингвокультурологический подход к изучению концептов заключается в рассмотрении и анализе влияния социума (его исторического и культурного прошлого) на формирования языка, мышления и речи отдельного индивида, принадлежащего определенной этнической группе.

4. Лингвокультурологический подход когнитивной лингвистики можно охарактеризовать как движение от «общего» (языковые данные, являющиеся «культурным кодом» определенного народа) к «частному» (к индивидуальному мышлению человека, принадлежащего определенной этнической группе).

5. С целью рассмотрения разности подходов, мы проанализировали изучаемый нами концепт «Мечта» с позиций общей языковой и художественной картин мира. Полученные результаты заставили нас согласиться с утверждением Ю.С. Степанова о том, что концепт — это расширенное понятие, склонное к модификации в процессе времени,

вызывающее в сознании реципиента определенную смысловую нагрузку и формирующее эмоциональный план.

6. Проанализировав ряд дефиниций, касающихся художественных концептов, мы пришли к следующему выводу: художественный концепт – это ментальное образование, рождающееся в индивидуальном сознании и часто являющееся катализатором формирования новых смыслов. Влияние художественного концепта на язык можно охарактеризовать обратным процессом: переходом от «частного» (личной перцепции) к «общему» (формированию общекультурных смыслов).

7. Особое внимание мы уделили учению о концептуальных метафорах. В данной главе мы проанализировали основные характеристики, приписываемые концептуальной метафоре в отечественной лингвистике, обозначили ее место и роль в формировании когнитивного мышления.

8. Проанализировав процесс модификации смысловых единиц внутри языка, мы пришли к выводу о постоянном изменении языка и когнитивного восприятия действительности в процессе исторического развития, что находит отражение в образе мышления, и как следствие, ведет к пополнению концептосферы.

9. В процессе работы мы анализируем связь языка и памяти как фактор формирования и пополнения концепта. Мы разделяем мнение Г.Г. Слышкина о том, что категория прецедентности является одним из аспектов формирования общественного сознания. Способность человеческой памяти ретроспективно воспроизводить в сознании ряд ассоциаций, связанных с известными реципиенту реалиями, доказывает неразрывность сознания, языка и культуры, что доказывает единение «художественного» и «научного» в языке.

10. Рассмотрев основные характеристики лингвокультурного концепта, мы сформулировали собственную дефиницию, на которую будем опираться в процессе его моделирования и выделения лингвокультурных особенностей концепта (см. гл. 2 и п. 1.3.2).

11. Основываясь на полиапеллируемости и полиметодологичности концепта как ментальной единицы, мы рассмотрели основные труды, посвященные синтаксическим концептам. Сформулировали собственную дефиницию синтаксического концепта, охарактеризовали степень влияния синтаксических концептов на формирование языковой картины мира. Сформировали теоретическую базу, для дальнейшего анализа рассматриваемого нами концепта «Traum» в художественном дискурсе на основе эмпирического материала (см. п. 2.2).

12. За основу структуры концепта мы решили принять семантическое поле с ядром и периферией. Данный выбор связан с условностью формы концепта и его способностью соотноситься с определенной областью знаний, вбирая в себя дополнительные смысловые единицы.

1.1.1. Репрезентация концептов «Мечта» / «Traum» в языковой и художественной картинах мира

Лингвокультурологический концепт «Мечта» зародился в Древней Руси и с течением времени претерпел значительные изменения.

Старославянские слова «мьчѣтати» и «мьчѣта» имеют схожую основу с другими славянскими языками (в-луж. «mikaś», сербохорв. «mашта»). Корневая основа указанных выше слов обладает одним общим значением – «мерцать», «сверкать». Основа старославянского слова «мьчѣта» имеет схожую основу со словами «миг», «мигать» [122]. Сегодня слово «мечта» создает в сознании говорящего ряд ассоциаций как синонимичных (греза, иллюзия, представление, желание), так и смежных своему значению (иллюзия, надежда, стремление, ностальгия и т.д.). Концепт «Мечта» вызывает у носителя русской культуры большое количество образов, представленных словами разных частей речи и концептуальными метафорами, речь о которых пойдет в главе 3.

Говоря о концепте «Мечта» с позиции художественной картины мира, следует отметить, что основные смысловые единицы, представленные в общей языковой картине, сохраняют свою целостность и в художественном дискурсе, особенно это касается ядерной зоны концепта. Однако отличительной особенностью художественной дискурсивности является процесс преломления общего через призму индивидуального, в результате которого происходит синтез смысловых категорий, порождающий расширение концептосферы. В процессе нарастания смыслов, некоторые смысловые элементы концепта могут менять свое местоположение по отношению к ядру, уступая место новым семантическим единицам. Так в художественном концепте такие смысловые элементы как «нега», «истома», «безмятежность», «созерцание», «чаяние», «идеал», «безглагольность», «стремление сердца» и др. перейдут в разряд приядерной зоны. Также художественный дискурс способствует пополнению концептосферы за счет добавления стилистических фигур речи, некоторые из которых переходят со временем в разряд крылатых фраз и афоризмов. Данный переход от индивидуального сознания к общему раскрывается в начале в художественном концепте, затем также может перейти к разряду общезыковых концептов и храниться в сознании социума, объединенного одним языком.

С.А. Сергеев в своей работе «Особенности объективации концепта мечта в русской языковой картине мира» рассматривает смежную нашему исследованию тему. Автор предлагает рассмотрение концепта «Мечта» с семантической точки зрения: в качестве формирования понятийной основы концепта С. А. Сергеев предлагает выделить его характерные семантические признаки [111, с. 59]. В своей работе исследователь выделяет шесть основных признаков, к которым можно отнести различные смысловые элементы, формирующие концептосферу: «процесс», «образ», «состояние», «желание», «хорошо», «ирреальность». Данное утверждение имеет свои основания, мы частично разделяем точку зрения автора. В нашей работе смысловые элементы

концепта «Мечта» также разделены в соответствии с их семантическими признаками (см. п.2.1.1).

Таким образом, мы видим, что общезыковые культурологические признаки концепта «Мечта» имеют старославянские корни, с течением времени расширили свой ассоциативный ряд благодаря различным культурным изменениям в процессе времени. Данные изменения включают в себя длительный процесс от формирования народного творчества до заимствования крылатых фраз и известных выражений, являвшихся ранее предметом искусства и принадлежавших к категории художественных концептов.

Проблемой сущности художественного концепта занималось и продолжает заниматься большое количество отечественных лингвистов. Так Л.В. Миллер характеризует концепт как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только к индивидуальному сознанию, но и служащее ферментом для формирования новых строительных смыслов» [89, с. 41]. Данное суждение является справедливым, так как многие оттенки смыслов, возникшие под влиянием индивидуального, были с течением времени заимствованы в состав общего художественного концепта. Данное явление возможно как внутри одного языка, так и посредством проникновения одной культуры в другую.

Так немецкий концепт «Traum» имеет два не связанных между собой семантических значения: «сон» и «желание». Главной причиной является, в первую очередь, многозначность абстрактного существительного «Traum», от которого началось формирование концепта. Изначально абстрактное существительное «Traum» имело две формы: древневерхнемецкую «troum» (X–XIV в.) и древнесаксонскую «drōm» [148]. В процессе развития европейских и, в частности, германских языков древневерхнемецкое слово “troum” было преобразовано в современное немецкое «Traum», древнесаксонское существительное «drōm» – в современное английское «Dream». Оба существительных обладали одинаковым семантическим

значением: «Неосуществимая, обманчивая картина» [145]. Данное значение сохраняется в концептосфере «Traum» и сегодня. Однако в современной языковой картине мира данное значение утратило свою доминантную позицию и находится не в ядре, а на ближней периферии. Также на формирование и развитие изучаемого нами концепта в значительной степени повлиял латинский язык, благодаря которому изучаемое нами слово приобрело многозначность, заимствовав значение «образа, увиденного во сне». Важно заметить, что данное значение сохраняется в составе ядра современного концепта (см. п. 1.3.2).

Согласно рассмотренному выше утверждению Ю.С. Степанова [117, с. 39] (см. глава 1), лингвокультурологический концепт «Мечта» является предметом научного исследования, а созвучные индивидуальные, художественные и культурные концепты – предметом художественного исследования. Однако мы полагаем, что одно не может существовать без другого, процесс становления языка и модификации восприятия строится посредством как дедуктивного, так и индуктивного метода. На наш взгляд, феномен влияния культуры на расширение концептуального содержания в языке можно изобразить в качестве прямой с несколькими переменными: сознание – язык – речь – предмет народного творчества – предмет искусства (индивидуальный) – литературный язык – речь. Процесс становления языковой нормы является циклическим, в начале своего формирования строится по принципу дедуктивного метода, однако в процессе времени за счет цикличности плавно переходит от частного к общему (предмет искусства (индивидуальный) – литературный язык – речь, т.е. от художественного – к научному). Этот процесс неразрывен: сначала образ предмета или явления возникает в сознании группы людей, объединенных одним языком, с течением времени формируется и нарастает новыми смыслами. Затем происходит процесс преломления семантических единиц под влиянием индивидуального сознания, за счет чего концепт приобретает новые смысловые оттенки. Этот процесс носит дедуктивный характер (от общего к частному). Здесь мы видим

формирование новой, инновационной идеи из существовавших ранее смысловых категорий. Однако инновационная идея способна закрепиться в языке и стать, таким образом, одной из составляющих концепта, в котором сливаются воедино новые и существовавшие ранее смыслы. Заключительным этапом становления концепта является переход сформированного «сгустка смыслов» сначала в художественной речи, а затем – в коллективном сознании [64, с. 77].

Так, мы можем рассмотреть процесс влияния творчества А.С. Пушкина (индивидуальное) на расширение семантического поля концепта «Мечта» в русской языковой картине мира в целом (общее). А.С. Пушкин родился в удивительное время: его рождению предшествовала эпоха Просвещения в Европе, затем – в России. Творческое наследие европейских ученых, писателей, поэтов, получило широкое распространение среди российского дворянства. В. А. Жуковский перевел широкий ряд немецких стихотворений и баллад, создал большое количество собственных баллад и элегий по типу европейских, но наделенных русским колоритом. Европейская культура вошла в XVIII в. в жизнь большинства российского общества и прочно укрепилась в ней к началу XIX в. Данные перемены коснулись модификации человеческого сознания, что нашло отражение в языке и привело к изменению восприятия многих сфер общественной жизни и расширению смыслового содержания многих концептов. Так концепт «Мечта» был модифицирован А.С. Пушкиным как под влиянием общекультурных символов, так и через призму индивидуального сознания. В результате концепт «Мечта» вобрал в себя такие оттенки смыслов как «греза», «сновидение», «ностальгия», «безмятежность», «романтизм», сохраняющиеся в концептосфере и сегодня (см. п. 1.3.2). Данный пример изображает переход от общего к частному, процесс заимствования иностранного, «чужого» и превращение его в опосредованное, «свое». Оттенки смыслов, являвшиеся ранее предметом изучения индивидуального, художественного, стали с течением времени прерогативой общего, научного.

1.2. Исследование концепта в трудах зарубежных лингвистов

Основной задачей данного раздела является рассмотрение способов исследования лингвокультурных и художественных концептов, созданных зарубежными учеными. Проблема соотношения языка и мышления не потеряла сегодня своей актуальности. Она остается предметом изучения многих наук помимо филологических.

Понятие концепта зародилось в средневековой философии, но с течением времени поменяло свой вектор развития. Вопросами концептологии занимались в период Средневековья такие ученые как: П. Абеляр, Г. Порретанский, Ф. Аквинский, Д. Скот и др [76, с. 150]. Однако средневековая философия связывала концепт преимущественно с речью, а не мышлением. Помимо смысловых единиц, он включал в себя средства невербального общения, такие как жестикуляцию, мимику, интонацию и т.д. В этот период времени концепт характеризовал творческую единицу, хранящую в себе ценностные установки и способную воздействовать на реципиента.

П. Абеляр понимал под концептом «акт схватывания» смысловой составляющей в процессе речи. Такая формулировка находит отражение в этимологии самого понятия (лат. “conspicere” – схватывать, впитывать). Сегодня понятие концепта имеет большое количество дефиниций. Многие зарубежные лингвисты дают характеристику концепту на основе его смысловой составляющей [61, с. 49].

Так в немецком языке, согласно словарю “Duden”, встречается три основных значения современного слова «Концепт»:

1. Skizzenhafter, stichwortartiger Entwurf, Rohfassung eines Textes, einer Rede (отрывочные, тезисные наброски, черновой вариант текста, речи);

2. Klar umrissener Plan, Programm für ein Vorhaben (четко сформулированный план, программа для проекта);

3. Idee, Ideal; aus der Wahrnehmung abstrahierte Vorstellung (идея, идеал; представление, абстрагированное от восприятия) [146];

Из дефиниций мы видим, что в немецкой языковой картине мира концепт сохраняет в своих значениях первоначальную идею «схватывания», предложенную П. Абеляром: в современном значении концепт представляет собой «обрывки значений», собранные воедино по принципу семантического соответствия и образующие четкий план (словесное содержание), которое формирует инновационную идею.

В Оксфордском словаре английского языка мы находим следующие определения концепта:

1. An idea or a principle that is connected with something abstract, abstract idea (идея или принцип, связанный с чем-то абстрактным, также абстрактная идея);

2. An idea for something new (новая, инновационная идея) [170].

Кембриджский словарь дает дополнительное значение данному термину:

1. An idea, theory, etc. about a particular subject (идея или теория относительно определенного предмета) [139].

Толковый словарь Коллинза содержит наибольшее число дефиниций и в полной мере раскрывает смысл термина «концепт». Ниже приведены определения из словаря Коллинза, не указанные в Оксфордском и Кембриджском словарях:

1. Philosophy: a general idea or notion that corresponds to some class of entities and that consists of the characteristic or essential features of the class (философ.: общая идея или понятие, соответствующее определенному классу сущностей и состоящая из характерных или неотъемлемых черт этого класса);

2. The conjunction of all the characteristic features of something (совокупность характерных черт);

3. A theoretical construct within some theory (конструкция внутри теории);

4. A directly intuited object of thought (непосредственно созерцаемый объект мысли) [144].

Изначальные словарные дефиниции являются точкой, с которой начинается развитие концепта как понятия. Они являются неотъемлемой частью в процессе формирования лингвистических теорий, так как лингвист действует, в первую очередь, в рамках собственного языка.

Основываясь на данных дефинициях, можем дать следующую характеристику европейскому концепту как лингвокультурной единице:

Концепт – это инновационная идея, наделенная абстрактностью и имеющая прямое отношение к предмету или явлению, которое формируется в человеческом сознании. Она способна быть созерцаемым объектом мысли, принадлежать к определенному классу сущностей и хранить в себе характерные черты, свойственные этому классу.

Данные характеристики концепта находят отражение в дефинициях европейских ученых, так как в процессе формирования новой теории лингвист руководствуется, в первую очередь, свойствами и значениями, заложенными в его родном языке. По этой причине, мы решили выделить основные особенности европейского концепта как основы осмысленного словопорождения:

1. Концепт – это инновационная идея;
2. Концепт состоит из «обрывков смыслов», формирующих общую картину;
3. Концепт наделен абстрактностью и формируется в человеческом сознании;

Среди современных учений о концепте распространена теория, известная как “Lexical Concepts and Cognitive Models Theory” («Теория о лексических концептах и когнитивных моделях»). Одним из наиболее известных представителей этой теории является британский ученый В. Эванс.

В своей работе “New directions in cognitive linguistics” В. Эванс характеризует лексический концепт как компонент лингвистического знания, способного кодировать разные виды лингвистических значений [150, с. 31]. В рамках теории о лексических концептах и когнитивных моделях (сокр. англ.: LCCM Theory, сокр., русск.: ЛККМ), В. Эванс характеризует концепт как средство моделирования единиц семантической структуры [150, с. 78]. Когнитивная модель, напротив, является компонентом концептуального знания и участвует в его формировании, не обладая лингвистическими свойствами. Концепт и когнитивная модель относятся к разным репрезентативным системам. Однако только двуединство данных составляющих способствует формированию лингвистически опосредованной коммуникации. Только синергия концепта и когнитивной модели способна сформировать семантическую репрезентацию, без которой невозможна когнитивная деятельность индивида.

В другой своей работе, “How words mean: lexical concepts, cognitive models, and meaning construction”, В. Эванс представляет смысл в качестве отдельной категории, действующей в рамках языковой парадигмы. Согласно В. Эванс, конструирование смысла происходит на стыке языка и процессов общения и познания. Только междисциплинарные исследования способствуют полноценному изучению семантической составляющей слов [149, с. 91].

Значение слова по В. Эванс всегда зависит от контекста. В указанной выше работе автор опровергает утверждение о том, что существует два типа значений: контекстуально-независимый (семантика) и контекстуально-зависимый (прагматика). В. Эванс убежден, что любое смысловое значение изменчиво по своей природе и обладает определенной степенью прагматики. Изменчивость языковой единицы зависит от объема энциклопедического знания и контекста его использования (дискурса). Смысл – это ключ к неязыковому энциклопедическому знанию. Он определяется контекстом и является его функцией [150, с. 105]. Таким образом, лексический концепт –

это словесная репрезентация смыслов, содержащихся в когнитивных моделях и объединенных одной идеей. Раскрытие и модификация лексического концепта зависят от контекста и дискурса.

Также в работе “New directions in cognitive linguistics” другой ученый, Д. Касасанто (D. Casasanto), поднимает вопрос влияния концептуальной метафоры как основной единице формирования образного мышления. Концептуальная метафора понимается как объект ментальной репрезентации, который способен формироваться в сознании говорящего без использования языковых средств. Однако концептуальная метафора неразрывно связана с языком, так как анализ структуры абстрактного концепта возможен только посредством использования языка. Более того, носители разных культур будут формировать в своем сознании концептуальные метафоры, свойственные их языку и культуре, так как язык с ранних лет откладывает отпечаток на образ мыслей каждого отдельного индивида. Как в данной работе, так и в статье “Time in the mind: Using space to think about time“ автор рассматривает грамматическую категорию времени как фактор влияния на формирование концептуальной метафоры «Время» в сознании разных носителей культуры [140, с. 582].

Рассматриваемый нами концепт «Мечта» в русской и немецкой языковых картинах мира также будет формировать отличные друг от друга концептуальные метафоры. Расхождения можно увидеть на самом начальном этапе – в процессе моделирования абстрактного концепта, способного впоследствии образовать ряд концептуальных метафор. Причиной многочисленным расхождениям является влияние как внутриязыковых признаков (грамматики, этимологии), так и исторических (развитие культуры, просвещения и т.д.) (см. гл. 1.3.2, 2.1.1, 2.1.2).

Тема концептуальных метафор не теряет своей актуальности многие годы. Здесь нельзя не отметить работы Дж. Лакоффа, посвятившего труды данной теме, многие из которых стали предтечей последующих исследований. Дж. Лакофф характеризует метафору как основу формирования мыслительной

деятельности. Поскольку концептуализация мира является неотъемлемой частью мыслительной деятельности человека, внутренние ее процессы происходят с помощью идеализированных когнитивных моделей, обладающих репрезентативной функцией и строящих когнитивный план порождающей сферы, которая, в свою очередь, соединяет концептуальные и сенсорные уровни для последующего применения в целевой сфере [161, с. 210].

Согласно работам Дж. Лакоффа, наличие образа в структуре концепта обеспечивается посредством прототипной семантики, то есть способностью отдельных смысловых элементов представлять класс концептов. Метафора – это феномен сознания, находящий отражение во взаимодействии языка, мышления, культуры. Также характерной особенностью концептуальной метафоры является активное участие данного ментально-лингвистического феномена в формировании общественного опыта. Локус концептуальной метафоры Дж. Лакофф видит в понятийном мышлении, неотъемлемой частью которого является ментальное пространство [160, с. 198].

Как мы видим, учение о концептуальных метафорах в отечественной и зарубежной лингвистике имеет значительные расхождения. Если зарубежная лингвистика характеризует концептуальную метафору как главный мыслительный процесс, через который мы смотрим на мир, то в российской лингвистике концептуальная метафора – это единица образного мышления, которая носит дискурсивный характер.

Концептуальная метафора в трудах западных ученых рассматривается преимущественно с позиции индивидуального сознания индивида (в результате чего способна формировать опыт), в отечественной – с учетом языковой среды (благодаря чему существуют различные классификации концептуальных метафор). Локус зарубежной концептуальной метафоры находится в понятийном мышлении, а отечественной – в мыслях, что делает ее более объемной в смысловом содержании и открывает нам более широкое поле для анализа.

Теория, полученная в ходе изучения концептуальных метафор, является необходимой для данной работы, так как позволяет подробно изучить смысловой компонент концепта «Мечта» с учетом его образной составляющей с позиции художественного и лингвокультурного аспектов (см. глава 3).

Сравнив основные результаты, полученные в ходе анализа работ, посвященных концептуальной метафоре, мы выделили основные тезисы, необходимые для нашего дальнейшего исследования:

1. Концептуальная метафора является ментальным феноменом, отражающим образные представления индивида о предмете или явлении;
2. Локус концептуальной метафоры находится в мыслях и соединяет понятийный и образный компоненты, создавая широкое пространство для интерпретации;
3. Концептуальная метафора способна формировать ментальные пространства, дискурсивна, на ее модификацию могут влиять экстралингвистические факторы;

В своей работе «Концептуальная структура в лексических единицах» (“Conceptual structure in lexical items”) К. Пруст поднимает вопрос лексикализации и нелексикализации концептов в процессе невербального общения. В процессе работы автор рассматривает не только существующие лексические единицы, но и «лексические пробелы», т.е. когнитивные понятия, не имеющие аналога в языке. В своей работе автор анализирует лексические пробелы в процессе общения. Каждое концептуальное поле изучается по очереди, что дает исчерпывающее описание нелексикализованных единиц [171, с. 190].

Известный голландский психолингвист, В. Левелт, понимает под концептуализацией интерпретацию смыслов в результате таких ментальных процессов как: намерение, отбор, организация информации. Совокупность всех трех процессов обеспечивает продуцирование речи [164, с. 190]. В своем труде “Speaking: from intention to articulation” В. Левелт характеризует совокупность данных процессов как неотъемлемую часть порождения речи,

находящуюся под влиянием декларативных знаний, называемых лексиконом. Система распознавания речи позволяет осуществить контроль итогового речевого акта.

Процесс речепорождения по Л. Левелту может быть представлен в виде трех модулей: концептуализатора, формулятора и артикулятора в сочетании с лексиконом. Концептуализация трансформирует идеи и структурирует их в лексические и грамматические единицы для дальнейшей вербализации. В результате довербальное сообщение переходит в разряд формулятора, состоящего из двух компонентов: грамматического кода, создающего шаблон предложения (поверхностную структуру), и фонологического кода, формирующего «фонетический план» [164, с. 250]. Фонетический план – это исходные данные формуляционного модуля, из которого довербальное сообщение получает лексическую оболочку. Лексикон, состоящий из форм и лемм, ведет к завершающему модулю – артикулятору. Леммы используются в качестве грамматического кода и содержат «сгусток» декларативной информации. Формы заключают в себе морфологические и фонологические свойства, служащие фонологическим кодом. На стадии артикуляции когнитивные процессы получают звуковой образ и превращаются в речь.

Основная задача работы “Speaking: from intention to articulation” лежит в изучении способов преобразования концептов в звуковой образ. Значимость данной работы заключается в подробном рассмотрении взаимосвязи концептуального мышления и языка, а также способов преобразования речи, что является предметом изучения не только филологических наук.

Немаловажным вопросом в концептологии является полисемия. Проблему многозначности поднимал в своих работах известный зарубежный лингвист П. Чилтон. В статье “Get and the grasp schema. A new approach to conceptual modeling in image schema semantics” автор рассматривает явление полисемии как процесс пересечения разных когнитивных моделей, объединенных одним словом и обладающих непохожей смысловой наполненностью [143, p. 331].

Также в своих работах П. Чилтон изучает связь между первичным значением концепта и его возможностью образовывать когнитивные отношения между конкретной и абстрактной семантикой. В указанной выше статье автор предлагает новый подход к моделированию пространственных концептов: под пространственным значением П. Чилтон понимает движение и использует графики, в которых изображает пространственные отношения смысловых единиц, раскрывающих определенный смысл концепта [141, p. 95]. Данная схема позволяет увидеть семантические изменения в зависимости от коммуникативной ситуации, конечным итогом которых становится полисемия. Данный метод подходит для изучения динамики пространственных концептов, подразумевающих в своем значении перемещение [142, p. 100].

Инновационный метод исследования полисемии концептов предлагает Д. Глинн. Предложенный автором “Usage based approach” предполагает симбиоз построения лексического поля концепта (“Lexical Network”) и использование мультифакториального метода (“Quantitative Multifactorial method”) [153, с. 15]. Отличительной особенностью мультифакториального метода является процесс выявления случаев употребления смысловой единицы в различных контекстах с целью последующего анализа ее когнитивно-функциональных особенностей в определенных контекстах [153, с. 29]. Суть мультифакториального метода заключается в изучении и анализе различных факторов, влияющих на употребление морфем, лексем и синтаксических структур, входящих в одно концептуальное поле.

Явление полисемии, истоки которого хранятся в мышлении индивида, является неотъемлемой частью любого языка. Мы согласны с утверждением П. Чилтона о том, что причиной появления полисемии является наложение когнитивных моделей, в результате которых происходит смысловое смещение, образуются когнитивные отношения между конкретным и абстрактным значением в зависимости от коммуникативной ситуации [141, с. 79].

Данное явление можно увидеть не только в отношении пространственных значений, о которых пишет автор, но и среди концептов,

содержащих номинативный аспект. Так рассматриваемый нами концепт «Мечта» также обладает полисемичными свойствами и обретает новые оттенки смыслов в зависимости от дискурса (см. п. 2.1.1, 2.1.2).

Как и во многих других странах, когнитивная лингвистика соприкасается с другими науками: психолингвистикой, логикой, этнолингвистикой, философией языка. Так Р. Дж. Бернштейн (R. J. Bernstein) в своей работе “Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis” анализирует связь герменевтики и когнитивной лингвистики, т. е. соотношение мыслительных процессов и их интерпретации [138, с. 51].

Поскольку предметом исследования когнитивной лингвистики являются концепты, «многомерные соединения смыслов», у герменевтики и лингвистики есть одна общая черта – обе науки характеризуют «чувство» (“sense”) как ментальную единицу, необходимую для мыслительного процесса. В своем исследовании автор фокусируется на языке как инструменте организации, обработки и передачи информации. Рассмотрение языка в качестве “инструмента” также является связующим звеном между герменевтикой и когнитивной лингвистикой. Р. Дж. Бернштейн разделяет мнение Ч. Тейлора о том, что в науках о человеке неизбежно присутствует герменевтический компонент [138, с. 31]. Образы, заключенные смысловые единства (концепты) входят в сознание людей и модифицируются в нем, в результате чего превращаются в закодированную информацию, требующую толкования и интерпретации (герменевтические приемы).

Среди немецких ученых когнитивная лингвистика также является динамично развивающейся междисциплинарной наукой, привлекающей внимание большого количества лингвистов [110, с. 83]. Так М. Шварц-Фризель понимает под языком когнитивную подсистему, которой свойственны собственные закономерности, но которая при этом связана с другими когнитивными науками и способна функционировать во взаимодействии с ними [176, S. 107, 113]. Языковая способность по М. Шварц-

Фризель осуществляется посредством симбиоза репрезентативного и процедурального знаний.

Память является главной составляющей в процессе когнитивной деятельности индивида. Вербализация лингвистических процессов происходит с помощью опосредованных и закрепившихся в нашей памяти образов (репрезентаций) в сочетании с приемами понимания и применения языковых знаков (процедуральное знание). Процедуральные знания неразрывно связаны с репрезентативными, так как представляют процесс их семантизации и экспликации посредством использования кодов (концептов), вербализованных с помощью речевых средств.

М. Шварц-Фризель характеризует когнитивную лингвистику как интегративную, динамично развивающуюся междисциплинарную науку, нацеленную на изучение мыслительных механизмов человеческого сознания. В своем труде “Einführung in die kognitive Linguistik“ («Введение в когнитивную лингвистику») автор подчеркивает снижение роли синтаксиса в германской лингвистике в пользу семантики. Также М. Шварц-Фризель разъединяет когнитивную лингвистику и генеративную грамматику, делая акцент на редукционизме последней [176, S. 107, 115].

Идею междисциплинарности когнитивной лингвистики развивают в своей монографии “Kognitive Linguistik: Theorien, Modelle, Methoden“ («Когнитивная лингвистика: теории, модели, методы») Г. Рикхайт, С. Вайсс и Х.-Ю. Айкмайер. Авторы видят необходимость привлечения методологии других дисциплин для верификации полученных в процессе когнитивного анализа данных. Чаще всего в процедуре проверки участвуют смежные дисциплины: нейролингвистика, компьютерная лингвистика и т.д. По мнению авторов, когнитивная лингвистика тяготеет к практической интеграции парадигм, в результате которой происходит интеграция фундаментальных и прикладных наук [172, с. 81].

Современная западная лингвистика во многих аспектах опирается сегодня на труды австро-английского философа Л. Витгенштейна. Среди

особенно значимых работ следует выделить статьи “Is Everything Nameable?” К. Э. Андерсона (C. Anthony Anderson), “Understanding Linguistic Signs. A Note on Husserl and Frege” Сандры Лапуэнт (Sandra Lapointe) и др. [162, с. 11, с. 190]. Несмотря на то, что указанные выше работы были написаны представителями философских наук, поднимаемые в исследованиях вопросы непосредственно касаются языковой сферы.

К. Э. Андерсон исследует в своей работе возможность дать наименование всем предметам и явлениям, происходящим как вокруг, так и внутри нас. В своем исследовании он приходит к выводу, что все ассоциативные и мыслительные единицы группируются в единые кластеры (концепты). Однако не все составляющие данного кластера имеют четкое название, многие из них являются невербальными. В процессе исследования автор опирается на принципы логики как инструмент управления пропозицией, атрибутом и сутью (концептом). В данной трилогии самым объемным в смысловом содержании является концепт, так как представляет собой собрание смысловых элементов, в то время как пропозиция и атрибут играют строительную, формирующую роль [162, с. 12]. Однако несмотря на то, что концепт является основополагающим аспектом мышления и речи, возможность дать всему имя является неосуществимой, так как семы, входящие в концепт, могут иметь исключительно перцептивных характер и не обладать вербальным выражением.

Исследование С. Лапуэнт посвящено изучению языковых знаков в процессе мышления и обмена информацией. Опираясь на труды немецких философов Э. Гуссерля и Г. Фреге, автор приходит к выводу о том, что язык – это не система абстрактных типов мыслительных или речевых актов, независимых от человеческих действий, но сореализация ментальных актов с коммуникативным контекстом. Симбиоз учений Э. Гуссерля и Г. Фреге о взаимосвязи языка и мышления дает возможность увидеть значимость теории лингвистического значения: связь между общими знаками и языковым поведением, содержащим в себе индивидуальные, «интимные» (“intimate”)

языковые знаки, имеет место лишь в случае семантической валентности последних [162, с. 191]. В своей работе С. Лапуэнт связывает лингвистическую теорию с теорией о познании Г. Фреге, которая описывает язык как не как систему абстрактных элементов, не зависящих от человеческих действий, но в совокупности с аспектами человеческой перцепции и психологическим фактором.

Рассмотрев основные особенности учения о концептах в трудах зарубежных ученых, мы вывели следующие свойственные западной лингвистике характеристики:

1. Исходя из общих характеристик, концепт – это инновационная абстрактная идея, формирующаяся в человеческом сознании. Она неразрывно связана с культурным кодом, свойственным определенному народу и содержит в себе смыслы, нуждающиеся в трактовке и интерпретации.

2. Концепт – это ментальная единица, нуждающаяся в комплексном анализе и становящаяся объектом изучения многих смежных фундаментальных и прикладных наук.

3. Концепт не имеет четкой формы и состоит из «обрывков значений», объединенных по принципу семантического соответствия и способных образовать план содержания.

4. В англоязычном пространстве набирает популярность теория ЛККМ (теория о лексических концептах и когнитивных моделях), в которой концепт является средством моделирования единиц семантической структуры, а когнитивная модель – формирующим компонентом концептуального знания.

5. Также зарубежная лингвистика интересуется способами преобразования концептов в звуковой образ. Анализируются способы порождения речи, формирование довербального сообщения и его последующая вербализация.

6. Особую популярность набирают исследования, посвященные концептуальным метафорам. Нами был проанализирован ряд работ о концептуальных метафорах. Мы сравнили результаты с данными,

полученными в ходе анализа работ, написанных российскими лингвистами. Нами были выбраны наиболее релевантные свойства концептуальных метафор, указанные в отечественных и зарубежных работах для дальнейшего анализа образного концептуального компонента на эмпирическом материале.

7. Одним из пунктов изучения когнитивной лингвистики в зарубежных исследованиях стало явление полисемии. Нами были рассмотрены наиболее значимые работы в этой области, сделан вывод о неизбежности данного явления вследствие пересечения разных когнитивных моделей. Мы отметили способность полисемии образовывать когнитивные отношения между абстрактными и конкретными значениями, а также ее способность пополняться под воздействием смены коммуникативной ситуации.

8. В немецкоязычном пространстве когнитивная лингвистика и концептология, в частности, тяготеют к междисциплинарности, намечается уход от основ порождающей грамматики, процесс познания языка происходит посредством возвращения к естественному языку как способу описания действительности. Многие исследования в сфере когнитивной лингвистики проводятся в объединении со смежными науками, что позволяет получить более точные данные в области изучения связи языка и мышления.

9. Междисциплинарность – явление, свойственное когнитивной лингвистике не только для немецкоязычного пространства, но и для западной когнитивной лингвистики в целом. Междисциплинарность когнитивной лингвистики как науки мы находим в мультифакториальном методе Д. Глинна, герменевтическом исследовании Р. Дж. Бернштейна, в вопросе о возможности лексикализации невербального К. Пруст и т.д.

10. В англоязычном пространстве лингвокогнитивные исследования часто сочетаются с философией (см. работы Р. Дж. Бернштейна, К. Э. Андерсон, С. Лапуэнт и др.), что доказывает междисциплинарный характер концептологии как науки и позволяет увидеть процесс взаимосвязи языка и мышления с эпистемологической точки зрения.

На основании выводов, полученных в результате изучения отечественных и зарубежных трудов, посвященных концептологии, мы можем сформулировать следующие характеристики, свойственные концепту:

1) Концепт – инновационная абстрактная идея, хранящая в себе смысловое содержание понятия, культурный шифр и индивидуальные смыслы, хранящиеся в памяти индивида и требующие интерпретации;

2) Главный принцип изучения концептов – междисциплинарность, так как концепт нуждается в комплексном анализе;

3) Концепт не имеет четкой формы. По этой причине, он обладает свойствами дискурсивности и способен принимать на себя различные классификации в зависимости от сферы употребления;

4) Мы находим целесообразным использование теории о лексических концептах и когнитивных моделях (ЛККМ) в сочетании с теорией о синтаксических концептах, предложенной российскими лингвистами, т.к. структурированность учений позволяет рассмотреть связь мышления и речи в виде синтаксических конструкций и представить, таким образом, план вербализации высказывания;

5) В изучении концепта как главной мыслительной единицы мы считаем необходимым его рассмотрение с художественной и лингвокультурной позиций. Так как мы изучаем конкретный концепт («Мечта»), рассмотрение частных аспектов концепта по отношению к общим (лингвокультурологическим) является более целесообразным, чем обратный процесс;

6) Концептуальная метафора – ментальным феномен, формирующийся в мыслях и хранящийся в памяти индивида. Основной функцией концептуальной метафоры является соединение понятийного и образного компонентов, с помощью которых она образует ментальное пространство для дальнейшей интерпретации образов. Человеческое мышление наполнено концептуальными метафорами, образный компонент которых может быть имплицитным (неявно выраженным, образный

компонент перестал с течением времени восприниматься носителями культуры) и эксплицитным (отчетливо выраженным).

На наш взгляд, важной частью в учении о концептологии играет полисемия. Многозначность, появляющаяся в лексическом составе языка, не является случайной – она олицетворяет результат пересечения различных когнитивных моделей, благодаря которым в человеческом сознании образуются многомерные смыслы, находящие воплощение в процессе вербализации.

1.3. Моделирование концептов «Мечта» и «Traum» как процесс выделения лингвокультурологических признаков

1.3.1. Язык и его роль в моделировании когнитивного пространства

Человек – самое сложно устроенное из всех живущих на Земле существ. Человеческому разуму подвластно многое: от создания цивилизаций до формирования государств.

Самое большое достояние Человека – речь, благодаря которой он может в полной мере выразить всю палитру наполняющих его эмоций, от гнева до высшей степени восторга. Однако речь способна существовать лишь в диалектическом единстве с языком.

Язык – сложное образование, созданное человеком и обладающее собственной системой, свойства которой отражают накопленный веками опыт определённого народа. Если речь – это способность говорящего доносить информацию до реципиента, то язык – это инструмент, с помощью которого достигается требуемый результат.

Понятие языка шире понятия речи, так как именно язык обладает набором общих правил, придуманных некой общностью людей и отражающих их образ мыслей, жизненный опыт, явления окружающей действительности, пропущенные через призму собственного сознания.

Главная способность человека заключается в его умении мыслить. В отличие от прочих живых существ человек обладает не только сознанием, но и рефлексией, т.е. умением анализировать, выстраивать причинно-следственные связи, нести ответственность за собственные поступки. Другими словами, высшей деятельностью человека является его когнитивная деятельность.

Главной особенностью речи является её осознанность: воспроизведение звуков не происходит произвольно, но подчинено особым правилам, которые были созданы много веков назад и переходили из уст в уста до тех пор, пока не превратились в языковую норму. Формирование звуков, а позднее – слов и предложений – является прерогативой языка.

Особенность языка заключается в том, что он, обладая определенным набором правил и языковых единиц, все же не является универсальным образованием, но, напротив, указывает на индивидуальное восприятие окружающей действительности отдельным народом. Способность выразить в словесной форме сначала предметы внешнего мира, а затем и чувственного восприятия является первым признаком взаимосвязи речи и человеческого сознания.

Большое количество языков в мире указывает на тот факт, что все народы по-разному осмысливают одни и те же явления, это также находит отражение в языке. Устная речь с течением времени приобретала письменность, определенную форму и правила, послужившие основой для формирования языка.

Изучать иностранный язык – значит приобщиться к новому образу мыслей, стать ближе народу, который прежде казался чужим, ведь посредством изучения языка мы начинаем лучше понимать чужую культуру, также находящую отражение в языке. Как верно отметил известный ученый В. фон Гумбольдт, каждый язык описывает круг, внутри которого замкнут человек и выйти из границ которого «можно только в том случае, если вступаешь в другой круг» [59, с. 4].

Человеческое сознание, являясь проекцией действительности, неумолимо находит отражение в языке. Совокупность происходящих событий, явлений, необходимость в выражении чувственного восприятия, формирование моральных и культурных ценностей – все эти факторы легли в основу создания культурных единиц, позднее названных концептами.

Концепт – это ментальное образование, включающее в себя набор лексических единиц, объединенных общей смысловой нагрузкой. Мышление человека состоит из концептов, олицетворяющих культурные ценности, свойственные определенному народу. Большая часть из них универсальна. Другими словами, в большинстве языков мира существуют базовые концепты, представление о которых есть у различных носителей культуры. Однако смысловая наполненность данных концептов будет варьироваться в зависимости от менталитета и культурных особенностей каждого народа. Так во многих языковых картинах мира существуют концепты «Дом», «Работа», «Мужество», «Детство», «Любовь» и т.д.

Рассматриваемый в данном исследовании концепт «Мечта» мы также относим к базовым концептам, так как он актуализирован во многих языковых картинах мира. Данный концепт является, по нашему мнению, базовым, т.к. в нем сосредоточена интенция человека к созерцанию. Несмотря на широкое распространение концепта «Мечта» в различных культурологических картинах мира, степень его изученности остается относительно невысокой. В связи с этим мы рассмотрим его более подробно в своем исследовании.

1.3.2. Моделирование концептов «Мечта» и «Traum» как способ отражения когнитивно-релевантных единиц

Моделирование концепта является отдельной темой для дискуссии в современной лингвистике. Так И.П. Михальчук утверждает, что изучение строения концепта возможно лишь при условии вычленения его базовых семантических компонентов, и анализа связи между ними [91, с. 30]. Ю.С. Степанов представляет концепт двусторонней единицей человеческого

мышления, в которой, с одной стороны, отражаются признаки, свойственные понятию, с другой – характеристики, делающие его фактом культуры. Сюда можно отнести этимологию, исторические события, изменения уклада жизни людей, в результате которого меняется система ценностей [117, с. 19].

Существует также метод моделирования концепта с помощью дискурсного подхода, предложенный Е.И. Шейгал. Согласно теории, дискурс является одновременно местом зарождения концепта, способом его реализации, изменения и развития [135, с. 329]. Е.И. Шейгал отмечает, что при исследовании концептосферы важно принимать во внимание когнитивный фон, включающий в себя фреймы (формы типичного речевого поведения), стили и жанры, свойственные определенному стилю речи, а также знание прецедентных текстов.

Моделирование концепта посредством фреймовой структуры также является одним из способов исследования концептосферы. А.Н. Баранов дает описание фрейму как когнитивной структуре (с онтологической точки зрения), смежной по своему значению с гештальтом. Инструментальный аспект фрейма подразумевает декларативное представление о действительности, репрезентирующее концепты и образы окружающего мира [13, с. 52].

Несмотря на достаточно большое количество методов моделирования концепта, мы считаем наиболее полным для описания концепта как ментальной единицы подходы З. Д. Поповой и И.А. Стернина, включающие в себя четыре неразрывно связанные друг с другом процедуры:

1. Анализ макроструктуры концепта;
2. Описание категориальной структуры;
3. Изучение полевой организации;
4. Анализ графического (или словесного содержания). [103, с. 111]

Макроструктура концепта включает, в свою очередь, образный компонент, информационный минимум и энциклопедическое содержание концепта. Рассмотрим изучаемый нами концепт «Мечта» через призму его структурной организации.

Образный компонент лингвокультурного концепта «Мечта» является трудным для определения его сущности с позиции национального сознания, так как обладает большим количеством исключительно индивидуальных образов и абстрактным характером. Полученные в процессе анализа результаты заставляют нас согласиться с М.В. Пименовой относительно метафорического осмысления когнитивного образа, благодаря которому абстрактный концепт обретает материальную оболочку [100, с. 47], что позволило нам прийти к следующим выводам:

1. Наиболее общими перцептивными признаками концепта «Мечта» в русском языке являются: *розовая, голубая, сладкая, туманная, большая*, концептуальные метафоры *звезда, крылья* и др. (см. глава 3).

2. В немецкой языковой картине мира среди общих перцептивных признаков концепта «Traum» можно выделить следующие: *blauer, Kindertraum, süßer, starker, uralter, usw.*

3. Метафоричность концепта «Мечта» изначально заложена в его абстрактности. Согласно М.В. Пименовой, когнитивный образ формируется посредством материальной единицы. В своей работе «*Душа и дух: особенности концептуализации*», автор приводит пример концептуализации ментального образования «душа», материализующегося посредством лексической единицы «дом» и формирующего таким образом концептуальную метафору [99, с. 300]. В рассмотренных нами в третьей главе поэтических текстах основными материальными единицами, формирующими концептуальную метафору в русской художественной картине мира, являются слова «крылья», «звезда», «кукушка», «весна»: «на лотке роз *крылатые мечты*», «*лечу к безвестному отважною мечтой*», «*мечтами окриленный*», «*звезда пленительного счастья*», «*одной звезды я повторяю имя*» и т.д. В немецких поэтических текстах основной материальной единицей концептуальной метафоры «Мечта» стали лексические единицы “Wunder” («чудо»), “Frühling“, “Lenz” – «весна» (“Schon hat der Lenz verblüht und ausgesungen“, “Der Zauber war geschwunden“) (см. гл. 3, п. 3.2). Также

концептуальная метафора «Traum» находит воплощение посредством материального образа цветов: *голубой цветок* – у Новалиса и Й. Эйхендорфа, «старая роза» – у Г. Гейне, *подснежник* – у Н. Ленау, *увядание цветов* как идея быстротечности времени у Ф. Геббеля, *цветочная символика* Л. Уланда и т.д. [31, с. 168] [147, S. 120], [157, S. 309], [163, S. 99] [56, с. 100, 117].

Информационный минимум концепта «Мечта» является его информационным ядром, формирующим смысловую наполненность [10, с. 47]. В русском языке информационный минимум концепта «Мечта» может быть представлен следующими дефинициями: «нечто, созданное воображением», «предмет желаний».

В немецком же языке информационный минимум концепта «Traum» значительно шире и может быть представлен следующими дефинициями, не являющимися валентными в своем значении: “Im Schlaf auftretende Vorstellungen” («Происходящие во сне представления»), “Sehnlicher Wunsch” («Сокровенное желание») [146].

Энциклопедическое содержание концепта обладает более индивидуальным характером, так как отражает эмпирический и рефлексивный опыт отдельного индивида. В нашей работе энциклопедическое содержание концепта «Мечта» представлено в художественном аспекте в работах преимущественно поэтического содержания, в лингвокультурологическом аспекте – на материале народных лиро-эпических произведений. В процессе исследования мы рассматриваем историю происхождения и этимологическое значение слов «Мечта» и «Traum» в русском и немецком языках, даем краткую характеристику их общей семантической наполненности, а затем на основе этих данных сравниваем информационный минимум и энциклопедическое содержание концептов, выявляем степень влияния индивидуального мировосприятия на поле общекультурного концепта. Так энциклопедическое содержание концепта «Traum» в индивидуально-авторской картине мира И.В. Гете можно охарактеризовать следующими языковыми единицами:

Besinnung (размышление), *Nostalgie* (ностальгия), *sehnlische Hoffnung* (сокровенная надежда) и т.д. [64, с. 77].

В творчестве А.С. Пушкина концепт «Мечта» обладает следующими энциклопедическими значениями: *греза, чаяние, ностальгия* [65]. Как мы видим, энциклопедическое значение концепта «Мечта» в творчестве А.С. Пушкина и И.В. Гете частично совпадают. Это связано с общностью эпохи, а также процессом заимствования европейских черт русской культурой, который начался в XVIII веке и во многом повлиял на развитие многих сфер жизни, включая искусство.

Однако следует отметить, что европейские культурные коды, смешавшись с русской самобытной культурой, обрели со временем новые оттенки смыслов, обогатив таким образом русскую концептосферу. Данный процесс можно рассмотреть на примере различия энциклопедических значений аналогичных концептов «Мечта» и «Traum» в творчестве А.С. Пушкина и И.В. Гете: энциклопедическое значение “*sehnlische Hoffnung*” и «чаяние» имеют аналогичный смысл. Однако понятие «чаяние» шире аналогичного немецкого понятия и подразумевает под собой не только «надежду», но и «ожидание».

Описание категориальной структуры концепта позволяет выявить его классификационные признаки и расположить их в иерархии по степени возникновения в человеческом сознании или употребления в речи.

В процессе изучения категориальной структуры концепта «Мечта» («Traum») в русской и немецкой художественных картинах мира, нами было рассмотрено более 20000 макротекстов в обоих языках. Полученные результаты позволяют выделить следующие когнитивные признаки:

А. В русской художественной картине мира с помощью когнитивного анализа нами были выделены следующие признаки:

Греза, иллюзия, надежда, чаяние, фантазия, представление, желание, шанс, идеал, нега, стремление, созерцание, ностальгия, томный взгляд; (мечта) может быть: романтической, утопической, заветной, тайной, голубой, наивной,

бесплодной, пустой, глупой, честолюбивой, большой, детской, прекрасной, несбыточной, главной, упрямой, былой, смелой, возвышенной; (мечту) можно: лелеять, хранить, исполнить, воплотить в жизнь, воспевать, осуществлять, сделать явью, гнаться, преследовать; устойчивые сочетания: синяя птица, строить воздушные замки, считать ворон, витать в облаках, уноситься в мечтах, парить между небом и землей, считать звезды, порыв души, стремление сердца, томный взгляд, встречать рассвет, мечта о подвигах, утонченность мечты и т.д.

Полученные результаты позволяют классифицировать когнитивные признаки по следующим критериям:

1. Составные элементы: греза, иллюзия, надежда, чаяние, фантазия, представление, желание, шанс, идеал, нега, стремление, созерцание, ностальгия, безглагольность, истома, безмятежность;

2. Качество: может быть романтической, утопической, заветной, тайной, голубой, наивной, бесплодной, пустой, глупой, прекрасной, честолюбивой, большой, детской, несбыточной, главной, упрямой, жадной, былой, смелой, влюбленной, внезапной, возвышенной;

3. Признак по действию: лелеять, хранить, исполнить, воплотить в жизнь, воспевать, осуществлять, сделать явью, мчаться, гнаться, преследовать, ловить, изменить, ввериться (мечте), вспыхнуть, загореться (мечтой);

4. Другое: синяя птица, строить воздушные замки, считать ворон, витать в облаках, уноситься в мечтах, парить между небом и землей, считать звезды, порыв души, стремление сердца, томный взгляд, встречать рассвет, мечта о подвигах, утонченность мечты и т.д.

Таким образом, можно увидеть, что большинство признаков, формирующих смысловое содержание концепта «Мечта», представлены составляющими ядро и ближнюю периферию составными элементами (см. ниже), а также единицами, характеризующими их качественную составляющую. Способ осуществления концепта (признак по действию) остается преимущественно на дальней периферии когнитивного восприятия.

Смысловые единицы, объединенные категорией «Другое», находятся на крайней периферии когнитивного сознания.

Б. В немецкой художественной картине мира нами были выделены следующие признаки концепта «Traum»:

Vorstellung, Erscheinung, Träumerei, Nachtruhe, Wunsch, Hoffnung, Streben, Sehnsucht, Wille, Fantasie, Täuschung, Trugbild, Illusion, Betrachtung, Kontemplation, Anschauung, Wunschbild, Nostalgie, Zauber, Sinn, Gefühl, Lenz, Wonne, Selichkeit, Besinnung, Reflexion, Erinnerung, Lust, Drang, Ehrgeiz, falsche Erwartung, Kindertraum, Knabentraum, stille Sinne, Traum von der Ruhe; der Traum kann sehulich, selig, bange, hold, blau, fabelhaft, süß, leer, groß und klein, gut und böse sein; man kann wachend träumen, wünschen, wännen, im Traum sehen, wollen, streben; Redewendungen: im halben Traum, Ernteträume, im Behangen des Traums sein, Blüenträume, Traumgesicht, , jn. ins Traumland schicken, Träume sind Schäume, flattern, usw.

Полученные результаты позволяют классифицировать когнитивные признаки немецкого концепта «Traum» по следующим аспектам:

1. Составные элементы (Bestandteile): Vorstellung, Nachtruhe, Erscheinung, Wunsch, Hoffnung, Streben, Sehnsucht, Träumerei, Wille, Fantasie, Täuschung, Trugbild, Illusion, Betrachtung, Kontemplation, Anschauung, Wunschbild, Nostalgie, Zauber, Sinn, Gefühl, Lenz, Wonne, Selichkeit, Besinnung, Reflexion, Erinnerung, Lust, Drang, Ehrgeiz, Traum von der Ruhe;

2. Свойство (Eigenschaft): Kindertraum, Knabentraum, Traumglück, Wohltraum, falsche Erwartung, stille Sinne, Liebestraum, traumhaft, sehulich, selig, bange, hold, blau, fabelhaft, süß, leer, groß, klein, gut, böse, schön, golden, hold, schwer, zerbrechlich, fein, wunderbar;

3. Действие (Handlung): wachend träumen, wünschen, wännen, im Traum sehen, wollen, streben, verschwinden, flattern;

4. Sonstiges: im halben Traum, Ernteträume, im Behangen des Traums sein, Blüenträume, Traumgesicht, usw.

Таким образом, можно увидеть, что признаки, формирующие ядро и ближнюю периферию концепта «Traum», преимущественно представлены составляющими элементами (Bestandteile). Единицы, характеризующие свойства концепта (Eigenschaften), формируют основу, расширяющую смысловое содержание концепта. Большинство смысловых единиц, указывающих на действие (Handlung), составляют дальнюю и крайнюю периферии концепта.

Результаты, полученные в процессе изучения категориальной структуры концепта, позволяют нам перейти к этапу описания его полевой организации. Классификация смысловых единиц в соответствии с категориальной структурой концепта предполагает выделение наиболее используемых и стилистически ярких единиц, возникающих в человеческом сознании и связанных с изучаемым нами концептом с целью дальнейшего разделения этих единиц на ядро и периферию.

Когнитивные признаки концепта «Мечта» в русском и немецком языках указывают на то, что ядро концепта в обоих языках частично совпадает, что позволяет нам классифицировать составные элементы ядра на основании их семантики. Однако следует заметить, что интерпретационное поле концепта «Мечта» шире интерпретационного поля концепта «Traum», так как включает в себя не только составные элементы, но и свойства, сохраняющие качественные характеристики. Периферия ядра представлена преимущественно когнитивными признаками действия и устойчивыми выражениями, указанными под пунктом «Другое» (Sonstiges), в состав которого вошли элементы, в основном пришедшие в язык в процессе общеевропейского культурного развития и, как результат, имеющие в большинстве европейских языков свой семантический аналог. Также к категории «Другое» (Sonstiges) принадлежат прецедентные стилистические тропы и крылатые выражения, являвшиеся ранее индивидуальными и ставшие с течением времени художественными концептами.

Цель описания полевой организации концепта – распределить полученные в результате когнитивного анализа категориальные единицы по степени их употребляемости и экспрессивности.

1. Семантические элементы концепта «Мечта» в русской языковой картине мира можно разделить в соответствии со следующими признаками:

А) Степень употребляемости: желание (98%), стремление (80%), фантазия (80%) надежда (80%), иллюзия (75%), греза (70%), представление (70%), шанс (71%), тайный (72%), заветный (80%), большой (71%), главный (74%), детский (81%), несбыточный (70%), наивный (72%), прекрасный (70%), лелеять (69%), хранить (75%), осуществлять (72%), исполнить (82%), воплотить в жизнь (84%), сделать явью (50%);

Б) Степень экспрессивности: чаяние (55%), идеал (60%), нега (59%), созерцание (59%), ностальгия (40%), шанс (71%), безглагольность (30%), безмятежность (42%), миг (39%), томный взгляд (45%), романтический (71%), голубой (голубая мечта) (40%), бесплодный (58%), честолюбивый (57%), пустой (49%), глупый (80%), упрямый (30%), былой (45%), смелый (72%), возвышенный (71%), воспевать (45%), гнаться (80%) преследовать (51%), синяя птица (45%), строить воздушные замки (47%), считать ворон (35%), витать в облаках (47%), уноситься в мечтах (50%), парить между небом и землей (52%), считать звезды (32%), порыв души (52%), стремление сердца (53%), встречать рассвет (33%), мечта о подвигах (40%), утонченность мечты (45%), ввериться (мечте) (50%), вспыхнуть, загореться (мечтой) (45%);

Данный анализ позволяет увидеть, что наиболее употребляемые единицы имеют синонимичное или смежное значение со словом «Мечта». Большинство из них войдут в ближнюю периферию концепта. Лексема «желание» является ключевой составляющей ядра, так как имеет синонимичное с лексемой «мечта» значение и является наиболее употребляемой в составе данного концепта единицей. Также следует обратить внимание на то, что такие единицы, как «чаяние» и «нега», несмотря на

относительно невысокую степень использования и экспрессивности ввиду архаичной формы слова, будут входить в состав ближней периферии концепта, так как образуют с лексемой «Мечта» семантическое единство.

2. Семантические элементы немецкого концепта «Traum» мы разделили в соответствии с теми же признаками:

А) Степень употребляемости: Vorstellung (98%), Nachtruhe (90%), Träumerei (91%), Wunsch (92%), Erscheinung (70%), Streben (84%), Anschauung (65%), Hoffnung (79%), Wille (85%), Gefühl (89%), Fantasie (89%), Illusion (81%), Wunschbild (80%), Kindertraum (80%), Kontemplation (69%), Lenz (55%), Wonne (51%), Selichkeit (55%), Besinnung (49%), Reflexion (50%), Erinnerung (54%), Lust (47%), Betrachtung (67%), Nostalgie (70%), Knabentraum (59%), groß (85%), klein (79%), gut (70%), böse (52%), traumhaft (89%), wünschen (90%), im Traum sehen (90%), wollen (91%);

Б) Степень экспрессивности: sehnlich (90%), selig (90%), bange (59%), hold (70%), blau (72%), fabelhaft (60%), süß (85%), leer (80%), schön (85%), zerbrechlich (75%), Sehnsucht (81%), Trugbild (79%), Täuschung (54%), Zauber (70%), Sinn (45%), Drang (70%), Ehrgeiz (51%), falsche Erwartung (55%), stille Sinne (40%), Liebestraum (80%), Traum von der Ruhe (49%), wachend träumen (80%), wähnen (70%), streben (71%); im halben Traum sein (79%), Ernteträume (40%), im Behängen des Traums sein (42%), Blümenträume (41%), Traumgesicht (50%), jn. ins Traumland schicken (41%), Träume sind Schäume (42%), flattern (49%), usw.

Согласно анализу полевой организации концепта «Traum», количество лексем, классифицированных по степени употребляемости и экспрессивности, составляет примерно одинаковое количество. Также данный анализ позволяет нам увидеть, что смысловые единицы, отнесенные к категории экспрессивности, также являются широко употребляемыми и могут быть отнесены по своей семантической составляющей к ближней периферии. К

таким единицам относятся лексемы: Trugbild, Liebestraum, leer, süß, schön, sehulich, selig, zerbrechlich, wachend träumen, wännen, streben.

Словесное содержание концепта «Мечта» в русской языковой картине мира можно представить следующим образом:

Ядро: желание, стремление;

Ближняя периферия (приядерная зона): иллюзия, греза, фантазия, представление, чаяние, надежда, нега, истома, заветная, тайная, несбыточная, главная, наивная, большая, бесплодная, былая, детская, лелеять, хранить, исполнить, воплотить в жизнь, осуществлять, сделать явью;

Дальняя периферия: шанс, идеал, созерцание, ностальгия, безглагольность, безмятежность, миг, романтическая утопическая, голубая, пустая, глупая, честолюбивая, смелая, возвышенная, мерцать, сверкать, мигать, воспевать, мчаться, гнаться, преследовать, ловить, изменить, ввериться (мечте), вспыхнуть, загореться (мечтой);

Крайняя периферия: упрямая, внезапная, жадная, влюбленная, синяя птица, строить воздушные замки, считать ворон, витать в облаках, уноситься в мечтах, парить между небом и землей, считать звезды, порыв души, стремление сердца, томный взгляд, встречать рассвет, мечта о подвигах, утонченность мечты;

Словесное содержание концепта «Мечта» позволяет нам увидеть, что периферийное деление смысловых категорий носит условный характер и смысловые единицы могут переходить из одной периферии к другой вне зависимости от своего аспектного признака. Основополагающую роль в данном делении играет дискурс, в зависимости от которого смысловые элементы могут менять свое местоположение. Так, например, в поэтическом дискурсе такие смысловые элементы как «иллюзия», «греза» «чаяние», «нега», «истома» перейдут в область ядра концепта, а смысловые единицы, относящиеся к дальней периферии, перейдут в разряд ближней (ностальгия,

безглагольность, безмятежность, романтическая, возвышенная, ввериться (мечте), вспыхнуть, загореться (мечтой), воспевать.

Ядро концепта «Мечта» представлено двумя элементами, выбранными нами в процессе описания полевой организации концепта на основе смысловой составляющей и степени употребляемости (возникновения в языковом сознании). Языковые элементы, представленные в ядре, синонимичны друг другу, что говорит о целостности концепта. Ближняя периферия концепта содержит значительное количество архаизмов, дальняя и крайняя периферии – отдельные оттенки вкладываемых в концепт смыслов, пришедших в русский язык в процессе развития культуры. Многие из них не являются широко употребляемыми и используются в литературной письменной речи (безглагольность, утонченность мечты, томный взгляд, встречать рассвет, мечта о подвигах, считать звезды, порыв души, стремление сердца, ввериться (мечте), вспыхнуть, загореться (мечтой), воспевать созерцание, и т.д.).

Лексико-культурологический концепт «Мечта»

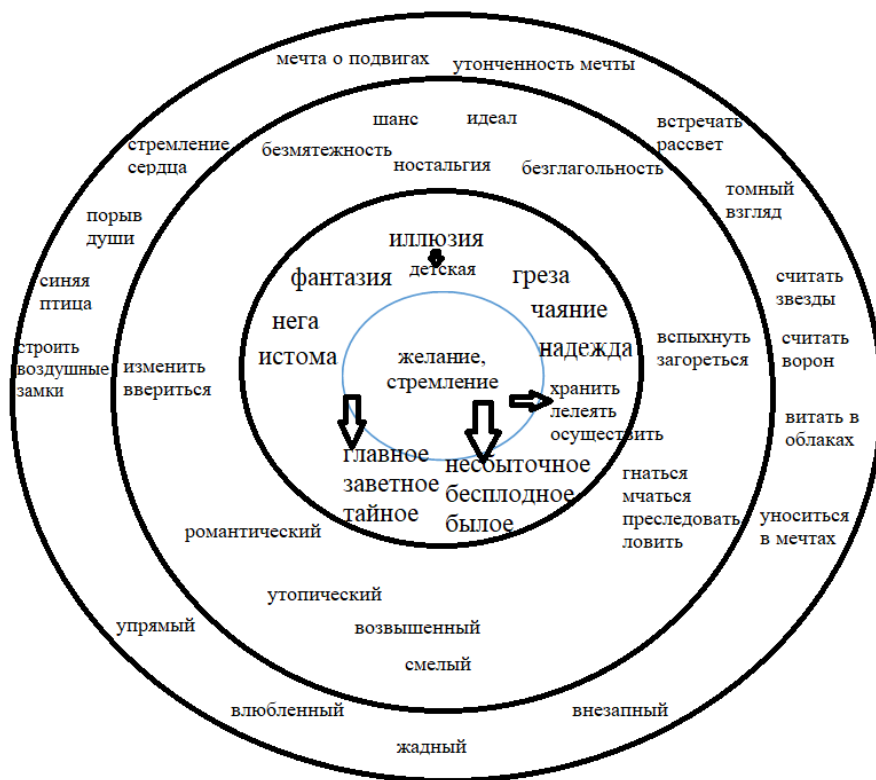

Рисунок 1.

Словесное содержание концепта «Traum» в немецкой языковой картине мира состоит из следующих единиц:

Ядро: Wunsch, Träumerei, Nachtruhe;

Ближняя периферия (приядерная зона): Träumelein, Vorstellung, Hoffnung, Streben, Fantasie, Wille, Trugbild, Wunschbild, Wunder, Illusion, Kindertraum, Knabentraum, Liebestraum, Mut, traumhaft, groß, klein, leer, süß, schön, sehnlich, selig, zerbrechlich, unerfüllbar, hold, wachend träumen, wünschen, wännen, im Traum sehen, wollen, streben;

Дальняя периферия: Freude, Erscheinung, Sehnsucht, Täuschung, Betrachtung, Traumglück, Zauber, Kontemplation, Anschauung, Nostalgie, Erinnerung, Reflexion, Gefühl, Sinn, Seligkeit, Wonne, bange, blau, fabelhaft, im halben Traum sein, verschwinden;

Крайняя периферия: Luftschlösser bauen, Lenz, Besinnung, Lust, Drang, Ehrgeiz, Traum von der Ruhe, Wohltraum, falsche Erwartung, stille Sinne, gut, böse, fein, golden, hold, schwer, wunderbar, Ernteträume, im Behängen des Traums sein, Blümenträume, Traumgesicht, jmdn. ins Traumland schicken, Träume sind Schäume, flattern, usw.

Основываясь на словесном содержании концепта «Traum», мы видим, что периферийное деление смысловых категорий, так же, как и в концепте «Мечта», носит относительный характер, что обеспечивает свободный переход смысловых единиц внутри периферий в зависимости от степени востребованности той или иной смысловой единицы в рамках дискурса. Отличительной чертой ближней периферии концепта «Traum» является большое количество эмоционально окрашенных слов. Также следует обратить внимание, что языковая единица «Trugbild», являясь семантически образующим элементом на этимологическом уровне, не входит в состав ядра современного концепта «Traum» ввиду своей экспрессивности и негативной коннотации. Ядро концепта состоит из стилистически и эмоционально нейтральных элементов, являющихся наиболее употребляемыми в языке и полностью отражающими смысловую составляющую рассматриваемого нами концепта. К таким элементам относятся следующие

единицы: Wunsch, Träumerei, Nachtruhe. Данные лексемы являются семантически валентными лексической единице «Traum» однако не синонимичны друг другу. Это говорит о многозначности слова «Traum» и, как результат, широте ядра образованного им концепта.

Анализ словесного содержания концепта «Traum» позволяет нам увидеть, что периферийное деление смысловых единиц, так же, как и в русском концепте «Мечта», носит относительный характер. Так в художественном дискурсе многие смысловые единицы, находящиеся на данный момент в составе дальней или крайней периферии, выйдут на первый план ввиду своей способности образовывать стилистические тропы. К таким единицам можно отнести: Betrachtung, Traumglück, Zauber, Erinnerung, Lenz, Gefühl, falsche Erwartung, stille Sinne, gut, böse, fein, bange, blau, fabelhaft, im halben Traum sein, verschwinden flattern, usw.

Лексико-культурологический концепт «Traum»

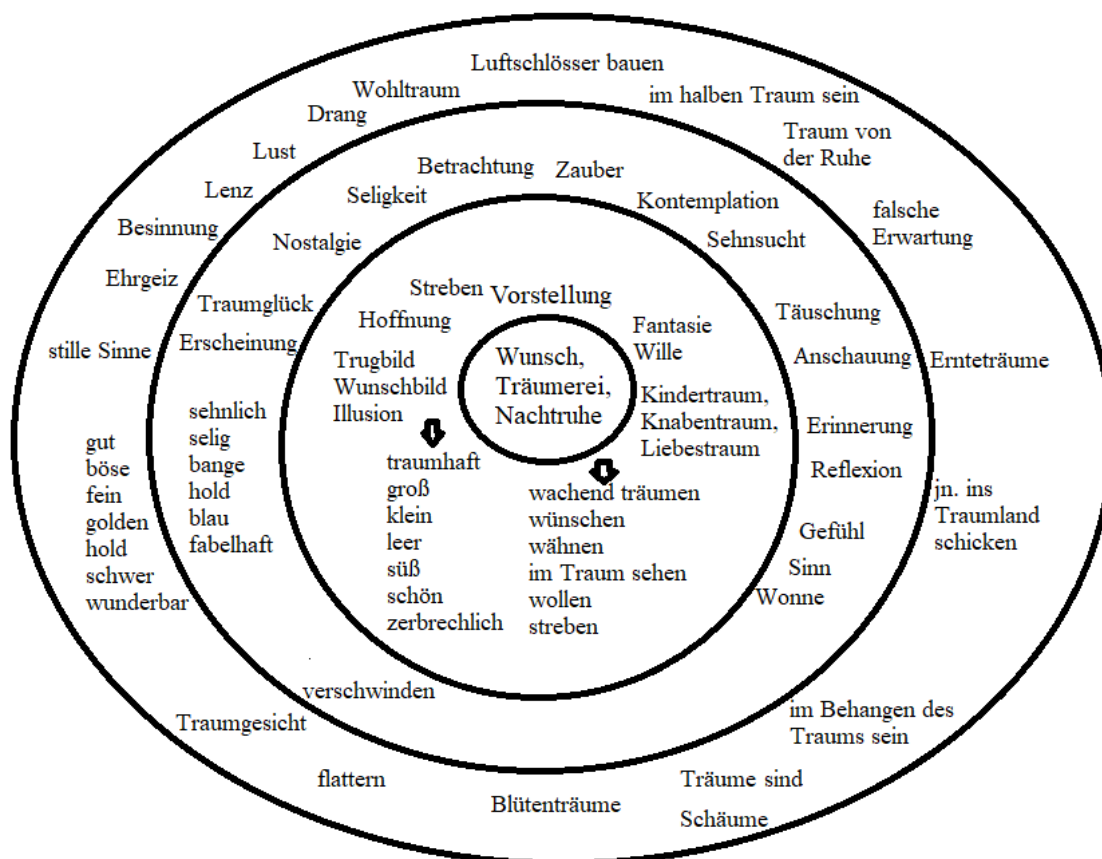

Рисунок 2

При сравнении структуры аналогичных концептов в двух разных языках мы обнаружили, что ядро немецкого концепта обладает более широкой семантической наполненностью, так как объединяет в себе смыслы, не являющиеся производными друг друга и обладающие собственной семантической наполненностью. Эта особенность концептуального ядра заключается в этимологическом происхождении немецкого слова «Traum». В результате слияния латинского языка и германских диалектов, в ядро концепта «Traum» вошли современные значения “Nachtruhe” (производное от «Traum», «Traumbild» – сновидение) и «Träumerei» (греза), «Wunsch» («Wille» – желание). Важным является тот факт, что языковые единицы, изначально формировавшие ядро концепта на этимологическом уровне, постепенно ушли в разряд ближней и дальней периферий (Traumbild, Traumgesicht, Trugbild), уступив место своим производным.

Ядро концепта «Мечта» обладает меньшим объемом и состоит из двух семантических составляющих (желание, стремление), смежных в своем значении. Однако состав ближней периферии (приядерной зоны) концепта значительно шире, чем в его немецкоязычном аналоге. Это связано с «гибкостью» смысловых составляющих ядра, их способностью создавать ассоциативные и семантические производные. Смысловые единицы, формировавшие концепт на этимологическом уровне (миг, мерцать, мигать, сверкать), не сохранили своих значений в составе ядра и ближней периферии, уступив место другим, более употребляемым семантическим элементам. Сегодня исконные смыслы концепта «Мечта» находятся на крайней периферии когнитивного сознания.

Моделирование концептов «Мечта» и «Traum» в русской и немецкой лингвокультурах позволили нам прийти к следующим выводам:

1. Макроструктура концепта «Мечта» реализуется в русском языке за счет своих перцептивных признаков. Значительную роль в формировании макроструктуры играет образный компонент, способствующий формированию концептуальных метафор. В русском языке основной

материальной единицей для построения большинства концептуальных метафор является существительное «Крылья»;

2. Макроструктура концепта «Traum» также воплощается в определенные формы посредством своих перцептивных признаков. Необходимо заметить, что 80% перцептивных признаков в немецкой и русской картинах мира совпадают. Образные компоненты, способствующие формированию концептуальных метафор, представлены в немецкой картине мира такими смысловыми единицами как: «Wunder», «Frühling», «Lenz». Также концептуальная метафора «Traum» осуществляется в немецкой художественной картине мира с помощью материального образа цветов.

3. Информационный минимум концепта «Traum» шире информационного минимума концепта «Мечта», что отражается на количестве смысловых элементов ядра в двух разных языках.

4. Энциклопедическое содержание концептов «Мечта» и «Traum» отражает эмпирический и рефлексивный опыты отдельного индивида. Данному пункту невозможно дать общую характеристику ввиду доминирования частного над общим. Более подробный анализ энциклопедического содержания рассматриваемых нами концептов изложен во второй главе (пункты 2.1.1, 2.1.2).

5. Категориальная структура концептов «Мечта» и «Traum» может быть разделена на смежные по смыслу составляющие (ср. русск.: составные элементы, качество, признак по действию, другое; нем.: Bestandteile, Eigenschaft(en), Handlung, Sonstiges).

6. Большинство признаков категориальной структуры концепта «Мечта» представлены составными элементами, а также единицами, характеризующими качественную составляющую.

7. Большинство признаков категориальной структуры концепта «Traum» преимущественно представлены составляющими элементами (Bestandteile). Свойства (Eigenschaften) способствуют расширению смыслового содержания концепта. Смысловые единицы действия и элементы,

объединенные категорией «Другое» (Sonstiges) так же, как и в концепте «Мечта», не являются основополагающими аспектами в становлении категориальной структуры, но принимают активную роль в формировании семантического единства.

8. Полевая организация формирует базу, позволяющую нам в дальнейшем составить «портрет», словесное описание концепта «Мечта». На данном этапе мы разделили единицы по степени употребляемости и экспрессивности, что заложило основу для дальнейшего деления данных единиц на ядро, приядерную зону и интерпретационное поле. Наиболее употребляемые единицы составляют ядро и ближнюю периферию концепта «Мечта». Эмоционально маркированные смысловые элементы, за редким исключением, находятся на дальней и крайней перифериях и формируют интерпретационное поле.

9. Полевая организация концепта «Traum» также была представлена делением лексических единиц, входящих в состав вышеназванного концепта, на две категории: употребляемость и экспрессивность. Наиболее употребляемые единицы составляют ядро и ближнюю периферию концепта «Traum». Большинство эмоционально маркированных смысловых элементов составляет интерпретационное поле. Однако ряд лексем, отнесенных к категории экспрессивности, также способен входить в разряд ближней периферии.

10. Словесное содержание концепта «Мечта» и его графический образ позволяют рассмотреть иерархию деления лексических единиц, входящих в концепт, в процессе формирования когнитивного пространства. Ядро концепта «Мечта» представлено двумя синонимичными лексемами, что позволяет сделать вывод об идейной цельности концепта. Отличительной особенностью ближней периферии концепта «Мечта» является значительное количество архаизмов.

11. Проанализировав словесное содержание концепта «Traum», мы пришли к выводу о том, что ядро рассматриваемого нами концепта состоит из

трех лексических единиц, не являющихся синонимичными друг другу. Это говорит о многозначности немецкого концепта, способного образовывать не связанные между собой когнитивные производные. Характерной особенностью концепта является широкое использование эмоционально окрашенных лексем на ближней периферии.

12. Также в процессе анализа словесного содержания концептов «Мечта» и «Traum» мы пришли к выводу о том, что периферийное деление словесных единиц носит в обоих случаях условный характер. Смысловые элементы концептов могут перемещаться от одной периферии к другой в зависимости от своей востребованности. Главным катализатором перемещения семантических единиц внутри концепта является дискурс.

Выводы

В первой части диссертации были рассмотрены основные направления когнитивной лингвистики, выбран вектор исследования концепта «Мечта», рассмотрены классификации и подходы к изучению концептов в трудах известных отечественных и зарубежных лингвистов.

Антропоцентрический подход – относительно новое направление, нацеленное на изучение языка в его связи с мышлением и речью. Центральное место данного подхода занимает внутреннее содержание языка, т.е. анализ воздействия отдельных смысловых категорий на реципиента.

Концепт – это сложное ментальное образование, не имеющее четкого определения. В своем исследовании мы объединили характеристики концепта, предложенные как российскими, так и западными лингвистами и сформулировали, на наш взгляд, наиболее полную и отражающую суть дефиницию:

Концепт – инновационная абстрактная идея, не имеющая четкой формы, способная формировать ментальную структуру и хранить в себе смысловое

содержание понятия, национальный культурный компонент и индивидуальные смыслы, хранящиеся в памяти и сознании индивида и требующие интерпретации.

Изучение концепта подразумевает комплексный анализ взаимосвязи речи, языка и мышления, благодаря чему концепт обладает дискурсивной природой, способен формировать вокруг себя различные классификации, является объектом исследования многих междисциплинарных наук.

Классификация концептов – сложно структурированная система, способствующая распределению смысловых единиц в соответствии с их категориальными признаками. В своем исследовании мы подошли к изучению концепта комплексно: практическая часть работы включает в себя классификации концептов по их семантическим, грамматико-синтаксическим и этимологическим признакам.

На основании мультиклассифицируемости концепта мы рассмотрели большое количество классификаций в трудах отечественных и зарубежных лингвистов, выделили классификации С. А. Сергеева, О. Г. Цыганской, Т.Г. Борисовой для их последующего применения в практической части.

Многомерность концепта позволяет говорить о его полидискурсивности. Наша теоретическая часть нацелена на рассмотрение трудов, связанных с лингвокультурологическим и художественным дискурсами для последующего анализа концепта «Мечта» внутри данных дискурсов. Среди работ, вносящих значительный вклад в развитие лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, нами были проанализированы труды М.В. Пименовой, С.Г. Воркачева, В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина, Ю.С. Степанова и др.

Лингвокультурное пространство формируется в сознании индивида и отражает общие семантические элементы, хранящиеся в коллективном сознании этнической группы и образующие общекультурный фон.

Лингвокультурный концепт – это ментальная единица, представляющая движение от «общего» к «частному» и соединяющая в себе общие духовные

характеристики, свойственные определенному народу и составляющие факт культуры, хранящийся в сознании индивида.

Художественный дискурс – это ментальное пространство, создаваемое автором и включающее в себя совокупность вербальных единиц, формирующих связь между адресантом (автором) и реципиентом посредством художественного произведения. Как и дискурс в общем смысле, художественный дискурс представляет собой речь особого порядка, имеющую индивидуальный стиль, отражающую субъективную модальность и нацеленную на эстетическое воздействие.

Концепт в художественном дискурсе – это ментальная единица, отражающая индивидуальные нарративы через призму общекультурных ценностей; сгусток смыслов, порождающий синтез смысловых категорий.

Концептуальная метафора – уникальный ментальный феномен, формирующийся в мыслях, хранящийся в памяти и возникающий в сознании индивида в процессе вербализации или когнитивной интерпретации. Мышление человека метафорично по своей природе, так как способно концептуально объединять в себе понятийный и образный компоненты, формирующие ментальное пространство. Эксплицитность и имплицитность концептуальной метафоры является предметом изучения концептологии в лингвокультурологическом дискурсе, так как позволяет увидеть изменения или актуальность смысловых единиц, входящих в метафору и формирующих общественное сознание.

Моделирование концепта – неотъемлемая часть построения концептосферы. Поскольку концепт является подвижной ментальной единицей, которой свойственны постоянная модификация и расширение, раскрыть смысловое содержание концепта возможно лишь посредством построения модели. Когнитивное моделирование позволяет определить наиболее употребляемые смысловые единицы, относящиеся к концепту, разделить их по степени значимости для последующего анализа семантических элементов внутри контекста, обусловленного определенным

дискурсом, выделить основные концептуальные признаки рассматриваемых смысловых единиц.

Анализ теоретических источников позволил выбрать наиболее подходящую систему моделирования концептов «Мечта» и «Traum». За основу была выбрана теория И. А. Стернина и З. Д. Поповой, включающая в себя процедуры, используемые для отбора основных смысловых элементов, способствующих выделению когнитивных признаков. Используемая в диссертации структура моделирования состоит из следующих этапов: анализ макроструктуры концепта, описание категориальной структуры, изучение полевой организации, анализ графического (или словесного содержания). Важно также отметить, что выбранный нами метод моделирования позволяет охватить наибольшее количество смысловых единиц и расположить их по степени релевантности для последующего деления в соответствии с когнитивными характеристиками концепта.

2 КОНЦЕПТЫ «МЕЧТА» / «TRAUM» КАК ОБЪЕКТЫ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

2.1 Лексико-семантический уровень формирования лингвокультурного концепта «Мечта» / «Traum»

В теоретической части нашего исследования мы условились называть концепт инновационной идеей, наделенной абстрактностью и хранящей в себе смысловые элементы, раскрывающие смысл понятия, индивидуальные семасиологические признаки ментального образования и культурный шифр, требующий комплексного анализа. Поскольку концепт не имеет четкой формы, его смысловая наполненность часто зависит от дискурса, внутри которого он функционирует. Результатом исследования дискурсивного аспекта концепта стало появление большого количества различных классификаций.

Существование различных классификаций концепта является естественным явлением: как наличие разных способов познания мира требует его категоризации, так и непохожие друг на друга типы знания, представляемые концептами, нуждаются в типологии.

Для анализа лингвокогнитивного аспекта первостепенную значимость имеет классификация по характеру «наблюдаемости» концепта. Часто концепты такого типа делят на вербализованные и невербализованные / скрытые [126, с. 218]. И. А. Стернин и З. Д. Попова используют в данном случае термины «устойчивые» (обладающие закрепленными в языке средствами репрезентации) и «неустойчивые» (глубоко личностные концепты) [104, с. 220].

С точки зрения лингвистического оформления вербализованные концепты делятся на следующие группы:

1. Лексические;
2. Фразеологические;
3. Грамматические;
4. Синтаксические;

5. Также выделяют простейшие (состоящие из одного слова) и сложные концепты (представленные в словосочетаниях и предложениях).

2.1.1. Лексическая группа концепта «Мечта»

Перед формированием лексической группы концепта «Мечта» следует выделить основные понятийные компоненты концепта. В процессе моделирования вышеуказанного концепта (п. 1.3.2) мы выделили две основные смысловые единицы: «желание», «стремление». Также к числу основных понятийных компонентов концепта следует отнести исконную смысловую единицу «миг», с которой началось формирование концептосферы рассматриваемого нами ментального образования.

На уровне словарных соответствий концепт «Мечта» имеет следующую дефиницию: «Нечто, созданное воображением, предмет желаний, стремлений» [96].

Основываясь на дефиниции выше, найденной в толковом словаре С.И. Ожегова и понятийных компонентах концепта, выявленных в процессе его модуляции, мы составили следующие дефиниции основного смыслового значения концепта «Мечта»:

1. Предмет желаний, стремлений, часто создаваемый в воображении и обладающий ирреальностью;
2. Состояние безмятежности, процесс созерцания, приносящий индивиду эстетическое удовольствие.

Как можно увидеть из дефиниций выше, несмотря на то что абстрактное существительное «Мечта» не является многозначным словом, концепт «Мечта» подвержен полисемии, так как в процессе использования в разных дискурсах, а также в результате пересечения концептуальных моделей, вобрал в себя несвязанные друг с другом семантические единицы.

Лексическую группу рассматриваемого нами концепта «Мечта» можно представить с помощью следующих языковых единиц:

1. Существительными: мечта, мечтатель, грезы, мечтание, мечтательность, фантазия, представление, желание, шанс, стремление, идеал, иллюзия, нега.

2. Глаголами: мечтать, грезить, фантазировать, представлять.

3. Прилагательными: мечтательный, фантастический, романтический, томный, иллюзорный, утопический, пленительный и т.д. [65]

Фразеологическая группа данного концепта включает в себя следующие единицы:

A. Парить в облаках, витать в облаках;

B. Уноситься в мечтах;

C. Парить между небом и землей;

D. Синяя птица;

E. Строить воздушные замки,

F. Считать звезды и т.д. [29, с. 151]

Некоторые исследователи видят формирование понятийной основы концепта с помощью выделения его характерных признаков [111, с. 12]. Согласно С.А. Сергееву, смысловые элементы концепта «Мечта» должны быть разделены на шесть основных признаков: «процесс», «образ», «состояние», «желание», «хорошо», «ирреальность». Мы позволим себе частично согласиться с данным утверждением, так как выполненное нами моделирование концепта выявило ряд лексем, относящихся к данным признакам:

A. *Процесс*: миг, лелеять, хранить, исполнить, воплотить в жизнь осуществлять, сделать явью, ностальгия, мерцать, сверкать, мигать, воспевать, мчаться, гнаться, преследовать, ловить, изменить, ввериться (мечте), вспыхнуть, загореться (мечтой), считать ворон, встречать рассвет

B. *Образ*: заветная, тайная, несбыточная, главная, наивная, светлая, большая, бесплодная, былая, детская, романтическая, утопическая, голубая, пустая, глупая, честолюбивая, смелая, возвышенная упрямая, прекрасная, внезапная, жадная, влюбленная, томный взгляд;

С. *Состояние*: нега, истома, созерцание, безглагольность, безмятежность;

Д. *Желание*: стремление, чаяние, надежда, шанс, идеал, синяя птица, порыв души, стремление сердца, мечта о подвигах, утонченность мечты;

Е. *Ирреальность*: иллюзия, греза, фантазия, представление, витать в облаках, уноситься в мечтах, парить между небом и землей, считать звезды, строить воздушные замки;

Ф. *Символ*: культурно-значимые символы, сформировавшие с течением времени концептуальную метафору.

Как можно увидеть из данного анализа, мы считаем неуместным когнитивный признак «хорошо» предложенный С.А. Сергеевым, все остальные признаки являются характерными для рассматриваемого нами концепта. Так как концепт «Мечта» является номинативным, его основополагающим признаком мы считаем «желание». Данный признак отражает один из основных семантических значений концепта, включает в себе смысловые единицы, близкие по своему аспекту и смысловой наполненности. Следующим по значимости идет признак ирреальности, содержащий в себе номинативные единицы и концептуальные метафоры (представленные фразеологическими оборотами). Третьим идет смысловой компонент образа, содержащий в себе семантические единицы, описывающие качества и свойства рассматриваемого концепта. Процесс, описывающий рассматриваемое нами явление, включает в себя смысловые единицы, характеризующие действие, вызванное или побуждаемое «мечтой».

Заключительным по релевантности когнитивным признаком является «состояние», оно включает в себя самый узкий ряд номинативных единиц, получивших графический и звуковой образы и характеризующих ощущения, вызванные мечтой как когнитивным явлением. Также мы сочли необходимым выделить дополнительный когнитивный признак – «символ», в состав которого входят когнитивные метафоры, свойственные определенному этносу или являющиеся межкультурными.

На грамматическом уровне концептуальные признаки можно представить следующим образом:

1. *Номинативность* – желание, ирреальность, состояние: большинство когнитивных признаков представлены смысловыми единицами, выраженными существительными. Некоторые семантические единицы представлены устойчивыми сочетаниями и словосочетаниями с экспрессивным компонентом (эпитетами);

2. *Признак* – образ: смысловые элементы выражены прилагательными;

3. *Действие* – процесс: большинство смысловых составляющих выражено глаголами, за исключением двух элементов, формирующих фразеологические обороты.

Данное деление носит условный характер, однако позволяет выявить основные универсалии, свойственные концепту «Мечта» в русской языковой картине мира с грамматической, семантической и структурной точек зрения. Концептуальный анализ требует комплексного воздействия всех трех факторов, так как возникающие в сознании индивида образы неделимы.

Смысловые единицы, относящиеся к концептосфере «Мечта» и передающие один из рассмотренных признаков, можно найти как в лингвокультурном, так и в художественном дискурсе.

Истоки формирования лингвокультурного пространства следует искать в этнокультуре, так как она является основой становления мышления, менталитета определенного народа, духовным богатством нации.

В русской лингвокультуре основой формирования концепта «Мечта» послужили произведения фольклорного жанра: народные лирические и исторические песни, сказки, былины.

В отличие от исторической песни, былина, славянская вариация эпоса, может повествовать о реальных исторических событиях («Слово о полку Игореве»), или обладать фантазийным компонентом («Садко», «Илья Муромец и Соловей Разбойник»). Главной характерной чертой былины

является особая форма тонического стихосложения. Так как былина часто повествует об исторических событиях, модифицированных под воздействием времени и народного сознания, она является одним из примеров формирования исторической памяти, культурных ценностей, языка, т.е. составляющих, из которых складывается лингвокультурологический аспект когнитивного восприятия действительности. Как мы отметили в теоретической части – изучение лингвокультурного аспекта языка является движением от частного к общему. На основе этого утверждения мы считаем, что изучение концепта «Мечта» с его лингвокультурологической позиции возможно посредством изучения народного эпоса (былин, сказок, исторических песен). Так мы сможем рассмотреть процесс становления концепта «Мечта» в диахроническом ключе для его последующего преобразования в художественном дискурсе (см. п. 2.1.1, 2.1.2, 3.1, 3.2).

Лингвокультурологический компонент рассматриваемого нами концепта «Мечта» можно выявить на уровне контекста. Материалом для анализа были выбраны русские народные былины и исторические песни.

Русские исторические песни в начале своего становления и формирования напоминают по форме и стилю былины. Однако исторические песни значительно короче по содержанию, их сюжетная линия ближе к действительности, хотя также часто присутствует фантазийный компонент. Главной отличительной чертой исторической песни является ее прямая связь с эпохой, в которой она была создана.

Формирование концепта – длительный процесс, проходящий значительное количество периодов становления, чтобы в дальнейшем сохраниться в сознании индивида как комплексное ментальное образование, соединяющее в себе общие и индивидуальные смыслы, приписываемые понятию.

Лингвокультурологический дискурс позволяет рассмотреть общие семантические признаки, приписываемые концепту определенным народом и составляющие факт этнической культуры. Так, концепт «Мечта»

формировался в процессе развития русского лингвокультурологического пространства, концептуальная модель претерпела ряд изменений, расширив при этом его общую смысловую наполненность.

Как было установлено на этимологическом уровне, первоначальный доминантный компонент лингвокультурологического концепта «Мечта» исходит из старославянского языка и передает значение «миг». В процессе развития фольклора рассматриваемый концепт обретает новые признаки. Важно заметить, что в народном творчестве изучаемый нами концепт редко встречается в виде созвучной с ним словоформы – данная лексема войдет в словарный состав языка намного позднее. Однако идея мечты – идея недостижимости желаемого – представлена в большом количестве народных произведений.

Говоря о концепте «Мечта» в русских народных исторических произведениях, следует выделить главную черту данного русского концепта – неосуществимость сокровенного желания. Так в исторической песне «Гнев Ивана Грозного на сына» неосуществимость желания Ивана Грозного «вывести измену из каменной Москвы» встречается с противоречием сына:

«Грозный царь Иван Васильевич слово вымолвил:

– Не делом вы, братцы, хвастаетесь,

Не добром вы, братцы, похваляетесь «...»

Как я, грозен царь, чем похвастаю:

Вывел я измену из Пскова,

Вывел я измену из каменной Москвы «...»

Тут проговорил его родимый сын:

– Ах ты батюшка Грозный царь,

Где тебе вывести измену «...»?

Может быть, измена за столом сидит,

Пьет-ест с тобою с одного блюда» [109, с. 78].

В данном отрывке мы видим неосуществимость мечты Ивана Грозного, спрятанную за хвалебной речью. Опровергнутое сыном утверждение

вызывает негодование царя. Мечта об уничтожении измены является стремлением главного героя, граничащим с неосуществимостью. Таким образом, рассматриваемый нами концепт «Мечта» может быть представлен такими смысловыми единицами как: «желание», «неосуществимый». В данном контексте концепт обладает негативным коннотативным значением, однако на уровне семантических соответствий сохраняет номинативность и образ, что доказывает сохранение свойств концепта на основе этимологии.

Большинство исторических песен мы можем разделить в соответствии со смысловым компонентом изучаемого нами концепта на два типа: «неосуществимая мечта» (негативный коннотат), «мечта о свободе» (позитивный коннотат). Данное деление обусловлено спецификой описания различных исторических событий: большая часть песен связана с трагичными периодами российской истории – с периодом нашествия татаро-монгольского ига, народными бунтами, крепостным правом и т.д.

Смысловой компонент «неосуществимая мечта» похож на рассматриваемый нами ранее в песне, анализируемой выше: в нем так же присутствует негативный коннотат, он является одной из составляющих концепта «Мечта», сохраняя в себе номинативные и качественные (образные) свойства. Одним из примеров данного смыслового компонента в цикле исторических песен о татаро-монгольском нашествии является песня «Полоняночка», повествующая о русской беглянке, стремящейся вернуться «к отцу к матери, к роду-племени, на святую Русь» [57, с. 161]. Мечта о родном доме, свободе соединяется с желанием отдать последнее, но вернуться в родные края:

«Я за то плачу тебе пятьсот рублей, «...»

А еще мало покажется — ровно тысячу.

Да еще плачу я добра коня,

Да еще плачу свой золот перстень «...»

Самому перстню сметы нету-ка!» [57, с. 162]

Данный отрывок изображает разговор полонянки с переправщиком. Девушка готова заплатить любую цену, чтобы вернуться в отчий дом. Есть лишь одно, чем полонянка не готова пожертвовать – собственной свободой. Бежавшая из плена девушка не согласна принять предложение переправщика стать его женой и вынуждена принять свою судьбу: слыша, что за ней бегут «два погонщика», она бросается в реку и тонет.

В данной исторической песне соединяются два важных для русской этнокультуры смысловых компонента: «неосуществимая мечта» и «мечта о свободе». В данном контексте доминантным компонентом является «неосуществимость мечты». Рассматриваемая семантическая единица несет в себе трагичный смысловой оттенок, в результате чего второй семантический компонент также приобретает отрицательный коннотат. Концептуальные признаки рассмотренных выше смысловых компонентов можно охарактеризовать как образ, передающий определенное качество номинативно-абстрактного концепта «Мечта».

Жанр лиро-эпоса также способствовал формированию смежного смыслового компонента. На основании того, что автор поэмы «Слово о полку Игореве» не сохранился, мы считаем уместным причислить данное произведение к народному эпосу. Анализируемый нами отрывок «Плач Ярославны» также отражает идею неосуществимости мечты, острого желания, граничащего с безысходностью:

*«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу...
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь».* [113, с. 189]

Данный отрывок репрезентирует типичный для русского эпоса стиль: обращение к стихиям (солнцу, ветру, реке). Данное обращение носит элемент

метафоричности, скрыто относящийся к концепту «Мечта», так как обладает абстрактным характером и подсознательной интенцией.

В данном отрывке Ярославна желает «обернуться кукушкой». Данный эпизод репрезентирует неосуществимость желаемого, что доказывает широкую применимость выделенного нами семантического признака на протяжении веков. Также «Плач Ярославны» содержит дополнительный семантический компонент, относящийся к изучаемому нами концепту: «острое желание» – стремление увидеть мужа, вернувшегося живым с похода против половцев. Данный семантический компонент представляет для нашего исследования особую значимость, так как содержит в себе смысловые элементы, сохраняющие свои свойства в народных и художественных произведениях более позднего времени, а также современности. В процессе моделирования концепта «Мечта» в аспекте общей языковой картины мира (см. глава 1) мы обнаружили, что смысловая единица «желание» является центральной и входит в ядро концепта, что делает ее доминирующим элементом концептосферы.

Таким образом, рассматриваемый нами отрывок содержит два семантических элемента, имеющих прямое отношение к концепту «Мечта»: «острое желание», «неосуществимое желание». В данном контексте оба смысловых элемента равны по степени значимости. Плач Ярославны – это олицетворение общенародного горя, метонимично изображенное на примере одной женщины. Однако, несмотря на трагичный стиль повествования, коннотативное значение выделенных смысловых элементов будет различным: семантический элемент «неосуществимое желание» имеет отрицательный коннотат, так как отражает тоску лирической героини о невозможности прийти на помощь супругу. Однако семантический компонент «острое желание» будет обладать положительным коннотативным значением, так как в его основе лежит бескорыстное стремление прийти на помощь. Таким образом, концепт «Мечта» может иметь в данном контексте два значения, интерпретация которых зависит от индивидуальности восприятия.

Концептуальные признаки обоих смысловых компонентов составляют образ концепта, внося в него новые свойства.

Семантический компонент «Мечта о свободе» можно найти в цикле исторических песен о Емельяне Пугачеве. Так в песне «Ты звезда ли моя, звездочка» рассматриваемый нами когнитивный признак передает образ концепта. Коннотат концепта – негативный. Это связано с основной тематикой исторической песни: бунтовщик Емельян Пугачев находится в заточении и мечтает о потерянной свободе, которая в неволе приобретает особую значимость:

*«Ты, звезда ли, моя звездочка,
Высоко ты, звездочка, восходила —
Выше леса выше темного,
Выше садика зеленого» [26, с. 268].*

В данном отрывке семантический компонент рассматриваемого нами концепта преобразуется из лексемы «звезда» в лексему «свобода», основным связующим компонентом которого является «мечта». В данном контексте лексема «звезда» преобразуется в сложную семантическую единицу, вызывающую в сознании реципиента два смежных в своем значении понятия: «звезда – свобода», «звезда – судьба». Обе семантические пары представляют собой скрытое сравнение, следовательно, обе являются концептуальными метафорами. Более подробный анализ концептуальных метафор из данной исторической песни будет рассмотрен в главе 3. На данном этапе необходимо заметить, что несмотря на способность обеих семантических пар образовывать концептуальные метафоры, соединительная единица, объединяющая два понятия в семантическую пару и образующая таким образом концептосферу, будет отличаться в зависимости от интерпретации. Так семантическая пара «звезда – свобода» метафорично изображает мечту об освобождении – смысловой элемент концепта «Мечта», рассматриваемый нами ранее в других произведениях. В случае данной интерпретации звезда на небе – герменевтический символ свободы, светящий «над воротами решетчатыми».

На нее из окна взирает лишенный свободы Емельян Пугачев, тоскующий о воле и желающий так же, как звезда пылать на небосклоне. Данная антитеза изображает связь между заточением и желанием вновь обрести свободу. В случае такой интерпретации символа «звезда», мечта становится соединительным звеном между двумя разными смысловыми элементами. Концепт «Мечта» способствует соединению в сознании реципиента материального и абстрактного понятий, расширяя при этом собственную концептуальную наполненность.

Вторая семантическая пара («звезда – судьба») также формирует концептуальную метафору посредством соединения материального и абстрактного смысловых элементов. В случае такой трактовки звезда является герменевтическим символом судьбы Емельяна Пугачева, которая «высоко восходила — выше леса выше темного, выше садика зеленого». Однако данную концептуальную метафору нельзя отнести к рассматриваемой нами концептосфере, так как ее смысловые элементы имеют другой соединительный смысловой компонент.

Концепт, формируемый в данной исторической песне, можно охарактеризовать как номинативный с семантическими признаками образа (качества). Однако идея номинативности выступает в качестве доминирующей составляющей, так как передает смысловое значение «имени» концепта, а не его свойства.

Как показал анализ материала, лингвокультурологический концепт «Мечта» может обладать не только семантическими, но и грамматическими признаками, позволяющими нам отнести вербализованное высказывание к изучаемой концептосфере. В отличие от лексической группы, также содержащей языковые знания о мире, грамматический аспект позволяет распознать данное знание на более позднем этапе или в текущем отрезке времени, не обращаясь к этимологическим данным.

В лингвокультурологическом дискурсе грамматический аспект концептуальных моделей не является четко выраженной категорией, так как

языку свойственно меняться с течением времени. Русский язык не исключение: если корневая система в большинстве случаев позволяет нам понять семантику слова, то морфологические и грамматические признаки склонны к более кардинальным изменениям.

В русском языке к грамматическому аспекту, моделирующему когнитивную структуру, можно отнести: категорию времени, рода, лица, числа, залога и т.д. Грамматические явления, являющиеся особенностью русского языка и входящие в концептосферу, следующие:

- А. Свободный порядок слов;
- В. Флективность;
- С. Распространенность плавающего ударения и т.д.

Однако изучаемый нами концепт «Мечта» чаще всего представлен на грамматическом уровне сослагательным наклонением. Это обусловлено абстрактным характером и высокой восприимчивостью концепта к индивидуальной интенции, способствующей «преломлению» грамматических структур под ценностно-смысловыми единицами.

В исторической песне «Татарский полон» концепт «Мечта» можно рассмотреть на грамматическом уровне:

*«Для чего ж ты мне давно не сказалася?
Ты бы пила-ела с одного стола,
Носила б платье с одного плеча!» [26, с. 160]*

На данном примере становится видно, абстрактный концепт «Мечта» представлен в русской грамматике в виде сослагательного наклонения. Примечательным также является тот факт, что песня «Татарский полон» появилась в народном фольклоре приблизительно в XVII веке, но грамматические черты сослагательного наклонения (использование частицы «бы») остались прежними и сегодня.

В данном контексте сослагательное наклонение вербализует концепт «Мечта» в значении «стремление». Песня повествует о двух женщинах (матери и дочери), попавших в разное время в плен во время набегов татаро-

монгольского ига. Выросшая и ставшая госпожой на чужбине дочь не узнает сразу родную мать, отданную ей в служанки. Приведенные выше строки – заключительные слова дочери, осознавшей, кого она вновь обрела. Смысловой компонент «стремление» выражает желание дочери облегчить жизнь матери, вновь сделать ее членом своей семьи.

Также во всех исторических песнях, повествующих о несвободе («Татарский полон», «Полоняночка»), имплицитно сохраняется смысловой элемент «воля», также относящийся к концептосфере «мечта» и контекстуально связанный со всеми рассмотренными выше семантическими единицами. В народном эпосе плененный герой – это образ поработанного, но духовно не сломленного человека. Тема порабощения неразрывно связана с идеей духовной свободы, непокорности, способностью человека не терять надежду. Так в исторической песне «Татарский полон» смысловой элемент «воля» раскрывается через характер главной героини – матери, потерявшей во время татаро-монгольского набега все, но не утратившей доброты в своем сердце.

Вторая песня, сохраняющая смысловой элемент «воля» – «Полоняночка». В ней дан другой образ женщины, отличный от образа, изображенного в «Татарском полоне». Главная героиня исторической песни – молодая девушка, в душе которой смешались непокорность и тоска по отчиму дому. Смысловой компонент «воля» вербализуется в диалоге девушки с переправщиком, из которого мы узнаем о намерении главной героини сбежать из плена.

Грамматическая когнитивная модель создает структуру с положительным коннотативным значением, основным признаком данной модели является процесс, так как смысловой компонент «стремление» реализуется в песне с использованием глаголов. Также следует отметить, что смысловой компонент, указанный в данной песне, входит в состав ядра концепта «Мечта» в современном русском языке.

Похожий грамматический аспект концепта «Мечта» можно найти в исторической песне «О походах Разина»:

*«Ах, как бы нам добиться до тихих мест,
Что до славного до острова Кавалерского?
Ах, там ли вам, братцы, дуван делить,
Нам атласу и бархату по размеру всем,
Золотой парчи по достоинствам,
Жемчугу по молодечествам,
А золотой казны — сколько надобно!» [26, с. 192]*

В представленном отрывке грамматический аспект рассматриваемого концепта снова представлен сослагательным наклонением. Грамматическая структура сослагательного наклонения строится через использование частиц «бы», «ли». Когнитивная структура, сформированная благодаря сослагательному наклонению, передает смысловые значения «желание», «чаяние», «греза». Как можно увидеть из выделенных значений, данная песня является многокомпонентной и поликодовой, способной образовывать и интерпретировать большое количество ценностных смыслов. Важным также является тот факт, что выделенные нами смысловые значения, выраженные с помощью грамматических структур, формируют ядро и приядерную зону современного концепта «Мечта» в русской языковой картине мира.

Отрывок из песни, указанный данной работе, иллюстрирует речь Разина своим соратникам, в которой он описывает «землю мечты» – тихое место, где можно будет скрыться от неприятеля и «разделить дуван» (награбленное). Предположительно песня описывает Каспийский поход Степана Разина в Персию («Тихохонько сине море становилось, ничем наше Каспийское не шевельнулось»). Концепт «Мечта» раскрывается в данном контексте не только в сослагательном наклонении, как было указано выше, но и посредством лексических единиц – подробное описание награбленного формирует в сознании реципиента концепт «Богатство», который сочетается с концептом «Мечта» в его значении «стремление». Возвращаясь после

очередного удачного похода, Степан Разин призывает своих соратников собрать последние силы, чтобы поскорее разбить лед («Вы берите еловчатые веселечки/Вы бейте-пробивайте тонкий осенний лед») и добраться до «тихих мест». Земля является в данной песне вербализованной лексемой, подразумевающей в своем значении не только предметное обозначение, но и концептуальное соотношение с «желанной землей» – мечтой найти тихое место. Также идея богатства, получившая в песне метонимичное описание (атлас, бархат, парча, жемчуг, золото) соединяется с мечтой, образуя таким образом концептуальную схему «Мечта о богатстве», которая содержит в себе позитивный коннотат и передает когнитивный признак образа. Другая образованная когнитивная единица, «Желанная земля», также содержит в себе позитивное коннотативное значение. В качестве основного когнитивного признака данной структуры следует выделить образ, приписываемый номинативному элементу. Положительная коннотативность обеих концептуальных структур обусловлена общей положительной тематикой песни. Если все рассмотренные выше произведения обладали трагическим содержанием, то песня «О походах Разина» относится к жанру героических песен, хвалящих твердость и непоколебимость духа. На основании данного замечания мы можем утверждать, что общая дискурсивность рассматриваемой песни оказывает воздействие на коннотативное значение когнитивных признаков смысловых элементов концепта.

Наличие большого количества смысловых компонентов концепта «Мечта» в исторических песнях, составляющих ядро или приядерную зону концепта («О походах Разина», «Татарский полон», «Плач Ярославны», «Полоняночка»), указывает на актуальность смысловых единиц, формирующих ценностные смыслы, менталитет народа. Наличие ценностных смысловых компонентов дает нам основание утверждать об их лингвокультурологических чертах, которые формируют отношение общекультурного к индивидуальному.

Рассмотрев широкий ряд русских исторических песен, включенных в фольклор и являющихся частью этнокультурной и лингвокультурологической картин мира, мы приходим к выводу о том, что многие лексические единицы, используемые в качестве словесного материала, являются этническим культурным кодом, отражающим менталитет, культурные ценности, национальный характер. Рассматриваемый нами концепт «Мечта» сохраняет в народном творчестве свои основные семантические и когнитивные признаки. Во многих исторических песнях семантические компоненты сохраняют в себе смысловые единицы ядра и приядерной зоны концепта, что доказывает влияние фактора исторической памяти на формирование лингвокультурологического аспекта таких ментальных образований как концепт.

Изучив народное творчество разных периодов времени, мы распределили когнитивные значения концепта «Мечта» в соответствии с историческим периодом.

Таблица 1

Исторический период	Историческая песня/эпос
1. Русско-половецкие войны (XI–XIII в.)	«Слово о полку Игореве»; Когнитивное значение концепта – «неосуществимое, острое желание».
2. Период татаро-монгольского ига (XIII–XV в.)	«Полоняночка», «Татарский полон»; Когнитивные значения концепта – «неосуществимая мечта», «мечта о свободе», «чаяние», «воля».
3. Период правления Ивана Грозного (XVI в.)	«Гнев Ивана Грозного на сына»; Когнитивное значение концепта – «неосуществимость желаемого».
4. Каспийский поход Степана Разина (XVII в.)	«О походах Разина» Когнитивные значения концепта – «стремление», «желанная земля».
5. Восстание Емельяна Пугачева (XVIII в.)	«Ты звезда ли моя, звездочка» Когнитивное значения концепта – «мечта о свободе».

Таким образом, рассмотрев народные песни разных исторических периодов, мы можем представить преобразование концепта «Мечта» в лингвокультурологическом дискурсе в виде диахронной прямой:

МИГ (изначальное старославянское значение) – ЖЕЛАНИЕ: (острое, неосуществимое, XI–XIII в., XVI в.) – ЧАЯНИЕ (XIII–XV в.) – ВОЛЯ (XIII–XV в.) – МЕЧТА (о свободе, XIII в., XVIII в.) – СТРЕМЛЕНИЕ (XVII в.)

Как можно увидеть из данной цепи, преобразованные смысловые единицы, входя в концептосферу, сохраняются в исторической памяти, формируя культурно-нравственный фон. На прямой мы видим, что смысловые единицы, попадая в состав концепта, хранятся в когнитивной структуре в течение столетий, способствуя бесконечной интерпретации когнитивных образов и моделей. В качестве примера нашему утверждению рассмотрим когнитивное преобразование смыслового элемента СТРЕМЛЕНИЕ. В качестве окончательно оформленного смыслового элемента концепта мы считаем XVII в., так как историческая песня этого периода более полно раскрывает современное значение лексемы «стремление», имеет, как и лексема, положительный коннотат и номинативный характер. Однако формирование данного смыслового элемента началось значительно раньше: его концептуальные признаки можно найти в «Плаче Ярославны» (XII в.), «Татарском Полоне» и «Гневе Ивана Грозного на сына» (предположительно XVI в.) и т.д. Данное наблюдение доказывает, что семантическое значение никогда не бывает новым. Оно является результатом когнитивной модуляции, преобразовывающей старые понятия в новые. Появление слова – графического образа понятия – может произойти значительно позже, но идея о нем формируется веками ранее.

Обратный процесс – появление смыслового элемента и его сохранение в практически неизменном виде. Данное явление также можно рассмотреть на примере изученных исторических песен. Смысловой элемент «неосуществимое желание» был найден нами в произведении XII в. Однако данный семантический элемент сохраняет свои денотативные и

коннотативные признаки в исторических песнях более позднего времени: «Полоняночка» (приблизительное появление песни – XVII в., описываемые события – XIII–XV в.), «Гнев Ивана Грозного на сына» (приблизительно конец XVI в.). Обе исторические песни сохраняют семантический элемент, впервые выделенный в произведении XII в., что доказывает способность исторической памяти сохранять определенные смыслы для дальнейшего формирования культурных ценностей.

Как видно из анализов песен, смысловые компоненты, впервые появившиеся в народном творчестве, сохраняют идентичную смысловую наполненность вне зависимости от контекста. Это доказывает неизменность ценностных характеристик, которые проектируют в сознании индивидов номинативные единицы для последующей вербализации. Номинативные ценностные характеристики формируют смысловые компоненты, которые в своей совокупности составляют концепт.

Основным свойством человеческой памяти является способность хранить и перерабатывать любой вид информации, включая эмоциональный фон и невербальные средства общения. Совокупность хранящихся в памяти концептов, ставших частью коллективного сознания, формирует менталитет и культурные ценности. Рассмотренный нами концепт «Мечта» является общекультурной ментальной единицей, способствующей формированию национального менталитета, на что указывает наличие основных смысловых компонентов концепта в русских народных исторических песнях.

Семантический анализ позволил нам увидеть способность смысловых элементов хранить свою семантическую наполненность на протяжении веков. Большинство смысловых компонентов концепта, входящих в ядро и приядерную зону, были сформированы на ранних этапах становления русского языка и сохранили свое первоначальное значение в современном языке. Диахронная прямая указывает на развитие семантической составляющей концепта с зарождения (предположительно IX в.) вплоть до второй половины XVIII в.

Материал фольклора позволяет рассмотреть зарождение и формирование смысловых элементов лингвокультурного концепта в сознании говорящих. Сохранение данных элементов в социальной памяти превращает их в факт культуры. Выбор материала исторических песен ограничивается в данной работе периодом с XI-XVIII в., так как начало XIX века знаменует расцвет русской словесности, в результате которого центр формирования концепта перемещается на художественный дискурс. Дальнейшая интерпретация концепта переходит из примата «общего» к «индивидуальному». В свою очередь, индивидуальное начало художественного концепта трансформируется в процессе времени. Смысловые единицы, используемые в художественных произведениях и являющиеся предметом индивидуального мышления, становятся известными широкому кругу людей, формируя тем самым цикличность концептуальной картины мира. Это наблюдение доказывает изложенное нами утверждение о цикличности вербализованного концепта в речи. Феномен влияния культуры на расширение концептуального содержания в языке мы считаем необходимым изобразить в виде прямой с несколькими переменными: сознание – язык – речь – предмет народного творчества – предмет искусства (индивидуальный) – литературный язык – речь. Как можно увидеть из прямой, процесс вербализации концепта цикличен, что доказывает неизменность первоначальных смысловых элементов. Несмотря на то, что появление новой семантической единицы в составе концепта связано с модификацией более раннего смыслового элемента, появление преобразованной когнитивной единицы всегда означает новое языковое явление, хранящееся в памяти и вызывающее в сознании уникальные образы и ассоциации. Подробнее о формировании концепта «Мечта» в художественном дискурсе и о его влиянии на общие лингвокультурологические признаки концепта речь пойдет в следующих главах (2, 3).

2.1.2. Лексическая группа концепта «Traum»

В немецком языке лексическая группа концепта «Traum» представлена следующими языковыми единицами:

1. Существительными: Traum, Träumer, Träumelein, Vorstellung, Wunsch, Sehnsucht, Fantasie, Chance, Willen, Wahn, usw.
2. Глаголами: träumen, wünschen, sich vorstellen, phantasieren, reflektieren, ausdenken, fabeln, usw.
3. Прилагательными: träumerisch, schwärmerisch, fabelhaft, verträumt, idyllisch, traumhaft, unerfüllbar, usw;

Фразеологическая группа концепта «Traum» представлена следующими устойчивыми сочетаниями:

1. Luftschlösser bauen;
2. aus der Traum!;
3. jn. ins Traumland schicken;
4. Träume sind Schäume, usw. [136, стр. 120, 17, 250, 251]

Важно отметить, что в обоих языках существуют интернациональные фразеологизмы, входящие в семантическое поле концепта «Мечта» и имеющие одинаковое значение:

1. синяя птица - blauer Vogel;
2. американская мечта - der amerikanische Traum;
3. парить в облаках, витать в облаках - über\in den Wolken schweben, usw.

Деление смысловых элементов концепта на основе их семантики в соответствии с определенными признаками имеет место и в немецком языке. Мы считаем, что некоторые семантические категории должны быть заменены для последующего деления на основе смысловых признаков. Выявленные в процессе моделирования смысловые единицы представлены нами следующим образом:

1. Im Schlaf auftretende Vorstellung (сновидение): Träumerei, Alptraum, Träumelein, Nachtruhe, im Traum sehen;

2. Wunsch (Желание): Gefühl, Hoffnung, Streben, Wunschbild, Wille, Blüenträume, Ernteträume, Traum von der Ruhe, Kindertraum, Knabentraum, Liebestraum, Wohltraum;

3. Prozess (Процесс): verschwinden, wachend träumen, wünschen, wähen, wollen, streben, flattern;

4. Zustand (состояние): Seligkeit, Sehnsucht, Wonne, Freude, im halben Traum sein, im Behagen des Traums sein;

5. Eigenschaft (свойство): Traumglück, Traumgesicht, Täuschung, Ehrgeiz, Lust, Drang, Mut, falsche Erwartung, stille Sinne, traumhaft, groß, klein, bange, unerfüllbar, blau, fabelhaft, leer, süß, schön, sehulich, selig, zerbrechlich, hold, gut, böse, fein, golden, schwer, wunderbar;

6. Besinnung: Anschauung, Kontemplation, Betrachtung, Nostalgie, Reflexion, Erinnerung, Sinn;

7. Irrealität (ирреальность): Vorstellung, Fantasie, Wille, Trugbild, Illusion, Zauber, Luftschlösser bauen, Träume sind Schäume, jn. ins Traumland schicken;

8. Symbol (символ): Lenz, Erscheinung, Frühling;

Как можно увидеть из данного анализа, семантические признаки, входящие в состав концепта «Traum», частично совпадают с когнитивными признаками концепта «Мечта»: в структуре обоих концептов можно обнаружить такие признаки как «желание», «процесс», «состояние», «ирреальность». Однако количество смысловых категорий в русской и немецкой лингвокультурах не совпадает. Так в составе концепта «Traum» мы можем найти следующие смысловые признаки: «сновидение», «смысл» «размышление», «свойство».

Мы считаем, что концепт «Traum» так же, как и концепт «Мечта», является номинативным, основополагающий признак – «желание». Следующими по значимости идут «сновидение», «свойство», «ирреальность», «состояние», «процесс». Заключительными семантическими признаками являются «размышление» и «символ». Данные категории включают в себя

наименьшее количество смысловых единиц, большинство из которых находятся на крайней периферии когнитивного сознания.

Номинативность концепта «Traum» можно доказать на основании преобладания смысловых элементов номинативного содержания: подавляющее большинство единиц, объединенных под признаками «желание», «сновидение», «ирреальность», «состояние», «символ» являются номинативными. Концептуальный признак «процесс» так же, как и в лингвокультурном концепте «Мечта» содержит в себе языковые единицы, характеризующие действие. Концептуальный признак «свойство» описывает качества рассматриваемого концепта.

На грамматическом уровне семантические признаки концепта «Traum» можно представить следующим образом:

1. Номинативность – сновидение, желание, состояние, ирреальность, символ. Большая часть смысловых элементов, представленных под этими когнитивными признаками, выражена абстрактными или сложносоставными существительными, а также фразеологизмами.

2. Признак – свойство. Большинство смысловых элементов выражено прилагательными, сложносоставными и абстрактными существительными, передающими экспрессивно-субъектное отношение.

3. Действие – процесс, смысловые элементы которого представлены глаголами.

Как можно увидеть из анализа выше, в рассматриваемом нами концепте «Traum» преобладает количество номинативных единиц, в результате чего мы можем сделать вывод, что концепт является номинативным. В представленной модели концепта (см. глава 1) нами было найдено число лексем меньше, чем в аналогичном концепте русской лингвокультуры. Однако в процессе деления на когнитивные признаки мы выявили, что концепт «Traum» обладает большим количеством семантических признаков, чем концепт «Мечта». Это связано с наличием в составе концепта необъединяемых смысловых компонентов.

Смысловые единицы, относящиеся к концептосфере «Traum» и передающие один из рассмотренных признаков, так же, как и смысловые единицы концепта «Мечта», можно найти лингвокультурном и художественном дискурсах.

Лингвокультурологический концепт «Traum» с рассматриваемыми нами смысловыми элементами и признаками актуализируется на уровне контекста. Материалом для анализа были выбраны немецкие народные песни и баллады. В начале рассмотрим семантические элементы концепта на материале народных песен:

*“Ich hab die Nacht geträumet
wohl einen schweren Traum,
es wuchs in meinem Garten
ein Rosmarienbaum”. [173, S. 210]*

Данный отрывок принадлежит к одной из самых известных старинных песен Германии “Ich hab die Nacht geträumet”. Период появления текста песни точно не известен. Музыка, впервые написанная к песне Ф. Николаи, датируется 1777 г.

Концепт «Traum», раскрываемый в данной песне, передает смысловой элемент «кошмар» («Alptraum»), принадлежащий к ядру современного концепта, что доказывает указанное ранее на примерах русских народных песен предположение о неизменности ценностных смысловых элементов концепта в социальной памяти. Также важно отметить, что смысловой элемент “Alptraum” является одним из самых ранних смысловых элементов концепта «Traum» в немецком языке. Явление полисемии, присущее абстрактному существительному «Traum» и находящее отражение в смысловой наполненности концепта, влияет на становление когнитивных моделей, формирующих ментальный образ.

Песня “Ich hab die Nacht geträumet“ повествует о сне девушки, сулящем смерть возлюбленного. Как уже было отмечено выше, основным концептуальным элементом данной песни является семантическая единица

“Alptraum”. Коннотативный признак концепта – отрицательный, что обусловлено общим настроением произведения, его трагичной тематикой. В соответствии с когнитивными признаками рассматриваемого концепта, смысловой элемент “Träumerei” следует отнести к категории “Im Schlaf auftretende Vorstellung”. Также смысловая наполненность данного семантического элемента частично совпадает с когнитивным признаком “Irrealität”, что доказывает условность концептуальных границ и возможность соотношения смысловых единиц концепта с различными концептуальными категориями на основе сходства или смежности. На грамматическом уровне рассматриваемый нами семантический элемент сохраняет номинативный признак.

Данная народная песня наполнена большим количеством образов и концептуальных метафор (см. главу 3). Здесь мы видим становление и развитие коллективного концептуального мышления: появляется символика цвета, формируются метафоричные образы, требующие герменевтического толкования. Многие индивидуальные концептуальные метафоры, сформированные позднее в художественном дискурсе, были впервые применены в народном творчестве (например, образ цветов, их концептуальное значение).

Другой смысловой элемент концепта «Traum» раскрывается в немецкой народной песне “Wer lieben will, muß leiden”:

“Hätt’ ich dich nicht gesehen,

Wie glücklich könnt ich sein!

Aber leider ist’s geschehen;

Mein Herz ist nicht mehr mein!” [151, 210 S.]

Последние строки произведения на грамматическом уровне передают смысловой компонент “Trugbild”, относящийся к когнитивному признаку “Irrealität”. Важно заметить, что семантический элемент “Trugbild” является самым первым смысловым элементом, положившим начало формирования концепта. Появившись в X в., семантический элемент “Trugbild” был

основным значением древневерхнемецкого слова “troum”, который на тот момент еще не попал под влияние полисемии. Сегодня данная смысловая единица по-прежнему входит в состав концепта «Traum» и сохраняет свое основное значение неизменным благодаря воздействию памяти на речемыслительный процесс. Однако местоположение семантического элемента по отношению к ядру изменилось: если в X в. данная смысловая единица сама формировала ядро, то сегодня она входит в состав ближней периферии концепта, уступая место смысловым элементам, включенным в ядро концепта на основе сходства, а не смежности смысловых значений. Одной из причин перехода смыслового элемента “Trugbild” в состав приядерной зоны является его отрицательный коннотат, тогда как превалирующее коннотативное значение смысловых элементов, входящих в концептосферу, является положительным, что наделяет концепт «Traum» в целом позитивной коннотацией.

Грамматический аспект, представленный в данном отрывке, репрезентирует концепт «Traum» через использование сослагательного наклонения (Konjunktiv II Perfekt и Konjunktiv II Präsens). Использование двух разных конструкций позволяет выразить разную степень желаемого. Так Konjunktiv II Perfekt передает неосуществимость, невозможность изменить произошедшее (“Hätt’ ich dich nicht gesehen...”). Konjunktiv II Präsens, напротив, позволяет в данном контексте выразить предположение о желаемом результате (“Wie glücklich könnt ich sein”). Сочетаясь вместе, обе конструкции создают симбиоз, лежащий в основе контекста и формирующий смысловое понятие “Trugbild” – «обманчивую картину», в которой концептуально сочетается желаемое и невозможность перемен ради его осуществления.

Значительное место в немецком фольклоре занимают народные баллады. В отличие от народных песен лирического содержания, анализ которых приведен выше, народные баллады характеризуются эпичностью повествования, чем близки русским народным историческим песням.

Первая выбранная нами баллада “Hoffnung” относится к произведениям позднего периода. Приблизительное время появления данного произведения – вторая половина XVIII в. Главной особенностью баллад позднего периода является их стилистическая интеграция – грань между эпическим и лирическим начинает постепенно стираться, уступая место абстрактной тематике: появляются баллады, отражающие не исторические события, а ценностные категории, такие как любовь, дружба, надежда и т. д.

*“Hoffnung, Hoffnung, mild wie Frühlingsschimmer
strömst du Leben hin auf tote Flur
Blumen blühn durch dich auf öde Trümmer
laß mich folgen deiner Rosenspur
Deine Stimme tröstet stets und spricht
Einst wirds besser, einst wirds besser
Hoffnung täuscht nicht“. [179]*

В данном отрывке смысловой элемент “Hoffnung” является центральным компонентом, формирующим семантическую составляющую всей баллады в целом. Данный элемент является составляющей концепта «Traum», так как обладает абстрактным характером, что является характерной особенностью всех смысловых элементов концепта, также наделенных абстрактностью.

Смысловой компонент “Hoffnung” входит в состав приядерной зоны концепта «Traum». Данная семантическая единица обладает положительной коннотацией. В соответствии с основными когнитивными признаками концепта, мы можем отнести данный смысловой элемент к семантической категории «Wunsch». Рассматриваемая смысловая единица обладает положительной коннотацией, на грамматическом уровне может быть представлена абстрактным существительным и, следовательно, обладает свойствами номинативности.

Заключительные строфы народной баллады “Hoffnung” показывают нам нерушимую связь семантики двух абстрактных существительных: “Hoffnung”

и «Traum». Однако мы должны отметить, что поликодовость существительного “Traum” охватывает большее количество когнитивно-ассоциативных элементов, в результате чего смысловой элемент «Traum», являясь полисемичным по своей природе, обретает способность формировать вокруг себя концептосферу, в состав которой также входит смысловой компонент “Hoffnung”, занимающий в ближайшей периферии одно из центральных мест. Мы считаем, что “Hoffnung” является лишь смысловым элементом концепта «Traum», а не самостоятельным концептом, так как семантическая наполненность изучаемого нами концепта значительно шире, в состав концептосферы могут входить разные по коннотации и степени экспрессивности элементы. Также наше предположение обосновано общим когнитивным признаком обеих смысловых единиц. Оба элемента объединены смысловой категорией “Wunsch”, являющейся центральной и доминантной в рассматриваемом нами концепте.

*“Über dieses Wandelsternes Grenzen
wo die Sorgen wo die Träume fliehn
wird auch uns ein ewger Sommer glänzen
und ein schöner Frühling uns erblühn“ [179]*

В данном отрывке, помимо центрального смыслового компонента “Hoffnung”, используется большое количество метафоричных образов, когнитивно соотносимых с концептом «Traum»: “Wandelstern” («Звезда перемен»), “Ewger Sommer” («Вечное лето»), “schöner Frühling” («прекрасная весна»). Все указанные выше смысловые единицы можно объединить под общим когнитивным признаком “Symbol”.

Данный отрывок показывает нерушимую связь понятий «Traum» и “Hoffnung”, на что указывают первые строки баллады: “Über dieses Wandelsternes Grenzen/wo die Sorgen wo die Träume fliehn” («Над гранью этой звезды перемен, где мчатся заботы и грезы»). В данном контексте “Wandelstern” – это символ постоянно меняющейся жизни, в потоке которой нет ничего постоянного: заботы сменяют друг друга, и с течением времени

стираются из памяти. Грезы могут с течением времени погаснуть, уступив место в сознании обыденным вещам. В качестве антитезы непостоянному, надежда сравнивается с “ein schöner Frühling“ («прекрасной весной»), олицетворяющей начало новой жизни. Эпитет “ein ewger Sommer“ («вечное лето») является культурным кодом смыслового элемента “Freude” («радость»), который также входит в состав концептосферы «Traum».

Как можно увидеть из данного анализа, заключительные строки баллады содержат три основных элемента, входящих в состав изучаемого нами концепта: HOFFNUNG, FREUDE, TRAUM. Представленные элементы расположены по степени семантической релевантности их репрезентации в балладе. Если рассмотреть расположение данных элементов по отношению к ядру, результаты будут следующими (расстояние смыслового элемента от ядра представлено в процентном соотношении): HOFFNUNG (90%), FREUDE (80%), TRAUM (100%). Стопроцентное расположение означает нахождение данного смыслового элемента в ядре, 90% – в ближней периферии, 80% – в дальней и 70% - в крайней периферии соответственно.

На уровне контекста мы видим, что центральной смысловой единицей баллады является “Hoffnung”, которая, в отличие от компонента «Traum», является постоянной переменной. Смысловая единица «Traum» олицетворяет на уровне контекста непостоянную ценность, способную исчезать (“fliehen”) или менять свой облик. Однако мы считаем, что все рассмотренные в данном отрывке компоненты являются лишь составляющими одного концепта «Traum» и меняют свое местоположение в зависимости от контекста за счет открытости концепта как ментального образования. Наше утверждение также исходит из общих когнитивных характеристик всех смысловых элементов: абстрактности, умеренной экспрессивности, положительной коннотации, смежности семантики. Однако главный аспект, на который мы обратили внимание в процессе когнитивного анализа, это семантическая наполненность концепта «Traum» и смыслового элемента с данным именем. Чтобы увидеть разницу, следует привести пример их лексических аналогов в русском языке,

так как в немецком концепт и его смысловой элемент имеют одинаковое наименование. В данном контексте смысловой элемент «Traum» раскрывается в значении «греза». Данный элемент, несмотря на свою семантическую близость смысловой основе концепта, является непостоянной единицей, что находит отражение в балладе.

В процессе анализа мы пришли к выводу о том, что концепт «Traum» намного шире в своем значении, так как отражает черты постоянных и изменчивых переменных за счет соединения в собственной структуре разных по смысловому объему элементов. Таким образом, проведя параллель между графически одинаковыми и ментально различными единицами, мы приходим к выводу о том, что концепт «Traum» – это широкое, семантически разнообразное понятие, способное включать в себя большое количество смысловых единиц, наделенных достаточной долей абстрактности.

Следующая народная немецкая баллада сохраняет концепт «Traum» на грамматическом и лексическом уровнях. Рассмотрим выдержку из баллады “Träumelein“, представленную для последующего концептуального анализа:

“Wohl heute noch und morgen, da bin ich noch bei dir,

Wenn aber kommt der dritte Tag, dann muß ich fort von hier.

Wann kommst du aber wieder, Herzallerliebster mein?

Wenn 's schneiet rote Rosen und regnet kühlen Wein“. [180, S. 310]

Данная баллада также принадлежит к более позднему периоду развития немецкого народного творчества – XVIII веку. Ей так же, как и балладе “Hoffnung”, свойственен уход от исторических событий, наличие которых является основной особенностью произведений данного жанра более раннего периода. Песня повествует о расставании девушки с возлюбленным, который должен вернуться “Wenn 's schneiet rote Rosen und regnet kühlen Wein” («Когда выпадет снег из алых роз и пойдет дождь из вина»). В данном контексте изучаемый нами концепт представлен на грамматическом уровне посредством использования союза “wenn”, вводящего условие.

Концепт «Traum» раскрывается в данном контексте в виде семантического элемента “unerfüllbarer Wunsch” («неосуществимое желание»), так как описывает нереальные условия, которым не суждено произойти. Похожий смысловой элемент был найден нами в русских исторических песнях. Это доказывает наличие одинаковых ценностных компонентов в разных лингвокультурах, что говорит о наличии общеевропейских культурных ценностей, не зависящих от языковой семьи и этимологии, связанных друг с другом «ментальной нитью» – концептуальной связью, сформированной в процессе «наслоения» наивных когнитивных структур с заимствованными. Однако частота использования и эмоциональная маркированность одинаковых смысловых элементов в разных лингвокультурах может отличаться, что отражается на занимаемом месте семантического элемента в концепосфере.

В данной балладе смысловой компонент “unerfüllbarer Wunsch” принадлежит к двум когнитивным категориям: “Wunsch” и “Eigenschaft”. Слияние двух когнитивных признаков означает объединение на грамматическом уровне номинативного и качественного аспектов.

Заключительные строки баллады “Träumelein” содержат рассматриваемый нами концепт, представленный на лексическом уровне однокоренными словами:

“In meines Vaters Garten, da legt ich mich nieder und schlief.

Da träumte mir ein Träumelein, wies regnet über mich“. [180, S. 311]

Как видно из примера, концепт «Traum» представлен в балладе двумя смысловыми элементами: “träumen” и “Träumelein”. В соответствии с морфологическими признаками, данные лексемы являются однокоренными. На уровне семантики оба слова имеют похожее значение, что говорит о производности обеих единиц. Различие семантических компонентов обусловлено разными частями речи однокоренных лексем, т.е. неразрывно связано с грамматическим аспектом. Смысловой элемент “träumen” выражен на грамматическом уровне глаголом. Следовательно, основным когнитивным

признаком данного смыслового элемента является “Prozess”, описывающий действие. Данный смысловой элемент лишен стилистической окраски и обладает нейтральной коннотацией.

Смысловой компонент “Träumelein”, напротив, обладает положительной коннотацией. Данный отрывок включает в себя два смысловых компонента, но центральным элементом, строящим художественное высказывание, является “Träumelein“. Данное явление обусловлено рядом факторов, которые сопряжены с грамматическими, морфологическими и семантическими особенностями лексемы, отражающей смысл этого элемента концептосферы.

Грамматический и морфологический признаки лексемы указывают на то, что перед нами – имя существительное. Семантический компонент позволяет нам понять, что перед нами – абстрактное существительное. На уровне морфологии мы также можем найти уменьшительно-ласкательный суффикс “lein“. Данный суффикс добавляет дополнительную смысловую нагрузку слову, присваивая ему положительную коннотацию.

Определенная на грамматическом уровне часть речи смыслового элемента позволяет выделить его основные когнитивные признаки. Смысловой компонент “Träumelein“ принадлежит к когнитивному признаку “Im Schlaf auftretende Vorstellung“, одному из центральных когнитивных признаков концепта «Traum». Данный отрывок повествует о девушке, уснувшей в саду. Покинутая возлюбленным, она видит сон, в котором сбывается его обещание: «идет снег из алых роз и дождь из вина». Лексема “Träumelein“ («маленькое сновидение») является семантическим эквивалентом лексемам “Traum“, “Träumerei“, однако, ввиду редкого использования, не может претендовать на место в ядре. Местоположение данной лексемы в современной лингвокультурологической картине мира – в приядерной зоне концепта «Traum», так как данная лексема, несмотря на относительную нераспространенность, сохраняет свои семантические свойства, характерные для одного из центральных значений концепта.

Когнитивный элемент “Träumelein“ обладает признаками номинативности, присущими имени существительному. Уменьшительно-ласкательный суффикс “lein” несет добавочное значение, концептуально обозначаемое как «признак».

Как было указано выше, семантический компонент “Träumelein“ является центральным элементом данного отрывка. Доказательство этому утверждению заключается в структуре актуального членения предложения и частично связано с синтаксисом. Любую контекстуальную связь можно представить в виде тема-рематического высказывания, где тема является центральным компонентом. Наше предположение относительно главенства темы над ремой обусловлено тем, что тема наделяет идею номинативностью, в то время как рема лишь дополняет её, внося новую информацию. В рассматриваемом нами концептуальном высказывании смысловой элемент “Träumelein“ является темой, так как дает имя, характеризует явление (в нашем контексте «сновидение»), а смысловой элемент “träumen” – переходом к реме, так как не несет в себе принципиально новой информации, а лишь подводит к ней.

Проведя анализ баллады «Träumelein», мы обнаружили два центральных смысловых элемента, принадлежащих концептосфере «Traum»: “unerfüllbarer Wunsch“ и “Träumelein“. Оба элемента занимают место в приядерной зоне современного концепта, что вновь свидетельствует о феномене концептуального мышления не терять в процессе времени старые смысловые элементы, но преобразовывать их путем семантической модуляции и пополнения концептосферы.

Следующая народная баллада, “Die Weiber-Treu der Frauen zu Weinsberg“ описывает исторические события XII века. Несмотря на то, что данная баллада была впервые записана немецким поэтом З. фон Биркеном в XVII в., концептуальные единицы, несущие в себе определенные ценностные смыслы, такие как «верность», «отвага», «воля» были сформированы веками

ранее, о чем свидетельствует исторический факт, ставший предметом народного творчества и лишь спустя века получивший литературную форму.

Баллада повествует об историческом событии – осаде королем Конрадом III крепости Вайнсберг. Во время осады женщинам было позволено покинуть крепость, взяв с собой все самое ценное. Верные жены Вайнсберга вынесли из крепости своих мужей. В данном отрывке концепт «Traum» раскрывается с помощью семантического компонента “Wille” («Воля»). Воля, сопряженная с силой духа и стремлением сердца, нашла воплощение в образе женщины. “Das treue Weib” является концептуальной метафорой таких смысловых элементов как “Wille”, “Treue”, “Heldentat”, “Mut”, “Wunder”. Смысловой компонент “Wille” является одним из составных элементов концепта «Traum», занимает место в приядерной зоне концепта. Немаловажной спецификой смыслового элемента “Wille” является его способность объединять в своей семантической составляющей остальные указанные ранее элементы. Так семантический компонент “Wille” может служить производной на основе контекста. Представим этот процесс в виде модуляционной прямой: “Weiber – Wille – Mut – Heldentat – Treue” («женская воля – отвага – подвиг – верность»). Как мы видим, “Weib” является ключевым смысловым элементом, от которого начинается формирование абстрактных ценностных компонентов, что является характерным для концептуальной метафоры, объединяющей материальный и нематериальный компоненты. Смысловой элемент “Wille” имеет центральное место среди ценностных составляющих, так как с него начинается основная идея повествования баллады. Следовательно, данный смысловой компонент является отправной точкой, от которой начинается смысловая модуляция, формирующая новые смысловые элементы.

В данной работе произведение представлено фрагментарно: мы выбрали лишь те отрывки, в которых, по нашему мнению, наиболее полно раскрываются выделенные в балладе смысловые элементы:

*Weiber wusten Raht zufinden Dencket doch: es trugen Weiber
da den Männern Witz gebracht; schwach von Rücken arm an Stärk
Weiber konden überwinden die so schweren Männer-Leiber.
da die Männer wurden schwach. O ein treues Wunderwerk! [41, c. 91]*

В первом отрывке ключевой компонент “Wille” раскрывается в заключительных строках: «женщины смогли вынести то, от чего мужчины ослабли» (перевод дословный). Здесь мы видим слияние двух компонентов: “Wille” и “Mut”, образующих союз, подводящий нас к кульминации повествования. Оба смысловых элемента занимают место в ближайшей периферии (приядерной зоне) современного концепта. Обе единицы имеют положительный коннотат.

Говоря о когнитивных признаках смысловых единиц “Wille” и “Mut”, следует отметить, что “Wille” относится к самой распространенной категории когнитивных признаков – “Wunsch”. Семантическую единицу “Mut” мы считаем необходимым отнести к когнитивной категории “Eigenschaft”. Несмотря на то, что данный смысловой элемент не описывает признак ранее обозначенного предмета, как большинство семантических единиц, принадлежащих данной категории, он передает свойство человеческой души, на основании чего когнитивно связан с признаком “Eigenschaft” (нем. «свойство»). На грамматическом уровне оба элемента сохраняют номинативность. Представлены абстрактными существительными.

Следующий смысловой элемент “Wunderwerk” относится к категории когнитивных признаков “Irrialität”. Данная смысловая единица состоит из двух компонентов, один из которых является семантически доминантным (“Werk”), но не входит в состав концепта «Traum». Другая составляющая (“Wunder”) носит комплиментарный характер. Однако именно эта составляющая входит в состав рассматриваемого нами концепта и занимает позицию в его приядерной зоне. Слияние двух элементов формирует уникальную семантическую единицу, вобравшую в себя свойства обоих компонентов, в результате чего

новая смысловая единица становится семантически связанной с концептом «Traum» и получает возможность занять место в крайней периферии концепта.

На морфологическом уровне данная лексема представляет собой сложносоставное существительное, в котором оба компонента обладают абстрактным характером с точки зрения семантики. Так как в грамматическом аспекте смысловой элемент “Wunderwerk“ – существительное, ему свойственна номинативность с элементами признака. Ментальную структуру сложносоставного существительного концептуально можно представить следующим образом: ПРИЗНАК+НОМИНАНТ, где оба элемента обладают номинативными свойствами, но один из них несет добавочное значение, придающее уникальность основному элементу и описывающее его.

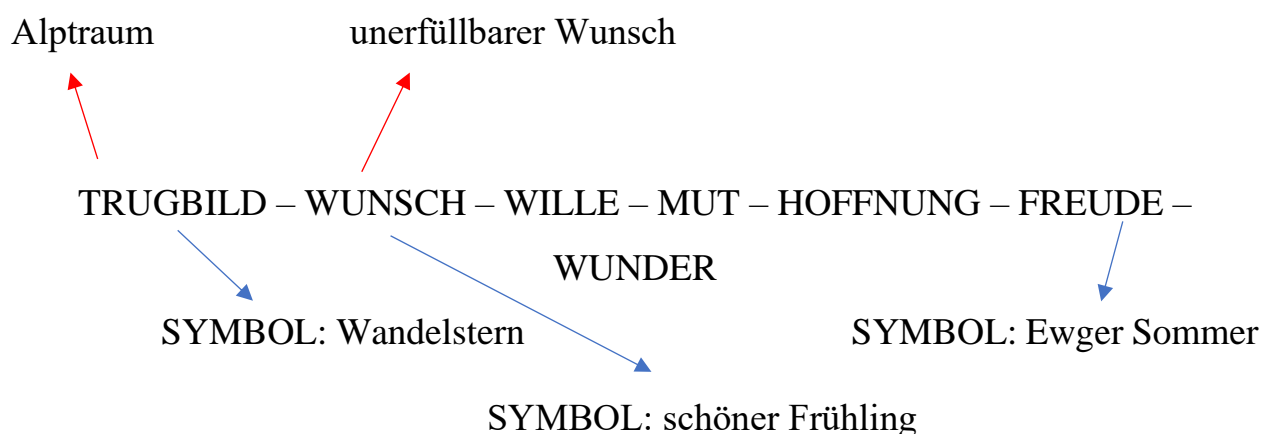
Рассмотрев основные смысловые элементы концепта «Traum», мы пришли к следующим выводам:

1. Большинство смысловых элементов, рассмотренных нами в немецком фольклоре, входит в ядро и приядерную зону современного концепта, что доказывает семантическую неизменность и актуальность ключевых смысловых компонентов;

2. Большая часть рассмотренных смысловых элементов концепта «Traum», сохраненная в фольклоре, несет в себе номинативные свойства, что отражает основу семантического содержания ядра концепта, также номинативного по своей природе;

3. Процесс формирования концепта «Traum» трудно представить в виде диахронной прямой, как было сделано нами в процессе исследования когнитивных элементов концепта «Мечта» на материале русских народных песен. Главной причиной невозможности структурирования временного отрезка с концептуальными переменными является особенность немецкого лиро-эпоса (баллад), которые с течением времени перестали описывать исторические события, уступив место абстрактной тематике. Большинство рассмотренных нами народных немецких песен и баллад существовали намного ранее, чем были официально записаны фольклористами, поэтами,

музыкантами. По этой причине, констатировать развитие семантической составляющей концепта «Traum» в хронологическом порядке является затруднительным на сегодняшний день. Структуру формирования и пополнения концепта смысловыми элементами мы предлагаем представить в виде *модуляционной* прямой:

Заглавными буквами в данной структуре обозначены ключевые смысловые элементы, выделенные нами из народных немецких песен и входящие в современную концептосферу. Данные элементы расположены в последовательности семантической модуляции (смыслового развития). Синими стрелками нами были обозначены производные от определенного семантического элемента. Как можно увидеть из структуры, новые производные единицы формируют символ, концептуально связанный с ключевой семантической единицей. Красными стрелками на карте обозначены производные смысловые элементы, имеющие отрицательную коннотацию.

Как можно увидеть из приведенного в данной работе когнитивного анализа, большинство существительных, встречаемых в народном эпосе, являются абстрактными. Данное явление обосновано тем, что сам концепт «Traum» обладает абстрактным характером. Остальные элементы, большинство из которых не являются однокоренными производными или синонимичными лексемами центральной концептообразующей лексемы, соединены с последней ментальной связью.

Обилие абстрактных существительных в народном этносе свидетельствует о развитии образного мышления человека, о способности индивида формировать культурно-ценностные ориентиры независимо от исторического периода. Это замечание позволяет рассмотреть феномен, свойственный только человеку – способность к рефлексии. Отражение боли, радости, надежды, стремления, ностальгии – чувств, а не рефлексов, является исключительно человеческим свойством, соединяющим личный опыт с общественным (ранее пережитым другими). Народное творчество двух разных культур позволяет нам увидеть связь общего и индивидуального, которые существуют в неделимом единстве, выявить сходства и различия когнитивного восприятия на самых ранних этапах развития национальной культуры. Полученные данные позволяют нам сделать вывод о том, что духовная составляющая человеческого мышления претерпевает с течением времени относительно небольшие изменения: меняется ее форма за счет пополнения концептосфер новыми смысловыми элементами, увеличивается сематический объем концепта. Но смысловые элементы, вошедшие однажды в концептосферу, сохраняются в ней в неизменном виде (за исключением смены коннотации, зависящей от контекста).

Рассмотрев основные когнитивные структуры, входящие в состав концептов «Мечта» и «Traum» мы пришли к следующим выводам:

1. Жанр русской исторической песни сохранил в себе свойства эпического жанра, благодаря которым мы можем рассмотреть формирование концептосферы в диахронном ключе;

2. Жанр европейской баллады, напротив, утратил с течением времени эпические черты, став похожим по своему стилю на лирическую песню.

3. Большая часть смысловых компонентов, представленная в русской и немецкой лингвокультурах, имеет номинативный характер, что объясняет превалирующее количество абстрактных существительных в концептосферах «Мечта» и «Traum». Также номинативность смысловых

элементов указывает на наличие «имени» культурного знака – основы грамматического строя на ранних этапах развития языков.

4. Общими для обеих лингвокультур смысловыми элементами являются: неосуществимое желание, неосуществимая мечта – *unerfüllbarer Wunsch*; чаяние – *Hoffnung*, воля – *Wille*;

5. Общими когнитивными признаками концептов «Мечта» и «Traum» являются: процесс, образ, состояние, ирреальность, желание. Совпадение большинства когнитивных признаков находит отражение в грамматике: в обоих языках есть смысловое деление на имя, действие и качество, представленное соответственно существительным, глаголом и прилагательным. Данное деление указывает на похожий грамматический строй двух разных языков, что подтверждает наличие в языках определенного порядка, системы, свидетельствующей о способности человека к ассоциативному мышлению, рационально объединяющему языки на основе универсалий.

6. Также концепты «Мечта» и «Traum» могут быть вербализованы в языке посредством сослагательного наклонения. В рассмотренных нами народных песнях и балладах мы видим, что формы сослагательного наклонения могут отличаться от их вариаций в современном языке. Особенно это заметно в немецком языке, где формы *Konjunktiv II* искажены под влиянием народных диалектов. Однако структура сослагательного наклонения с сохранением умлаутов сохраняет похожий графический образ, благодаря которому мы соотносим лексему с определенной грамматической категорией, позволяющей нам правильно интерпретировать полученную информацию.

7. Коннотативный признак смысловых элементов может быть как положительным, так и отрицательным в обеих лингвокультурах. Выбор добавочного компонента часто определяется контекстом.

8. Возможность рассмотреть пополнение концептосферы диахронно в русской языковой картине мира указывает на преемственность стилистической составляющей, отраженной в языке, а также на

преимущество культурно-значимых ценностей, заложенных в мышлении народа и формирующих менталитет. Также данный фактор свидетельствует о единстве морально-оценочных воззрений народа, населяющего географически отдаленные друг от друга территории (наше исследование затрагивает исторические народные песни центральной части России, южного Урала, Сибири, Кубани). Семантическое единство смысловых элементов указывает на единство образа мыслей народа, что также находит отражение в языке – русские исторические песни свидетельствуют о единстве русского языка на всей территории страны. Диалектальные особенности проявляются только на фонетическом и лексическом уровнях, не представляют затруднений для понимания общей идеи произведения и могут быть поняты на основе контекста.

9. Рассмотрение смысловых элементов немецкого концепта «Traum» на позднем этапе развития народной баллады свидетельствует о диалектальной разобщенности немецкого языка, не позволяющей выявить общенародные семантические категории концепта на более раннем этапе. Модуляционная прямая является, по нашему мнению, наиболее подходящей схемой построения когнитивного развития языка, так как способствует выявлению центральных по смысловой наполненности и степени употребляемости элементов, выделению образованных от них контекстуальных и ассоциативных производных.

10. В обеих лингвокультурах смысловые единицы, описывающие изучаемый нами концепт, наделены образностью, способны образовывать символы, формировать концептуальные метафоры, речь о которых пойдет в главе 3. Данное свойство смысловых элементов доказывает способность человека абстрактно мыслить на ранних этапах развития языка, что подтверждает неизменность природы человека и его когнитивных способностей.

2.2. Синтаксические структуры концептов «Мечта»/ «Traum»

Целесообразно в рамках нашего исследования концепта «Мечта»/ «Traum» использовать комплексный анализ, предполагающий учитывать не только семантический и грамматический, но и синтаксический аспекты их формирования. Наш подход к изучению синтаксических концептов заключается в объединении теории ЛККМ (теория о лексических концептах и когнитивных моделях) с трудами отечественных лингвистов, посвященных синтаксическим концептам (О.Г. Цыганская, Т.Г. Борисова, Г.А. Волохина, З.Д. Попова). Данный симбиоз позволит представить синтаксические концепты структурированно, благодаря чему мы сможем увидеть основные когнитивные синтаксические модели, получившие вербализацию в русском и немецком языках. Такой подход позволит нам объединить понятийный и структурный компоненты концепта для его дальнейшей репрезентации в художественных текстах.

Изучаемые в данной главе синтаксические структуры концепта «Мечта» рассмотрены в художественном дискурсе, так как художественный аспект является, на наш взгляд, более достоверным для анализа и выявления концептуальных структур и моделей. Художественный дискурс позволяет выявить синтаксические структуры на основании литературной нормы для последующего установления связи между когнитивной моделью (синтаксическим концептом) и вербализованными синтаксическими структурами.

Синтаксический концепт играет важную роль в речемыслительной деятельности, так как отвечает за связное и логичное воплощение мыслей в речи. Однако следует принять во внимание тот факт, что исследование синтаксического концепта возможно только при условии комплексного применения следующих методов познания:

1. *Сопоставительный анализ*, направленный на установление различий между родным и чужим языком;

2. *Описательный метод*, позволяющий выявить корреляцию плана выражения с планом содержания;
3. *Дистрибутивный метод*, нацеленный на распределение единиц синтаксического концепта в соответствии с их синтагматическими свойствами;
4. *Метод когнитивного моделирования*, посредством которого мы имеем возможность изучать язык в контексте интеллектуальной деятельности человека [130, с. 122].

Также следует отметить, что синтаксические концепты бывают однокомпонентными, двухкомпонентными и многокомпонентными [30, с. 31]

Однокомпонентные концепты являются самой нераспространенной группой синтаксических концептов, так как состоят из одного элемента. При рассмотрении синтаксического концепта «Мечта» нам удалось выделить относительно небольшое количество однокомпонентных единиц. В основном они представлены императивами: «Мечтай!», «Созерцай!», «Твори!» и т.д.

Двухкомпонентные концепты являются более распространенной группой и могут быть разделены на стативные, акциональные, динамические и экспериентально-синтаксические.

Стативные концепты содержат, как правило, объект-репрезентант, которому приписываются постоянные свойства. Стативный концепт «Мечта» можно рассмотреть на следующих примерах:

1. “*Goldne Träume, kommt ihr wieder?*” [154, S. 77, “Auf dem See”];
2. “...*So fliehst du wie ein schwankender Traum*“ [155, S. 39, “Deine Grüße hab ich wohl erhalten”];
3. “...*Als die wunderbarsten Träume morgenrötlich mich umtanzt.*” [154, S. 423, “Sag ich's euch, geliebte Bäume”];
4. «...*На лотке роз крылатые мечты*» [108, с. 193, «Сон»];
5. «...*Лечу к безвестному отважною мечтой*»;
И, мнится, Гений ваш промчался надо мной!» [108, с. 198, «К Жуковскому»];
6. «*Вчера, в мечтах обвороженных*

С последним месяца лучом

На веждах, томно озаренных,

Ты поздним позабылась сном...» [121, с. 151, «Вчера, в мечтах обвороженных...»].

7. *«Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,*

Как язвы бойся вдохновенья...» [74, с. 301, «Не верь себе»].

Во всех представленных выше цитатах концепт «Мечта» представлен эпитетами: “*Goldne Träume*“ («золотые мечты»), “*schwankender Traum*“ («Зыбкая мечта»), “*die wunderbarsten Träume*“ («самые удивительные мечты»), «крылатые мечты», «отважные мечты», «мечты обвороженные», «мечтатель молодой» и т.д. Разумеется, в данном случае было бы целесообразнее рассмотреть данный концепт с лексической точки зрения. Однако синтаксис позволяет нам увидеть, что во всех представленных выше примерах концепт «Мечта» выражен словосочетанием, в котором один из элементов указывает на признак объекта-репрезентанта, приписывающий ему определенные свойства.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что структура стативного синтаксического концепта должна быть представлена следующим способом: Attr. + S., где Attr. – определение (Attribut), приписывающее определенное свойство объекту-репрезентанту, указанному в структуре буквой S. (Subjekt - подлежащее).

Синтаксис помогает нам провести параллель между двумя разными языками и увидеть, что и в немецком, и в русском признак стоит перед самим предметом. Однако, если в русском языке качество предмета может быть указано после объекта-репрезентанта благодаря свободному порядку слов, то германские языки требуют строгой последовательности в своем синтаксическом строе.

Также следует отметить, что в поэтической речи данный синтаксический концепт способен формировать стилистический троп, эпитет, как в русском,

так и в немецком языке. Происходит это благодаря уникальности высказывания каждого автора.

Второй тип двухкомпонентных синтаксических концептов представлен акциональными концептами, в основе которых лежит сопоставление предмета и его действия. Как правило, акциональные концепты содержат в себе форму составного глагольного (либо именного) сказуемого. Таким образом, в русском и немецком языках синтаксический акциональный концепт может быть представлен с помощью формулы: S. + Pr-v., где S. (Subjekt – подлежащее), а Pr-v. – предикатив (в случае составного именного сказуемого) или S. + ZVP, где ZVP (полностью: das zusammengesetzte verbale Prädikat) – составное глагольное сказуемое.

Акциональный вид концепта «Мечта» в поэтическом дискурсе чаще встречается в виде второй структуры с использованием составного глагольного сказуемого как в русской, так и в немецкой языковой традиции:

1. *“Das Mädchen **wünscht** von «Каждая девушка с детства желает,
Jugend auf **Чтобы её уважали.**
Sich hochgehrt **zu sehn**, **И с юности самой себя облачает**
Sie ziert sich klein und wächst **В чопорность и вуали.»**
herauf **(перевод наш. – Ю. К.)**
In Pracht und Assembleen.”*

[155, S. 134 “Kinderverstand”].

2. *«Как **смел желать** я громкой славы,
Когда вы счастливы в пыли?»
[74, с. 246, «Безумец я! Вы правы, правы!..»].*

3. *«А потом, охвачена истомой,
Я мечтать уселась на скамью;
Что ж **нейдет он**, дальний, **незнакомый**,
Тот **один**, которого **люблю!**»
[44, с. 142, «Кенгуру. Утро девушки»];*

Во всех указанных выше примерах акциональный концепт «Мечта» представлен в виде структуры «S. + ZVP». В стихотворении И. В. Гёте “Kinderverstand” мы видим составное глагольное сказуемое, выраженное сочетанием немодального глагола в личной форме с инфинитивом. К сожалению, нам не удалось сохранить данную конструкцию при переводе, в результате чего синтаксическое оформление концепта было утеряно. Однако смысловая составляющая осталась неизменной.

В указанных выше произведениях М. Ю. Лермонтова и Н. С. Гумилева акциональный концепт также представлен подлежащим с составным глагольным сказуемым.

Таким образом, акциональный концепт нацелен на описание действия предмета и, как правило, не способен формировать стилистические тропы. Однако его использование позволяет передать одновременно два значения, одно из которых нередко является модальным или описывает добавочное действие, как это видно из примеров выше (“*wünscht...sich hochgeehrt zu sehn*“, “Как смел желать я...”, и т.д).

Динамические концепты, в свою очередь, указывают на действие объекта-репрезентанта или изменение его состояния. Наибольшее количество динамических вариаций концепта «Мечта» было найдено в лирике немецких поэтов XVIII и русских поэтов Золотого и Серебряного века:

1. “*Träume werden um mich her zu Wesen...*“ («мечты вокруг меня оживают»); [174, S. 54, “Die seligen Augenblicke“];

2. “*...Denn die Träume selber kommen*” («...сны приходят сами»); [154, S. 55, „An Mignon“];

3. «*...Мечты находят, исчезают,
Как тень на утренней заре...*» [108, с. 175, «Послание к Юдину»];

4. «*Напрасно вы несете лиру мне;
Минувших дней погаснули мечтанья*» [108, с. 261, «Элегия»];

Во всех представленных выше примерах концепт «Мечта» является динамичным, так как демонстрирует качественное изменение:

1. „Träume werden um mich her zu Wesen“ (мечты вокруг меня оживают). В оригинале присутствует глагол „werden“ – «становиться», указывающий на изменение состояния. Однако в русской версии нашего перевода значение перемены состояния также сохраняется благодаря использованию глагола в совершенном виде. Таким образом, грамматическая структура языка позволяет обнаружить динамику синтаксического концепта и сохранить её при переводе.

2. „...die Träume selber kommen“ (мечты приходят сами). В данном случае концепт «Мечта» является динамическим, так как в нем сохранена идея движения. Этот смысл сохраняется как в оригинале, так и в переводе благодаря аналогичной семантической наполненности слов „kommen“ и «приходить».

3. Представленный выше отрывок из произведения А.С. Пушкина «Послание к Юдину» также демонстрирует динамику исследуемого концепта. Фраза «Мечты находят, исчезают...» содержит в себе одновременно идею движения и смены состояния, находящие отражение в семантическом значении глаголов.

4. В «Элегии» А.С. Пушкина фраза «погаснули мечтанья» также можно охарактеризовать в качестве двухкомпонентного синтаксического концепта. Глагол «погаснуть» указывает на смену состояния, представленную на грамматическом уровне – глаголом в совершенном виде, на синтаксическом – наличием сказуемого, который указывает на действие предмета или, другими словами, на его «динамику».

Таким образом, синтаксическую структуру динамического концепта можно представить в виде формулы: S. + Pr., где S. – это подлежащее (Subjekt), а Pr. – сказуемое (Prädikat), выраженный глаголом движения или изменения состояния. Важной особенностью динамического концепта является его способность формировать стилистический троп – олицетворение – как в русском, так и в немецком языках. Динамика концепта позволяет передать идею движения, нетипичную для такого абстрактного понятия как «Мечта».

Экспериментальные концепты представляют особый интерес при проведении концептуального анализа, так как позволяют передать чувственное восприятие и когнитивную деятельность говорящего [126, с. 220]. В художественном дискурсе экспериментальный синтаксический концепт помогает нам глубже проанализировать речемыслительные процессы внутри языка и вывести закономерности, свойственные как отдельному лицу или определенному литературному направлению (частные случаи), так и каждому носителю культуры (общие случаи). Более того, понятие «Мечта» изначально содержит в себе нерушимую связь чувственного восприятия и когнитивной деятельности, свойственной только человеку. Таким образом, экспериментальные концепты являются самой распространенной группой двухкомпонентных синтаксических концептов.

Большое количество примеров экспериментального концепта «Мечта» было найдено нами в русской поэзии начала XX века:

1. *«Что ж это: зло старается любить
Или любовь **мечтает ненавидеть?**» (И. Северянин)
[107, с. 186 «Вернуть любовь»]*
2. *«Пишут лишь ожидая, страдая, мечтая,
Ошибаясь, моля и грозя...» (И. Северянин)
[107, с. 199, «Последняя любовь»]*
3. *«Неизгладимы, нет, в моей судьбе
Твой детский рот и смелый взор девический,
Вот почему, **мечтая** о тебе,
Я говорю и **думаю** ритмически»
[43, с. 370, «Неизгладимы, нет, в моей судьбе...»]*
4. *«В марсельских белых кружевах
Вы замечались у портьеры...» (А. Белый)
[107, с. 99, «Воспоминание»];*
5. *“Du hast uns oft **im Traum gesehen** «Ты часто видела во сне,*

<i>Zusammen zum Altare gehen</i>	<i>Как мы с тобой вдвоем,</i>
<i>Und dich als Frau und mich als Mann”</i>	<i>Жених был я, невеста – ты</i>
<i>[155, S.189, “Glück und Traum“];</i>	<i>Стоим пред алтарем...»</i>
	<i>(перевод наш. – Ю.К.)</i>

Во всех указанных выше примерах экспериентальный концепт «Мечта» передает внутреннее состояние человека, выраженное в контексте посредством глаголов умственной деятельности и чувственного восприятия:

1. В стихотворении И. Северянина «Вернуть любовь» двухкомпонентный концепт «Мечта» передан с помощью составного глагольного сказуемого «мечтает ненавидеть», в котором оба глагола выражают эмоции продуцента.

2. Другое анализируемое нами произведение данного автора – «Последняя любовь» – содержит ряд деепричастий, выражающих эмоции, на основе чего мы можем сделать вывод, что перед нами экспериентальный концепт. Несмотря на большое количество однородных членов предложения, концепт «Мечта» в данном примере является двухкомпонентным, так как смысловая нагрузка рассматриваемого нами отрывка может быть представлена следующим образом: «Творчество + образ действия для достижения желаемого».

3. В произведении Н.С. Гумилева, «Неизгладимы, нет, в моей судьбе...» экспериентальный концепт передан с помощью деепричастного оборота «мечтая о тебе». Также анализируемый нами концепт находит отражение в перифразе «думаю ритмически», которая подразумевает творческий процесс, неразрывно связанный с мечтой и вдохновением.

4. В стихотворении А. Белого двухкомпонентный экспериентальный концепт заключен в основе предложения «вы замечтались», где сказуемое представлено глаголом когнитивной деятельности.

5. В стихотворении И.В. Гёте “Glück und Traum“ глагол чувственного восприятия “sehen” в устойчивом сочетании “im Traum sehen” указывает на

когнитивный процесс человеческой деятельности, что дает нам право отнести данный пример к группе экспериентальных концептов.

Многокомпонентные синтаксические концепты делятся на:

1. Реляционные;
2. Инфлюентные;
3. Синтаксические концепты перемещения и внутреннего состояния объекта;

Реляционные концепты – выражают произвольное отношение свойства и предмета и чаще всего представлены такими конструкциями как: «S. +Pr. + Attr.», т.е. «подлежащее+сказуемое+атрибут», где атрибут описывает свойства анализируемого объекта и может быть выражен любой частью речи. Также реляционный концепт может быть выражен через конструкцию «S.+Pr. + Obj.» («подлежащее + сказуемое + дополнение»).

В русской поэзии XIX-начала XX в. нами были найдены следующие реляционные концепты:

1. *«Ты хочешь, друг бесценный,*

Чтоб я, поэт молодой,

Беседовал с тобой

И с лирою забвенной,

Мечтами окриленный...» [108, с. 55, «К сестре»];

2. *«...Мелькнут твои молодые годы,*

Живые помертвеют чувства,

Мечты развеются твои...» [121, с. 164, «Русской женщине»]

3. *«Деянья всех людей — как тень в безумном сне,*

Мечта о подвигах — как детская забава» [22, с. 120, «Ассаргадон»];

4. *«Не уйти нам, не уйти нам*

Из серебряной черты!

Мы — горим в кольце змеином,

Мы — два призрака в сияньи

Мы — две тени, две мечты!» [22, с. 21, «Тишина»]

5. *«И, оставив мечтанья о мести,*

Умолкают смущенно пираты

И несут, рабolenные, вместе

И вино, и цветы, и гранаты» [44, с. 107, «Помпей у пиратов»].

В произведении А.С. Пушкина «К сестре» реляционный концепт заключен во фразе «Я беседовал мечтами окриленный» и может быть представлен с помощью конструкции «S. +Pr. + Attr.», где причастный оборот выражает признак предмета по действию и, таким образом, демонстрирует связи между предметом и его свойством.

В стихотворении Ф. И. Тютчева «Русской женщине» реляционный концепт представлен той же конструкцией («S. +Pr. + Attr.»), где лексема «Мечта» выражена подлежащим, а притяжательное местоимение – определением, что также демонстрирует связь между предметом и его качеством.

В отрывке из стихотворения В. Я. Брюсова «Ассаргадон» реляционный концепт представлен фразой «Мечта о подвигах — как детская забава», где существительные «мечта» и «забава» выражены подлежащим и сказуемым соответственно, фраза «о подвигах» и прилагательное «детская» выражают функцию определения.

В стихотворении В. Я. Брюсова «Тишина» реляционный концепт «Мечта» представлен по структуре «S. + Pr-v.», где местоимение «Мы» выражено подлежащим, а «две тени, две мечты» – составным именным сказуемым. Несмотря на наличие всего двух членов предложения, данная конструкция имеет три компонента, каждый из которых несет определенную смысловую нагрузку и формирует из разных по смыслу элементов семантическое единство.

В произведении Н. С. Гумилева «Помпей у пиратов» исследуемый нами концепт «Мечта» сохранен в деепричастном обороте, который, в свою очередь, выполняет в предложении функцию обстоятельства. Несмотря на то, что данная структура не является типичной для реляционного концепта, в

рассматриваемом нами примере исследуемый концепт все же является реляционным, так как демонстрирует связь сказуемого с обстоятельством. Особый интерес вызывает структура самого деепричастного оборота, в котором объединено три элемента: два существительных, формирующие словосочетание и образующие одно семантическое целое, и деепричастие, связывающее указанное выше словосочетание с основными членами предложения и формирующее, таким образом, связь, свойственную многокомпонентным реляционным концептам.

Также мы исследовали немецкие поэтические произведения XVIII-начала XIX веков на наличие реляционных концептов и нашли следующие примеры:

“Das war ein laut verwornnes Schallen,

«Но вот раздался странный отзвук,

Das mich aus meinen Träumen rief.

Грёзы мои развеял он.

Verklungen war jetzt die Legende,

Лишь миг – как не было легенды,

Die Leute schlugen in die Hände,

Послышались аплодисменты

Und riefen »Bravo!« ohne Ende;

И «Браво» сладкие моменты –

Die Sängerin verneigt sich tief“.

Певица вышла на поклон».

[157, S. 20, “An eine Sängerin“];

(перевод наш – Ю.К.)

“Laura, über diese Welt zu flüchten,

«Лишь об одном, Лаура, мечтаю –

Wahn ich – mich in

Сбежать от земной суеты.

Himmelmainglanz

Снова глаза закрываю,

zu lichten,

Передо мною – ты.

Wenn dein Blick in meine Blicke

Майское небо лучами играет,

flimmt,

Эфирный воздух вдыхаем мы,

Ätherlüfte träum ich einzusaugen,

Во взоре твоём образ мой мерцает

Wenn mein Bild in deiner sanften

Augen

Himmelblauem Spiegel **«Как в зеркале небесной чистоты»**
schwimmt...“ (перевод наш. – Ю.К.)

[174, S. 55, “Die seligen
Augenblicke. An Laura”].

“Glücklich, den ein leerer Traum *Счастлив тот, кто предан снам*
beschäftigt! *летающим,*
Glücklich, dem die Ahndung eitel wär! *Счастлив, кто предвиденья лишен,*
Jede Gegenwart und jeder Blick *Мир его видений с настоящим,*
bekräftigt
Traum und Ahndung leider uns noch *С будущим и прошлым согласен.*
mehr. (Перевод: В. Левик) [73, с. 146]

[155, S. 65 “An Charlotte von Stein.
Warum gabst du uns die tiefen
Blicke“].

Во всех указанных выше примерах рассматриваемый нами концепт «Мечта» является реляционным. Так в произведении Г. Гейне, “An eine Sängerin“ он представлен через придаточное определительное, указывающее на качество предмета. Несмотря на то, что данный пример не подходит под выделенные нами конструкции, в нем отражена идея относительности (релятивности), позволяющая нам отнести его к группе реляционных концептов. В представленном нами переводе концепт «Мечта» также является реляционным, так как соответствует конструкции «S. + Pr. + Obj.» и передает не только отношение предмета и его свойства, но также сохраняет идею принадлежности.

В стихотворении Ф. Шиллера “Die seligen Augenblicke. An Laura” концепт «Мечта» передан через глагол “wähnen“ и может быть представлен с помощью структуры “S. + Pr-v.”, где Pr. (Prädikat) содержит исследуемый нами реляционный концепт, а предикатив – показывает отношение сказуемого к остальной части высказывания. В нашем переводе данный отрывок представлен составным глагольным сказуемым. Эпитет “*Himmelblauem*

Spiegel schwimmt», несущий в своем значении оттенок мечтательности, передан на русский язык с помощью стилистического тропа «как в зеркале небесной чистоты», сохраняющий в себе символику концепта «Мечта» посредством использования одинаковых элементов сравнения. Также в данном отрывке сохранено используемое автором метафоричное значение цвета, речь о котором пойдет в следующих главах.

В стихотворении И. В. Гёте, посвященном Шарлотте фон Штейн реляционный концепт «Мечта» также выражен через придаточное определительное. В переводе В. В. Левика данный концепт сохранен и передан аналогичной структурой.

Рассмотрев на примерах структуру и особенности реляционного концепта в немецком и русском языках, нами были сформированы следующие выводы:

1. Структура концепта в анализируемых нами языках не всегда совпадает. В русском языке реляционный концепт чаще всего представлен структурами «S. +Pr. + Attr.» и «S.+Pr. + Obj.», в немецком же часто встречается придаточное определительное, которое может иметь похожую структуру («S.+Pr. + Obj.» или «S.+Pr. +Adv.»), но при этом не рассматривается как отдельная, независимая часть;

2. Реляционный концепт может формировать широкий ряд стилистических тропов. Среди них: метафора (А.С. Пушкин, «К сестре», В.Я. Брюсов, «Тишина», Ф. Шиллер, „Die seligen Augenblicke. An Laura“), олицетворение (Ф. И. Тютчев «Русской женщине»), сравнение (В.Я. Брюсов, «Ассаргадон»), эпитет (И. В. Гёте, “An Charlotte von Stein. Warum gabst du uns die tiefen Blicke“), а также стилистические фигуры (такие как параллелизм в произведении В. Я. Брюсова, «Тишина») и т.д.

Следующий тип многокомпонентных синтаксических концептов называется инфлюентным. Характерной чертой инфлюентного концепта является наличие доминантного по смыслу компонента, создающего уникальность высказывания. Часто подобный компонент может быть выражен

посредством видовременной формы глагола, превосходной степени прилагательного или изменения порядка слов в предложении. Также инфлюэнтный концепт может иметь доминантный элемент, выраженный лексически – посредством наречия. Таким образом, инфлюэнтный концепт можно представить на синтаксическом уровне с помощью конструкций: «S. + P. + Obj.» или «S. + P. + Attr.», где доминантный по смыслу компонент может быть представлен как подлежащим (в случае смыслового ударения), так и сказуемым (в случае употребления разных видовременных форм, что особенно характерно для романо-германских языков, в которых развита система согласования времен). Также главный смысловой компонент инфлюэнтного концепта может быть выражен:

1. Дополнением (в случае употребления наречия или местоимения, несущего важную смысловую нагрузку высказывания либо меняющего её);
2. Определением, если оно: выражено прилагательным в превосходной форме или словосочетанием, отвечающим на вопрос «какой?».

Наибольшее количество примеров инфлюэнтного концепта «Мечта» было найдено нами в русской поэзии Серебряного века:

«И я хочу, чтоб все мои мечты,

Дошедшие до слова и до света,

Нашли себе желанные черты» [22, с. 69, «Сонет к форме»].

В данном отрывке концепт «Мечта» является инфлюэнтным, так как содержит в себе элементы, характерно отличающие его от простого однокомпонентного концепта. В рассматриваемом нами примере такими компонентами являются местоимения «*все мои*», играющие в предложении роль определения. Таким образом, структуру данного инфлюэнтного концепта можно представить следующим образом: «Attr. + S. + Pr.», где определение (Attribut) содержит в себе два зависимых прилагательных, каждое из которых несет важное смысловое значение и образует с подлежащим семантическое единство.

«Я мечтою ловил уходящие тени,

*Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня» [107, с. 42].*

В произведении К. Д. Бальмонта «Я мечтою ловил уходящие тени» также присутствует инфлюентный концепт, который соответствует структуре «S. + Obj. + Pr.» ввиду свободного порядка слов в русском языке. Доминантным в своем значении элементом является слово «мечтою», выраженное в данной структуре дополнением и подчеркивающее инструментальность выполняемого действия.

*«Теперь, о скажи, не бледнея,
Теперь **мы** с тобою не те,
Быть может, сильнее и смелее,
Но только **чужие мечте**»
[44, с.139, «Ты помнишь дворец великанов...»].*

В представленном выше отрывке из произведения Н. С. Гумилева инфлюентный концепт «Мечта» имеет структуру «S. + Pr. + Obj», в которой сказуемое выражено прилагательным «чужие». Данное прилагательное также является доминантным компонентом всего инфлюентного концепта, так как несет в себе добавочное значение, полностью меняющее общий смысл высказывания. Фраза «мы чужие мечте» содержит три компонента, в результате чего мы можем сделать вывод, что перед нами многокомпонентный синтаксический концепт. Однако данный концепт нельзя отнести к реляционному типу, речь о котором шла выше, так как анализируемая нами конструкция демонстрирует не произвольную связь предмета и его свойства, а уникальное в своем значении высказывание, созданное автором для определенной цели и имеющее в своем составе доминантную единицу.

*«А потом мечтой упрямой
Вспомню в сотый раз
Быстрый взгляд красивой дамы,
Севшей в первый класс» [44, с. 179, «Оборванец»].*

В представленном выше отрывке инфлюентный концепт имеет структуру «Obj. + Pr.», где «Obj.» указывает на инструментальный падеж, подчеркивающий, с помощью чего выполняется действие. Также следует отметить, что в данной структуре отсутствует подлежащее ввиду развитой системы спряжения, позволяющей опускать один из главных членов предложения, если его смысл ясен из контекста. В отрывке «...А потом мечтой упрямой вспомню в сотый раз...» доминантным компонентом является эпитет «мечтой упрямой», формирующий индивидуальность высказывания, на основании которого мы можем утверждать о том, что перед нами – именно инфлюентный концепт.

Таким образом, рассмотрев примеры инфлюентного синтаксического концепта в русском языке, мы можем сделать следующие выводы:

1. Доминантный компонент инфлюентного концепта чаще всего выполняет функцию определения или дополнения в инструментальном (творительном) падеже;
2. По своим грамматическим свойствам, доминантный компонент инфлюентного концепта обычно выражен прилагательным;
3. В поэтической речи инфлюентный концепт, как правило, скрывает в своей структуре определенный стилистический троп. Так в представленных для анализа произведениях К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова использована метафора, в поэзии Н. С. Гумилева – эпитеты.

В немецкой поэзии нами также были найдены примеры инфлюентных концептов:

<i>“Wie ich dein Büchlein hastig aufgeschlagen, Da grüßen mir entgegen viel vertraute, Viel goldne Bilder, die ich weiland schaute Im Knabentraum und in den Kindertagen.“</i>	<i>В книге предо мной открытой Картины детства вижу я, И днями жизни позабытой Душа наполнилась моя. (Перевод наш – Ю. К.)</i>
<i>[157, S. 91, “an H.S.”]</i>	

В представленном выше отрывке из произведения Г. Гейне доминантный концепт «Мечта» заключен в придаточном определительном и состоит из четырех элементов: “*Ich schaute Im Knabentraum und in den Kindertagen*”. Доминантными здесь являются элементы “*Knabentraum*” («юношеская, мальчишеская мечта») и “*Kindertagen*” («дни детства»), указывающие на ушедшие дни безмятежного детства. Структуру данного многокомпонентного концепта можно представить на синтаксическом уровне так: «S. + Pr. + Adv.», где “Adv.” (“*das Adverbiale*”) выполняет функцию обстоятельства времени, элементы которого несут в себе главный (доминантный) смысловой компонент высказывания.

В переводе доминантный концепт мы также находим в придаточном определительном, но, ввиду языкового строя, структура концепта будет изменена: «S. + Pr. + Obj.». Более того, в русской вариации подлежащее находится за пределами придаточного, а доминантный компонент представлен словосочетанием «картины детства» в винительном падеже, что полностью соответствует свойствам доминантного концепта, рассмотренного нами ранее в русском языке.

<i>„Ja, wir haben, sei's bekannt,</i>	<i>«Заменял нередко явь</i>
<i>Wachend oft geträumt,</i>	<i>Нам мираж мечтаний,</i>
<i>Nicht geleert das frische Glas,</i>	<i>Оставляли, не допив,</i>
<i>Wenn der Wein geschäumt“.</i>	<i>Мы вино в стакане“.</i>
<i>(Goethe, “Generalbeichte“),</i>	<i>(Перевод А. П. Глобы), [40, с. 271]</i>
<i>[155, S. 119]</i>	

В отрывке из произведения И. В. Гете “*Generalbeichte*” доминантный концепт представлен на синтаксическом уровне следующим образом: «S. + Pr. + Adv.», (“*Wir haben wachend geträumt*”, «мы мечтали наяву») где Adv. – обстоятельство образа действия. Доминантным компонентом в данном отрывке является причастие “*wachend geträumt*”, указывающее как на само действие, так и на способ его исполнения.

В переводе А.П. Глобы синтаксическая структура рассматриваемого нами концепта состоит из следующих элементов: «Pr. + Obj. + S. + Obj.», что значительно отличает ее от первоначальной. Изменение синтаксиса также приводит к замене доминантного компонента – в русской версии стихотворения им является словосочетание «мираж мечтаний», выполняющий функцию подлежащего и подразумевающий иллюзорность зримого.

Ввиду разности доминантного компонента в оригинале и переводе, концепт также меняет свою стилистическую форму: в оригинале нашему вниманию представлен оксюморон, в переводе – антитеза с использованием эпитета.

Таким образом, главными особенностями инфлюентного синтаксического концепта в немецком языке являются:

1. Наличие доминантного компонента, выраженного в предложении обстоятельством;
2. По своим грамматическим свойствам доминантный компонент часто бывает выражен сложным существительным или причастием;
3. В поэтической речи инфлюентный концепт способен формировать стилистические тропы (например, использование оксюморона в произведении И. В. Гете “Generalbeichte”);

Следующий тип многокомпонентных синтаксических концептов – концепты перемещения и внутреннего состояния объекта – содержат в своей структуре нерушимую связь смысловых компонентов, что делает их похожими на реляционные концепты. Однако данный тип сохраняет в себе один из элементов, выраженный глаголом чувственного восприятия либо непереходным глаголом (в случае передачи значения перемещения в пространстве).

В русской поэзии XX века нами были найдены следующие примеры данного концепта:

*«Она любила свои мечтанья,
Беседку в чаще камыша,*

*Старух гадальщиц, и их гаданья,
И всё, что не любил паша» [43, с. 99, «Константинополь»].*

В данном отрывке рассматриваемый нами концепт представлен с помощью структуры «S. + Pr. + Obj.», где Pr. – выражен абстрактным глаголом «любила», что отличает его от других многокомпонентных концептов, рассмотренных нами ранее.

*«Кто же с душой утомленной
Вспыхнет мечтой полусонной
Кто расцветет белладонной, —
Ты или я?» [12, с. 223, «Белладонна»]*

В отрывке из стихотворения К. Д. Бальмонта «Белладонна» мы можем выделить четыре семантически значимых компонента: «кто вспыхнет мечтой полусонной». Именно они формируют рассматриваемый нами концепт внутреннего состояния. Глагол «вспыхнет» создает в рассматриваемом нами примере метафору, передающую оттенок тайного желания, идеи, способной в корне изменить действительность лирического героя.

Данная конструкция имеет структуру «S. + Pr. + Obj. + Attr.», что не сильно отличает ее от структур других типов концепта. Главное отличие сохраняется на смысловом уровне. Произведение К. Д. Бальмонта «Белладонна» наполнено атмосферой печали и усталости – чувствами, описывающими «угасание» былых чувств. Белладонна – символ губительной любви, которая, подобно ядовитому, но прекрасному растению, способна вспыхнуть «мечтой полусонной» и погубить два усталых сердца.

В данном примере фраза «кто вспыхнет мечтой полусонной» открывает риторический вопрос и создает перенос по сходству (метафору), в результате которого глагол, используемый в данном примере, приобретает переносное значение и становится абстрактным.

*«...Ей стали нравиться громады,
Уснувшие в ночной глуши,
И в окнах тихие лампы*

Слились с мечтой ее души» [16, с. 802, «Снежная дева»].

В представленном отрывке из стихотворения А. А. Блока «Снежная дева» концепт перемещения заключен во фразе «лампады слились с мечтой ее души», где значение движения передано с помощью сказуемого. В рассматриваемом нами отрывке синтаксический концепт состоит из четырех элементов (S. + Pr. + Obj.+ Attr.), что делает его многокомпонентным. Доминантным по смыслу элементом является словосочетание «мечты ее души», а компонентом, относящим всю структуру к типу концептов перемещения в пространстве – глагол «слились».

Данный синтаксический концепт также скрывает в себе стилистический троп – метафору, сравнивающую горящие лампы со светлой душой и грезами «прекрасной дамы» А. А. Блока.

Рассмотрев основные особенности синтаксического концепта перемещения и внутреннего состояния в русском языке, мы пришли к следующим выводам:

1. Компонент, указывающий на движение объекта или его внутреннее состояние, чаще всего выражен глаголом и выполняет функцию сказуемого;

2. В поэтической речи способен формировать художественные тропы. В проанализированных нами отрывках самым распространенным из них является метафора.

В немецкой поэзии нами также были найдены примеры синтаксических концептов перемещения и внутреннего состояния:

<i>“Im Tintenschwarz der tiefsten Nacht ertönt die heisere Sirene. Ein Schiff legt ab. Ich winke sacht. In einer Dampf- und</i>	<i>«В чернильной глубине ночной раздался хриплый звук сирены. Корабль отчаливает. Мой прощальный взмах, Вам незаметный. Вот с гривой огненной, в</i>
---	--

*Feuermähne
fährt es davon. Ihr steht auf
Deck
Ihr scheint mein Winken nicht zu
sehen”.*
[175, с. 50, “Traum”]

*дыму
корабль уходит. Вы одна.»*
(Перевод Е. И. Зейферт) [51,
с. 190]

В данном отрывке из стихотворения “Traum” («Мечта») В. Шнитке исследуемый нами концепт заключен во фразе “In einer Dampf- und Feuermähne fährt es (Schiff) davon“, где идея движения передана с помощью глагола “fahren”. Похожий случай мы наблюдаем и в переводе: «Вот с гривой огненной, в дыму корабль уходит». И в оригинале, и в переводе рассматриваемый нами концепт является многокомпонентным. Однако количество компонентов в нем отличается. В немецкой версии стихотворения анализируемая структура состоит из четырех элементов, а в русском переводе – из пяти. Происходит это по причине высокой сочетаемости слов в немецком языке и, на основе этого, их способности формировать сложные существительные (Dampfmähne, Feuermähne). На этом основании структуру рассматриваемого концепта можно представить в немецком языке следующим образом: «Adv. + Pr. + S. + Adv.», где Adv. играет в обоих случаях функцию обстоятельства места.

В данном стихотворении концепт «Мечта» имеет общую связь с концептом «Сон», которые в немецком языке представлены одним общим словом – «Traum». Здесь мечта начинается со сновидения, которое, подобно кораблю, отчаливает “In die dunklen Seen des Schlafs” (в темные воды сна). Там находится скрытый мир (“die verschwiegene Welt”) подлинного счастья – мир детства и тайных надежд, трепетно хранимый в сердце. Выбор названия стихотворения полностью оправдан, так как основная смысловая нагрузка заключается не в самом сновидении, а в ощущениях и ассоциациях, которые его сопровождают. В оригинале стихотворения концепт «Traum» представлен как неделимое целое «Мечты» и «Сновидений». В русском же языке, ввиду

существования двух разных слов, в качестве заглавия был выбран первый вариант. Данное решение оправдано семантически и стилистически, так как смысловая нагрузка произведения заключается не в физиологическом состоянии человека (подобную разницу можно увидеть и в немецком языке, если сравнить слова «Schlaf» и «Traum»), а в ощущениях, которые испытывает лирический герой, возвращаясь в мир грез.

В русском переводе стихотворения, как было указано выше, синтаксический концепт содержит в своей структуре пять элементов и может быть представлен следующим образом: «Obj. + Attr. + Adv. + Pr. + S.», где Adv. выполняет функцию обстоятельства места. Несмотря на большее количество смысловых элементов, представленных на синтаксическом уровне, смысловая целостность перевода идентична оригиналу. Сохранены следующие стилистические приемы:

1. Сохранены использованные автором анжамбеманы. Несмотря на то, что эквилинеарность сохранить не удалось, стилистическое оформление перевода полностью соответствует стилю оригинального стихотворения за счет применения указанного выше приема. Также следует принять во внимание, что случаи использования анжамбеманов в немецком и русском языках совпадают, что обеспечивает стилистическую идентичность оригинала и перевода.

2. Сохранены использованные автором эпитеты:

A. “Im Tintenschwarz der tiefsten Nacht” – «В чернильной глубине ночной»;

B. “Ertönt die heisere Sirene“ – «Раздался хриплый звук сирены»;

C. “In einer Dampf- und Feuermähne...” – «Вот с гривой огненной, в дыму...» и т.д.

Как в самом произведении, так и его переводе концепт «Мечта» («Traum») передается с помощью таких лексических единиц как:

1. Das Nichtsein – небытие;

2. Корабль – символ сновидений, уносящий героя в «страну грез»;

Проанализировав стихотворение и его перевод, мы можем сделать вывод о том, что перевод Е. И. Зейферт концептуально совместим с оригиналом и является его достойной вариацией.

В стихотворении австрийского поэта-романтика «Auf dem Teich, dem regungslosen...» Н. Ленау многокомпонентный концепт внутреннего состояния был найден нами в следующем отрывке:

*“Hirsche wandeln dort am Hügel,
Blicken in die Nacht empor;
Manchmal **regt sich das Geflügel**
Träumerisch im tiefen Rohr“ [163, S. 91]*

*«По холмам бредут олени,
Смотрят пристально во мрак,*

*Вызывая **мир видений**,*

Дико птицы прокричат».

(пер.: В. Я. Брюсов) [23, с. 242]

«На холме блуждают лани,

В ночь глядит их чуткий взгляд;

Крылья вдруг всплеснут в тумане,

Шевельнутся, замолчат».

(пер.: К. Д. Бальмонт) [11, с. 80]

В оригинале стихотворения рассматриваемый нами концепт заключен во фразе: «Regt sich das Geflügel träumerisch» и может быть представлен с помощью структуры «Pr. + S. + Adv.», где доминантный компонент («träumerisch») играет роль обстоятельства образа действия. Доминантный компонент передает основную идею внутреннего состояния, которая заложена в данном концепте. Похожий случай мы наблюдаем и в представленных для анализа переводах В. Я. Брюсова и К. Д. Бальмонта.

Несмотря на то, что перевод данного отрывка в обоих случаях нельзя назвать точным, в нем сохранен исследуемый нами концепт внутреннего состояния, представленный тремя смысловыми компонентами. Однако сами

компоненты значительно отличаются от использованных в оригинале. Так в переводе В. Я. Брюсова изучаемый нами концепт заключен в деепричастный оборот и представлен структурой «Adv. + S. + Attr.», где доминантный компонент выражен словосочетанием «мир видений».

В переводе К.Д. Бальмонта концепт внутреннего состояния имеет одинаковую с оригиналом синтаксическую структуру «Pr. + S. + Adv.». Однако вместо обстоятельства образа действия, представленного в стихотворении Н. Ленау, в переводе К.Д. Бальмонта данный компонент выражен обстоятельством места. Доминантный компонент в структуре играет роль подлежащего и представлен лексемой «Крылья», которая имеет в данном контексте два значения: во-первых, она метафорично заменяет использованное в оригинале слово «Geflügel», во-вторых, данное слово контекстуально относится к концепту «Мечта» в значении «видение».

В обоих переводах рассматриваемой нами структуры был использован определенный стилистический троп:

1. В переводе В. Я. Брюсова – эпитет;
2. В переводе К. Д. Бальмонта – метафора.

Важно также отметить, что К. Д. Бальмонт использовал тот же стилистический троп, что и Н. Ленау в оригинале стихотворения. Однако при этом перевод отрывка нельзя назвать точным, так как имеет место замена образа: “Manchmal regt sich das Geflügel träumerisch im tiefen Rohr“ (досл.: «Лишь иногда мечтательно встрепенется *птица* в высоких зарослях камыша»). Перевод К. Д. Бальмонта: «*Крылья* вдруг всплеснут в тумане, шевельнутся, замолчат». В оригинале стихотворения метафоричность значения достигается с помощью двух элементов: наречия “träumerisch” и существительного “das Geflügel“, которые могут использоваться вместе лишь в переносном значении. К. Д. Бальмонт заменил слово «птица» на «крылья», решив таким образом две переводческие задачи: он создал описательный образ живого существа и при этом сохранил идею миража, который, подобно мечте, блеснет в тумане и исчезнет.

В переводе В.Я. Брюсова в данном отрывке был применен другой стилистический троп – эпитет «мир видений». Стоит отметить, что данный перевод менее близок оригиналу, так как в нем используются противоположные по смыслу глаголы. Несмотря на это, основная идея произведения передана полностью и перевод является адекватным. Стремясь передать наречие “träumerisch”, автор использовал указанный выше эпитет. Данный выбор семантически оправдан: таким образом В. Я. Брюсов сохранил описание природы и атмосферу грез и мечтательности, свойственные оригиналу стихотворения.

Проанализировав оба перевода, мы пришли к выводу о том, что оба варианта являются адекватными, сохраняют стилистические и концептуальные особенности произведения. Однако, на наш взгляд, перевод К.Д. Бальмонта является более точным и в большей степени раскрывает заложенный автором и рассматриваемый нами концепт «Мечта».

Рассмотрев основные особенности синтаксического концепта перемещения и внутреннего состояния в немецком языке, мы пришли к следующим выводам:

1. Синтаксический многокомпонентный концепт перемещения так же, как и в русском языке, чаще всего выражен глаголом движения и в предложении выполняет функцию сказуемого. Концепт внутреннего состояния может быть выражен любой частью речи и, вследствие этого, любым членом предложения.

2. В поэтической речи способен формировать тропы и стилистические фигуры. В рассмотренных нами примерах были найдены следующие: метафора, эпитет, анжамбеман.

Таким образом, рассмотрев основные синтаксические концепты и их особенности в русской и немецкой языковых картинах мира, мы можем сделать следующие выводы:

1. Наиболее часто встречаемым типом синтаксических концептов в обоих языках являются многокомпонентные концепты. Среди них самыми распространенными – реляционные и инфлюентные.

2. В большинстве случаев многокомпонентные синтаксические концепты способны формировать стилистический троп.

3. Синтаксическая структура концептов в немецком и русском языках не совпадает. Как правило, в русском и немецком языках структурные компоненты будут выражены разными членами предложения, так как выполняют разные синтаксические функции.

4. Как можно увидеть из выполненных нами концептуальных анализов, выделенные нами смысловые элементы и структуры являются индивидуальными, так как отражают личное умонастроение автора. Однако их нельзя назвать уникальными – рассмотренные в данной главе семантические элементы входят в состав концептов «Мечта» и «Traum», являются общепонятными и общеупотребимыми (за исключением окказионализмов, часто формирующих стилистические фигуры).

Синтаксические структуры концептов также не являются уникальными – все они подчинены системным правилам, свойственным синтаксису определенного языка. Однако способ использования синтаксических моделей может варьироваться в зависимости от индивидуального стиля письма, выраженного автором в рамках художественного дискурса.

Выводы

Вторая глава данного исследования посвящена способам вербализации концептов «Мечта» и «Traum» и их репрезентации на стыке языка и культуры. В процессе работы мы приходим к выводу о том, что степень употребляемости и коннотация смысловых элементов во многом зависят от дискурса, в котором они функционируют.

Лингвокультурологический дискурс, представленный в данном разделе на материале народного лиро-эпического наследия русской и немецкой культур, помог нам рассмотреть семантические элементы, входящие в концептосферу «Мечта» и «Traum» на этапе их становления и на примере наиболее широкой узуальной (народной) трактовки.

Центральными семантическими единицами концепта в русской лингвокультурологической картине мира были выбраны следующие: миг, желание, чаяние, воля, стремление.

В качестве центральных смысловых элементов концепта «Traum» мы отметили следующие: Wunsch, Hoffnung, Wille, Träumerei (Alptraum), Wunder.

Данное исследование позволило нам обнаружить, что большинство смысловых элементов сохраняет свое первоначальное значение и морально-ценностный компонент в когнитивном сознании современного человека, что влияет на лексическую составляющую и грамматический строй языка.

В соответствии с моделью концепта «Мечта» все смысловые элементы концепта были разделены на когнитивные признаки: процесс, образ, состояние, желание, ирреальность. Самым используемым из них в народном творчестве стал признак «желание».

На грамматическом уровне указанные выше когнитивные признаки отражают номинативность, признак и действие соответственно. Центральным по степени узуальности и смысловой нагрузке является номинативный признак.

Согласно модели концепта «Traum», все смысловые элементы концепта могут быть разделены в соответствии с когнитивными признаками: Im Schlaf auftretende Vorstellung, Wunsch, Prozess, Zustand, Eigenschaft, Besinnung, Irrealität, Symbol. На грамматическом уровне данные когнитивные признаки выражают номинативность, признак и действие, что полностью совпадает с когнитивными признаками в русском языке. При сравнении концептов «Мечта» и «Traum», мы выделили следующие общие когнитивные признаки: процесс, образ, состояние, ирреальность, желание.

Синтаксический концепт подразумевает под собой совокупность синтаксических структур, наиболее часто используемых для передачи смысловой составляющей мыслительной единицы. Данная ментальная единица способствует систематизации смысловых элементов в соответствии с их формой согласно структуре языка.

Самой распространенной группой синтаксических концептов в обеих языковых картинах мира были признаны многокомпонентные структурно-ментальные единицы. Самой малочисленной – однокомпонентные синтаксические концепты. Среди многокомпонентных синтаксических концептов самыми распространенными в обеих лингвокультурах являются реляционные и инфлюентные. В большинстве случаев многокомпонентные синтаксические концепты способны формировать стилистический троп.

Полученные выводы позволяют нам увидеть, что синтаксический концепт может носить индивидуальный или окказиональный характер, но при этом не является уникальным, так как используемая в них синтаксическая структура имеет общеупотребимый характер.

Изучив свойства концептов «Мечта» и «Traum» на семантико-грамматическом и синтаксическом уровнях, мы пришли к выводу о том, что язык и речь являются отражением предшествующего народного опыта, закрепившего в языке системные нормы речи и способствующего сохранению в социальной памяти культурно-ценностных смыслов за определенными лексемами.

3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТОВ «МЕЧТА»/ «TRAUM»

3.1. Концептуальные метафоры, формирующие концепт «Мечта» в русском народном лиро-эпическом жанре

Концептуальные метафоры являются неотъемлемой составляющей образного мышления. Соотнесение смысловых единиц на основе сходства происходит на когнитивном уровне, оно может быть как общим, так и индивидуальным. Поскольку концептуальная метафора возникает в сознании и способна когнитивно формировать образ (скрытое сравнение), образованные ей семантические единицы также могут входить в состав концептосферы и храниться в ней вне зависимости от контекста. Следовательно, концептуальная метафора может являться предметом изучения лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Данный раздел посвящен выделению основных концептуальных метафор, относящихся к концепту «Мечта» в русской лингвокультурологической картине мира. Выявление метафор происходит на ранних этапах развития национальной культуры, в качестве материала выбраны народные лирические и исторические песни.

Концептуальные метафоры, рассмотренные в контексте народного творчества, сравниваются с аналогичными единицами в художественном дискурсе. Цель данной главы – оценить влияние образной мыслительной единицы на дальнейшее развитие словесности, дать характеристику роли концептуальной метафоры в вербализации заключенных в концепт семантических единиц.

В первой главе мы рассмотрели свойства концептуальной метафоры, описанные в трудах отечественных и зарубежных лингвистов, выделили основные признаки, являющиеся, на наш взгляд, наиболее значимыми для данного исследования.

В нашем понимании концептуальная метафора – это ментальный феномен, представляющий собой ментально интерпретируемую единицу или совокупность нескольких единиц.

Мы согласны с утверждением М.В. Пименовой относительно метафоричной природы концепта, объединяющей в своем когнитивном образе абстрактные и материальные единицы [99, с. 102]. Слияние понятийного и образного компонентов ведет к построению когнитивных структур, формирующих ментальное пространство. Эксплицитные и имплицитные свойства концептуальной метафоры указывают на актуальность входящих в нее когнитивных элементов и степень их воздействия на индивидуальное мышление и общественное сознание.

В теоретической части работы нами было установлено, что локус концептуальной метафоры находится в мыслях. Это значит, что метафора так же ментальна по своей природе, как и концепт. Однако концептуальная метафора уже, так как концепт способен формировать ментальное пространство, в которое может входить метафора в качестве составляющей.

Наличие концептуальных метафор в народном лиро-эпосе свидетельствует о наличии образного мышления человека на ранних этапах развития общества и культуры. Задача данной главы – показать связь первоначальных образных компонентов, сформированных в народном творчестве в виде концептуальных метафор с индивидуальными образными компонентами художественного дискурса.

3.1.1. Концептуальные метафоры в народном песенном дискурсе и их отражение в авторской поэзии

Этнический фольклор является главным первоисточником культурно-ценностной символики, нравственных ориентиров, впервые сформировавших ценностную единицу, позднее получившую название концептуальной метафоры. Как верно отмечает в одной из своих работ Е.Н. Лучинская: «В

языке культуры заложена та когнитивная информация, которая была присуща мировоззрению наших предков, и потому ее расшифровка не просто интересна, но позволяет этносу идентифицировать себя» [83, с. 36].

В одном из самых ранних эпических произведений Руси «Слове о полку Игореве» содержится ряд культурно-ценностных символов, объединяющих в себе материальный и абстрактный компоненты, образуя тем самым концептуальную метафору.

В тексте «Плач Ярославны» сам плач следует трактовать как концептуальную метафору, объединяющую наивное явление «плач» как реакцию и символ «плач» как отражение всеобщего, народного горя (текст см. в главе 2).

Данный фрагмент содержит другую культурно-значимую концептуальную метафору – «кукушка». В русском фольклоре «кукушка» – многогранный символ, который нуждается в контекстуальной интерпретации. В древнерусской культуре кукушка сравнивалась с одинокой женщиной, безутешной вдовой. Однако данный символ нельзя рассматривать однозначно, так как кукушка по народным поверьям считалась птицей, способной путешествовать между мирами. Именно такой «кукушкой» хочет стать Ярославна – мифологической птицей, способной оживить супруга.

Как показал анализ (см. раздел 2.1.1), рассматриваемый нами концепт «Мечта» вербализуется в контексте через смысловой компонент «острое, неосуществимое желание». На наш взгляд, неотъемлемой частью концепта «Мечта» является указанная выше концептуальная метафора «кукушка». Связь между основной идеей концепта и значением метафоры является контекстуальной: символ птицы является предметом неосуществимого желания лирической героини, благодаря которому она смогла бы прийти на помощь.

В рамках художественного дискурса концепт «Мечта» также сохраняет способность раскрывать свои семасиологические свойства на основе

контекста. Одним из таких примеров является сонет К.Д. Бальмонта «Зарождающаяся жизнь»:

*«Кукушки нежный плач в глуши лесной
Звучит мольбой тоскующей и странной.
Как весело, как горестно весной, –
Как мир хорош в своей красе неожиданной...» [12, с. 32]*

Концептуальная метафора «кукушка» раскрывается в данном контексте как многогранный символ, способный сочетать в себе негативный и позитивный коннотат, с превалирующей значимостью последнего. В сонете К.Д. Бальмонта символ кукушки – это не символ утраты, а наоборот, образ прихода весны, нового рождения. Соединение печального и радостного передает эпитет «кукушки нежный плач», описывающий тоскливое, но при этом томительное чувство преобразования природы, а вместе с ним – и человека.

Метафора кукушки в сонете К.Д. Бальмонта соединяет в себе индивидуальное восприятие автора и народные приметы: кукушка является перелетной птицей, ее прилет также символизирует начало «зарождающейся жизни». Также метафору «кукушки» можно трактовать как символ единения прошлого и настоящего, сна и рождения, так как по народным поверьям кукушка – проводница в иной мир. Соединение позитивного и негативного коннотатов в концептуальной метафоре проходит красной нитью через все произведение: с помощью антитезы автор показывает пробуждение природы ото сна, ее новое преобразование, дарящее лирическому герою печально-счастливые чувства. «Плач» кукушки автор сравнивает с «мольбой тоскующей и странной», которая сочетает в себе печаль о быстротечности времени и «нежность», с которой сердце встречает новое духовное рождение.

Концептуальная метафора «кукушка» позволяет нам раскрыть рассматриваемый концепт «Мечта» с помощью следующих смысловых элементов: надежда, нега, созерцание, безмятежность. Смысловые элементы концепта относятся к когнитивному признаку состояния, что соответствует общей идее сонета, описывающего чувственную составляющую лирического

героя. Метафора «кукушка» сохраняет смысловую единицу «надежда», принадлежащую к изучаемой нами концептосфере. Данное наблюдение позволяет сделать вывод о контекстуальной зависимости концептуальной метафоры, позволяющей причислить ее к составу концепта на основе ассоциативного сходства.

Стихотворение А. А. Ахматовой «Я спросила у кукушки» также раскрывает образ данного орнитонима в виде концептуальной метафоры:

*«Я спросила у кукушки,
Сколько лет я проживу...
Сосен дрогнули верхушки,
Желтый луч упал в траву,
Но ни звука в чаще свежей...
Я иду домой,
И прохладный ветер нежит
Лоб горячий мой» [7, с. 332].*

В данном контексте кукушка является символом пророчества. Написанное в послереволюционное время стихотворение отражает внутренний мир лирической героини, полный смятения и тревоги. Находясь в состоянии эмоционального потрясения, она спрашивает кукушку, сколько лет ей суждено прожить. Кукушка молчит, словно предвещая наступление трудностей, испытаний.

В стихотворении А. А. Ахматовой кукушка – вестница перемен. Данный образ является окказиональным, однако в нем также сохраняется общая для русской культуры особенность – гадание на пение кукушки. Таким образом, мы видим, что художественный образ, созданный посредством индивидуального восприятия, не является полностью уникальным: он представляет собой результат сформированной ранее идеи, получившей распространение в русской лингвокультуре. Следовательно, зарождение и становление концепта и когнитивной метафоры происходит в

лингвокультурологическом дискурсе, а их развитие и модуляция – в художественном.

Историческая песня «Ты звезда ли, моя звездочка» обладает значительным количеством концептуальных метафор, многие из которых нашли впоследствии отражение в художественных произведениях (см. текст песни в главе 2). Концептуальная метафора «звезда» способна образовывать в данном контексте два переносных значения, трактовка которых зависит от модальной перцепции: «звезда – свобода», «звезда – судьба». Звезда является культурным символом всех народов мира, содержит универсальные ценностные смыслы, понятные всем и не нуждающиеся в толковании. Звезду можно причислить к универсальным концептуальным метафорам, так как она соединяет в себе физическую оболочку (звезда – шары газа, предмет изучения астрономии) и духовное начало (здесь следует рассмотреть трактовку каждого отдельного культурно-релевантного значения).

С древности звезду связывали со светом. По ней определяли судьбу человека, она указывала путь мореплавателям и путешественникам. Значимость звезды в повседневной жизни нашло отражение в ассоциативном мышлении людей, в результате которых звезда превратилась в универсальный ценностный символ.

Ментальная связь звезды со светом привело к появлению смыслового компонента «надежда» – внутреннего света, который не гаснет даже в ночи. Сияние звезды в небесной вышине также ассоциируется с мечтой человека. Путеводная звезда – с судьбой.

В рассматриваемой нами исторической песне «Ты звезда ли, моя звездочка» дается описание яркой звезды, восходящей «выше леса темного, выше садика зеленого». Данное описание концептуально совпадает с общекультурным понятием «звезды-мечты», раскрывающемся в данном контексте в качестве мечты о свободе. Яркая звезда противопоставляется заточенному Емельяну Пугачеву. Для лирического героя она становится недостижимой мечтой, так как олицетворяет потерянную свободу.

Однако концептуальную метафору «звезда» можно интерпретировать на основе контекста с помощью семантической единицы «судьба». В данной исторической песне не дается описание путеводной звезды, однако ее образ аллегорически сливается с фигурой Емельяна Пугачева, словно всегда следующая за ним судьба.

В рамках художественного дискурса нами было найдено значительное количество поэтических произведений с использованием концептуальной метафоры «звезда». Один из таких – стихотворение А.С. Пушкина «К Чаадаеву»:

*«Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья...» [108, с. 27]*

Концептуальная метафора «мечта» вербализуется посредством одноименного стилистического тропа «звезда пленительного счастья». В данном контексте концептуальная метафора несет в себе большое количество культурно-ценностных смыслов. Основной – это значение света, негаснущей надежды. Концептуальная метафора «мечта» может быть интерпретирована в данном стихотворении как заветная «мечта о счастье», которая заключается в свершении давних надежд. Также данный стилистический троп передает стремление лирического героя к переменам. Как мы видим, смысловые элементы «надежда», «мечта» и «стремление» неразрывно связаны между собой внутри метафоры. Только слияние всех трех смысловых элементов обеспечивает семантическую целостность концептуальной метафоры «мечта» в рамках рассматриваемого контекста. Все указанные выше смысловые элементы являются составляющими концепта «Мечта», входящими в его концептосферу и занимающими место в предъядерной зоне. Данное наблюдение позволяет нам сделать вывод о том, что метафора «звезда пленительного счастья» является не только стилистическим тропом, но и вариацией концептуальной метафоры «звезда», входящей в состав изучаемого нами концепта.

Сравнив ценностно-культурный символ «звезда», вербализованный в тексте народной исторической песни и поэтического произведения, мы обнаружили, что данный символ является концептуальной метафорой, так как соединяет в себе физическое и абстрактное понятие с одной стороны и широкий спектр смысловых номинант – с другой. Отметим, что в народной исторической песне XVIII в. и в художественных произведениях XIX в. сохраняется смысловое значение «мечты» как одной из доминантных единиц концептуальной метафоры «звезда», которое детерминируется дополнительным признаком («мечта о свободе», «мечта о переменах»).

Концептуальную метафору «звезда» можно встретить в поэзии начала XX в. Так в стихотворении И.Ф. Анненского «Среди миров, в мерцании светил...» перед нами предстает иная сторона семантической составляющей концептуальной метафоры:

«Среди миров, в мерцании светил

Одной Звезды я повторяю имя...

Не потому, чтоб я Ее любил,

А потому, что я томлюсь с другими» [5, с. 153]

В рассматриваемом отрывке лексема «звезда», несомненно, является концептуальной метафорой, так как несет в себе культурно-ценностный смысл, скрываемый за предметно-понятийной единицей. Концептуальный образ звезды можно рассматривать под влиянием разных интерпретаций. Самое первое концептуальное значение – «любовь». В данном случае символ звезды метонимично соотносится с возлюбленной лирического героя, которая, словно звезда на небосклоне, освещает его жизненный путь.

Добавим, что метафору «звезда» можно интерпретировать в данном контексте как общекультурный символ «судьба». Данная интерпретация требует более детального семантического анализа, однако эта идея также имеет право на существование. Стихотворение И. Ф. Анненского можно причислить к лирическому жанру элегии, вследствие этого рассуждения лирического героя следует интерпретировать как размышления о своей судьбе,

которую он на основе смежности сравнивает со звездой, выделяющейся среди сияния «других светил». В минуты сомнения он «у нее одной ищет ответ», т.е. лирический герой стремится найти ответ на волнующие вопросы в себе, глубинах своей души. Он принимает свою судьбу благосклонно, отмечая, что с другими будет лишь «томиться».

Таким образом, в зависимости от интерпретации концептуальную метафору «звезда» можно охарактеризовать в более узком смысле как «любовь». В указанном случае метафора носит индивидуальный характер, так как данный ценностный смысл был внесен в состав концептуальной метафоры отдельным автором и вербализован в рамках конкретного дискурса – художественного. Во втором случае концептуальная метафора «звезда» обладает значением «судьба» и является межкультурным, глобальным символом.

В обоих поэтических произведениях концептуальная метафора «звезда» отражает концептуальные признаки номинативности. В зависимости от интерпретации, концептуальная метафора способна отражать как общекультурный смысл, так и индивидуальный аспект герменевтических символов культуры. Данная концептуальная метафора семантически принадлежит к изучаемому нами концепту, так как несет в себе смысл абстрактного понятия, которое закреплено за концептом «Мечта». Значение концептуальной метафоры «звезда» можно описать с помощью следующих лексических единиц:

1. «К Чаадаеву», А. С. Пушкин: надежда, чаяние, идеал, порыв души, стремление сердца;

а) Признак: большая, возвышенная, прекрасная (мечта);

2. «Среди миров, в мерцании светил...», И. Ф. Анненский: греза, фантазия, представление, стремление сердца;

б) Признак: заветная, романтическая, возвышенная, светлая;

Проведенный анализ показывает, что концептуальная метафора «звезда» соединяет в себе смысловые единицы концепта «Мечта» на основе их

ассоциативного сходства, реализуемого в контексте. Необходимо подчеркнуть, что в поэтических произведениях концептуальная метафора обретает признаки, характеризующие номинанту. Таким образом, мы можем сделать вывод, что концептуальная метафора обладает многокомпонентностью и поликодовостью, что позволяет выделить ее среди других смысловых элементов концепта. Также концептуальная метафора способна заключать в себе семантические единицы, входящие в состав концепта, элементом которого она сама является. Обладая рядом ассоциативных единиц, концептуальная метафора не может формировать концептосферу ввиду четко оформленной формы (материальной лексемы), ограничивающей вхождение в ее состав новых смысловых элементов.

Одним из самых ярких примеров использования концептуальных метафор в народном творчестве, свидетельствующих о формировании символизма на ранних этапах развития культуры, является лирическая народная песня «На море орел».

Как было указано в теоретической части работы, самой распространенной концептуальной метафорой в русской культуре, семантически связанной с концептом «Мечта», является концептуальная метафора «крылья». Данный символ распространен в русских народных песнях лирического содержания и способен выражать различные по коннотации значения, обусловленные контекстом. В народной песне «На море орел» концептуальная метафора «крылья» – символ потерянной Родины, а вместе с ней надежды и сил. Данная народная песня относится к циклу фольклорных произведений, посвященных тоске по дому. Лирическая героиня, находясь на чужбине, вспоминает отчий дом, в который нет возврата:

«Рада бы лететь,

Рада бы лететь — у меня ли крыльев нет» [57, с. 67]

В данной народной песне используется нестандартный для русского фольклора образ девушки – лирическая героиня предстает перед нами в образе орла, который просит сокола «слетать на родиму сторону, спроведать о

родителях». Обе птицы наделены в славянской культуре признаками силы, воли. В данном контексте оба орнитонима символизируют несломленных духом людей, тоскующих на чужбине по родным краям. Аллегорическое сравнение лирических героев с птицами является широко распространенной особенностью русского фольклора.

Данная народная песня наполнена тоской, концептуальная метафора «крылья» символизирует утрату мечт и всех желаний, кроме одного – увидеть отчий дом. Рассматриваемая нами метафора семантически относится к изучаемому концепту «Мечта», входит в его состав, располагается на крайней периферии. В песне «На море орел» концептуальная метафора «крылья» содержит в себе следующие семантические единицы: неосуществимое желание, бесплодная мечта, чаяние, надежда. Все смысловые единицы, контекстуально формирующие метафору, входят в состав концептосферы «Мечта». Основная часть семантических единиц содержит в себе когнитивный признак номинативности, однако два смысловых элемента сочетают в себе признак и номинанту, представляющих на уровне мышления единое целое, так как признак не может существовать обособленно, а номинанта теряет в обособленном виде свою семантическую уникальность.

Другая народная песня, в которой раскрывается концептуальная метафора «крылья», несет в себе противоположную коннотацию. Песня «Не от пламечка, не от огничка» входит в разряд народных разбойничьих песен. Метафора «крылья» вербализуется в данном контексте в значении «удаль»:

«Что на камешке сидел млад ясен сокол.

Подпалило-то у ясна сокола крылья быстрые;

Уж как пеш ходит млад ясен сокол по чисту полю» [57, с. 139].

Данная песня повествует о соколе, который подпалил свои крылья и потерял способность летать. Сокол противопоставляется образу ворона, также представленного в песне. Вороны смеются над обессиленным соколом, называют его одним из них. Однако сокол остается собой: излечив крылья, он мстит обидчикам. В данной песне образ сокола не однозначен: являясь

главным героем песни, он соединяет в себе черты страдальца и разбойника. Более точную характеристику соколу можно найти в песне «Загорелась во поле ковылушка», имеющую аналогичный сюжет, но принадлежащую к циклу народных исторических песен. Здесь на основе контекста мы понимаем, что сокол – это образ Степана Разина, потерявшего крылья в борьбе за «жизнь вольную».

В обеих песнях концептуальная метафора «крылья» является воплощением удали, как было указано выше. Однако в рассматриваемых фольклорных произведениях значение «удаль» соотносится с семантическими элементами «воля», «стремление». Потеря крыльев означает для лирического героя утрату цели и внутренних сил. В обеих песнях концептуальная метафора содержит в себе смысловые единицы «удаль», «воля», «стремление», две из которых входят в состав концепта «Мечта». Все смысловые элементы обладают исключительно номинативными свойствами.

Таким образом, в русском фольклоре концептуальная метафора «крылья» вербализуется в следующих значениях: неосуществимое желание, бесплодная мечта, чаяние, надежда; удаль, воля, стремление.

С течением времени концептуальная метафора «крылья» стала широко использоваться в художественном дискурсе, особенно в поэзии. Становление концептуальной метафоры «Мечта» в художественном дискурсе следует рассматривать в русской поэзии начала XVIII в. Данный период является началом формирования светской русской литературы, заложившей основы для последующих поколений писателей и поэтов.

Среди поэтов XVIII в., творчество которых оказало наиболее сильное влияние на становление русского языка и культуры, следует выделить Г.Р. Державина. Являясь одним из основоположников русской поэзии, Г.Р. Державин вместе со своими современниками создал основу для расцвета Золотого века русской поэзии.

Влияние творчества Г.Р. Державина на развитие русской словесности можно увидеть не только в XIX, но и в начале XX века. Из воспоминаний

А.А. Ахматовой: «Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфиородного отрока») и Некрасова («Мороз, Красный нос»). Эти вещи знала наизусть моя мама» [8, с. 30]. Данная цитата отражает силу преемственности русских поэтических традиций, которые, обретая новые формы и стиль, способны сохранять предшествующие идеи.

Концепт «Мечта» также способен обретать вербализацию посредством культурно-значимых символов. Ряд символов, входящих в изучаемую нами концептосферу, может формировать метафору. Часто метафора, представленная в поэтических произведениях, перерастает из границ стилистического тропа в самостоятельный когнитивный элемент, обретая концептуальные признаки. Данное явление проиллюстрируем в тексте стихотворения Г.Р. Державина «Соловей»:

*«Молчит пустыня, изумленна,
И ловит гром твой жадный слух,
На крыльях эха раздробленна
Пленяет песнь твоя всех дух» [45, с. 230].*

В данном отрывке использован стилистический троп – метафора «на крыльях эха». Лексема «крылья» образует в данном контексте концептуальную метафору, содержащую в своем значении такие семантические элементы как: «песнь», «искусство», «вдохновение», «созерцание» и т.д. Благодаря последней смысловой единице лексема «крылья» демонстрирует когнитивную связь с концептом «Traum» и занимает место на дальней периферии концептуального поля в виде символа.

Связь лексемы «крылья» и смыслового элемента «вдохновение» доказывает интертекстуальный характер концептуальной метафоры, способной хранить и интерпретировать накопленный ранее опыт в виде семантической составляющей. Так лексема «крылья» была и остается символом вдохновения, духовной сублимации, защиты от невзгод (покровительства) в европейской культуре. Связь данных смысловых элементов заключается в способности крыльев возвышать, поднимать над

землей. Сходство «крыльев» и «вдохновения» происходит на основе ассоциаций, благодаря которым семантический элемент «крылья» становится концептуальной метафорой.

Таким образом, мы видим, что концептуальная метафора «крылья» объединяет в данном контексте известную ранее общеевропейскую коннотацию слова на основе интертекста и добавляет индивидуально-авторское значение «песнь», контекстуально имеющее связь с рассматриваемым концептом.

XIX век положил начало «эталону» русской поэзии. Именно в этот период времени создаются произведения, ставшие впоследствии классикой отечественной литературы.

Произведение В. А. Жуковского «Мотылек и цветы» содержит рассматриваемую нами концептуальную метафору:

*«Он мнил, что вы с ним однородные
Переселенцы с вышины,
Что вам, как и ему, свободные
И крылья и душа даны» [49, с. 240].*

Приведенный пример доказывает, что концептуальная метафора «крылья» в данном контексте полностью отражает смысловое значение концепта «Мечта». В стихотворении В. А. Жуковского рассматриваемая нами концептуальная метафора «крылья» обладает значением «мечта», которое принадлежит к корневой семантике и полностью совпадает с номинантой концепта. К данной метафоре мы относим такие смысловые единицы, как: вдохновение, мечта, возвышенность, фантазия.

В творчестве А.С. Пушкина символ крыльев является одним из центральных смысловых компонентов, позволяющих строить художественный образ. Произведения, в которых используется данный символ, можно объединить под общими темами: «Поэт и вдохновение», «Человек и искусство». Данное наблюдение доказывает, что символ крыльев используется в творчестве А.С. Пушкина в своей классической прагматике.

Рассматриваемый нами культурно-значимый символ в творчестве А.С. Пушкина часто формирует не концептуальную метафору, а художественную фигуру речи, или стилистический троп. Рассмотрим на примерах из текста способы репрезентации символа «крылья» в виде концептуальной метафоры и в качестве стилистического тропа:

*«Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты...» [108, с. 177].*

В отрывке из стихотворения А.С. Пушкина «Послание к Юдину» изучаемый нами культурно-значимый символ формирует метафору, одновременно стилистическую и концептуальную. Объединение смысловых элементов «крылья» и «мечта» указывает на их концептуальную связь, находящую отражение в поэтической речи и позволяющую приобщить концептуальную метафору «крылья мечты», используемую в данном произведении, к изучаемой нами концептосфере.

В стихотворении А.С. Пушкина «К Жуковскому» символ «крылья» снова предстает перед нами в форме концептуальной метафоры:

*«Крылатым Гением и Грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, незнаемое мной» [108, с. 198].*

На первый взгляд словосочетание «Крылатый Гений» похоже на эпитет, однако мы считаем его концептуальной метафорой, так как смысл, вкладываемый в его смысловые единицы, обладает глубинной семантической структурой, выходящей за рамки «яркого, красочного определения», под которым принято понимать эпитет. Из контекста понятно, что под «гением» А.С. Пушкин подразумевает первоначальное сократовское значение данной лексемы, а именно – внутренний голос человека. Как и в теории Сократа, гений Жуковского (по контексту анализируемого стихотворения) – его внутренний голос, природный дар, данный судьбой.

Таким образом, концептуальная метафора «крылья», представленная в произведениях XVIII-XIX веков, полностью совпадает с ядром и приядерной зоной современного концепта «Мечта».

3.1.2. Субъективный и общекультурный компоненты формирования концептуальной метафоры

Рассматриваемая нами концептуальная метафора «Мечта» раскрывается в художественном дискурсе посредством использования ряда символов, нередко носящих индивидуально-авторский характер. Главной особенностью концептуальной метафоры является ее интертекстуальность, способствующая полиапеллируемости ценностных единиц, а также их синтезу (смешению общекультурных и индивидуально-авторских смыслов в одной семантической единице). Концептуальная метафора может быть сформирована из абстрактной лексемы, и объединять, таким образом, не только материальный и ценностный семантические компоненты, но и две ценностные (абстрактные) смысловые единицы. Приведем пример из стихотворения Г.Р. Державина, «Свобода»:

«Не хочу моей свободы,

Совесть на мечты менять:

Гладки воды, коль погоды

Их не могут колебать» [45, с. 292].

В данном отрывке изучаемый нами концепт раскрывается с помощью абстрактной единицы, имеющей идентичную графическую форму. Семантический элемент «миг», представленный в отрывке посредством лексемы «мечта», указывает на интертекстуальную связь прошлого с настоящим: семантический компонент «миг» сохраняет свою смысловую наполненность, появившуюся на ранних порах становления старославянского языка. Данное наблюдение доказывает преемственность когнитивной составляющей языковых единиц.

Однако наравне с преемственностью культурно-значимый символ «мечта» получает авторскую окраску. В произведении Г.Р. Державина «Свобода» концепт «Мечта» приобретает *отрицательную* коннотацию. Автор проводит параллель между внутренним «я» и иллюзией, в погоне за которой можно потерять духовные качества, формирующие личность. Когнитивная парадигма понятия «свобода» отражает в данном произведении антитезу подлинной и мнимой независимости. Лирический герой видит подлинную свободу в твердости духа, непоколебимости собственных убеждений, в которых нет места честолюбию, еще больше связывающей человека («Власть тогда во мне высока, коль я власти не ищу»).

Подлинная свобода, которую автор видит в чистоте совести и непоколебимости духа, противостоит в данном отрывке свободе мнимой – обманчивым порывам, после которых наступает разочарование. Также примечательным является тот факт, что концептуальная метафора «мечта» сохраняет в данном контексте изначальное значение изучаемого нами концепта – «обманчивое видение, обманчивая картина». Данные смысловые элементы близки первоначальной семантической единице «миг», за исключением добавления отрицательной коннотации. Это наблюдение позволяет нам прийти к выводу о том, что изначальное значение концепта «Мечта» в модифицированном виде находит отражение в поэзии XVIII в., что дает нам основание утверждать об интертекстуальных свойствах концепта, заключающихся в его способности хранить и перерабатывать приобретенную информацию, проводя параллель между «старыми» и «новыми» смыслами.

Таким образом, культурно-значимый символ «мечта» обретает в поэзии Г.Р. Державина новую коннотацию. Объединившись с ранее известными значениями, он вообрал в себя уникальный, индивидуальный смысл, обрел способность менять положительное и отрицательное значение в зависимости от контекста, сохраняя в себе при этом известные ранее периферийные значения.

Анализ контекстов показывает, что концептуальная метафора «мечта» вербализуется посредством уникальных индивидуально-авторских символов, наличие которых трудно найти в фольклоре. Данные символы также способны формировать концептуальную метафору, подразумевая в своем содержании двойной номинативный смысл: личный и экстралингвистический. Последний включает в себя фоновые знания о мире, полученные автором в процессе образования (но не эмпирическим способом) и являющиеся добавочной информацией, способной формировать стилистический троп или комплексную когнитивную структуру для круга лиц, владеющих указанными автором экстралингвистическими данными.

Так в стихотворении декабриста, друга А.С. Пушкина, В.К. Кюхельбекера «Пробуждение» концептуальная метафора скрыта в самом названии. Период зрелости подобен пробуждению и противопоставляется «златым мечтам» – юности, которая ассоциируется у лирического героя со сном, скрывающим от реальности подлинное бытие:

«Благодатное забвенье

Отлетело с томных везд;

И в груди моей мученье

Всех разрушенных надежд» [72, с. 121].

Важно заметить, что в приведенном примере под лексемой «мечта» подразумевается свойственное европейским языкам значение «образа, увиденного во сне» (анг. “Dream”, нем. “Traum” – имеют два значения: «сокровенное желание» и «последовательность событий, происходящих во сне») [145], [170]. Таким образом, исходя из дефиниций, мы можем предположить, что развитие аналогичной концептосферы в германских языках происходит иначе, что влияет на ассоциативный ряд. Однако в данном стихотворении лексема «мечта» обретает новое для русской лингвокультуры значение, включая ранее сформированные смысловые компоненты. Мечты уподобляются снам, которые, исчезая, уносят за собой «жизнь, и радость, и покой». Взросление же сравнивается с пробуждением, которое позволяет

увидеть мир в подлинном цвете. Однако семантическое значение, описанное выше и формирующее в данном контексте концептуальную метафору, вводится посредством культурной интеграции, в результате которой границы между «чужим» и «родным» размываются, а метафоричный смысл становится экстралингвистическим компонентом, доступным для понимания кругу лиц, осведомленных о существовании данного культурного кода в других языках.

Период начала XX в., также именуемый Серебряным веком русской поэзии, ознаменован поиском новых форм, широким использованием нестандартных стилистических тропов или способов их новой интерпретации. Особое влияние на пополнение концептосферы новыми символами и формирование новых, индивидуальных метафор, послужили такие литературные направления, как символизм и акмеизм.

Стихотворение В.Я. Брюсова «Осеннее чувство» объединяет в своей композиции ряд индивидуально-авторских символов: «осень», «весна», «стремление».

*«Гаснут розовые краски
В бледном отблеске луны;
Замерзают в льдинах сказки
О страданиях весны...»
«...И сквозь окна снов бессвязных
Не встречаются звезд алмазных
Утомленные мечты» [22, с. 201].*

Из фрагментов стихотворения видно, что выделенные нами выше лексеммы образуют культурно-значимые символы как самостоятельно, так и выступают в роли дополнительного структурного или смыслового элемента концептуальной метафоры. Как показывает анализ контекстов, все выделенные нами индивидуально-авторские символы, способствуют созданию концептуальной метафоры, они обладают номинативной природой и строят смыслообразующую композицию произведения.

Само название стихотворения «Осеннее чувство» является вербализацией индивидуально-авторской концептуальной метафоры, передающей идею духовного угасания человека. Посредством антитезы «осень» противопоставляется другой концептуальной метафоре – «весне», ассоциирующейся с периодом внутреннего возрождения [62, с. 117]. Символ весны имеет неразрывную связь с концептом «Мечта», который вербализован в творчестве других поэтов XX в. (в нашей работе данный символ представлен дополнительно в поэзии К.Д. Бальмонта, см. выше). Концептуальная связь основана на ассоциативных признаках, что позволяет нам отнести символ весны к разряду общекультурных. Наше утверждение обосновано тем, что данный символ часто встречается в творчестве европейских поэтов (А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, И.В. Гете, Ф. Шиллер, Г. Гейне, Н. Ленау и др.). Анализ контекстов показывает, что символ «весна» является общим для творчества поэтов разных культур и эпох, поэтому мы приходим к выводу о его универсальности на основе ассоциаций. Авторский элемент концептуальной метафоры «весна» раскрывается в эпитете «розовые краски», несущем в себе добавочный качественный признак.

Во втором поэтическом отрывке представлен эпитет «утомленные мечты», одна из лексем которого – мечты – совпадает с названием изучаемого концепта. В данном контексте указанная выше лексема раскрывается в одном из центральных значений изучаемого нами концепта – «желание». Таким образом, становится ясно, как происходит процесс пополнения концептосферы за счет соединения старых, широко известных смысловых единиц («мечта» – номинативный признак) и новых, часто окказиональных семантических компонентов («утомленные» – качественный признак). Данное явление доказывает влияние языковой преемственности и интертекстуальности на формирование языкового миропонимания, свойственного определенному народу (в данном случае – формирование русской языковой картины мира).

В другом стихотворении Серебряного века концептуальная метафора, когнитивно связанная с концептом «Мечта», является полностью окказиональной и может быть найдена посредством концептуального и семантического и экстралингвистического анализов. В произведении Н.С. Гумилева «Родос» концептуальной метафорой, имеющей прямое отношение к концепту «Мечта», является остров Родос. Данная метафора раскрывается в качестве «земли мечты» (также можно интерпретировать данный символ как обетованную землю). Стихотворение представлено фрагментарно:

*«Там был рыцарский орден: соборы,
Цитадель, бастионы, мосты,
И на людях простые уборы,
Но на них золотые кресты.*

*Не стремиться ни к славе, ни к счастью,
Все равны перед взором Отца,
И не дать покорить самовластью
Посвящённые небу сердца!*

*Наше бремя — тяжёлое бремя:
Труд злоеший дала нам судьба,
Чтоб прославить на краткое время,
Нет, не нас, только наши гроба.*

*Мы идём сквозь туманные годы,
Смутно чувствуя веянье роз,
У веков, у пространств, у природы,
Отвоёвывать древний Родос» [44, с. 171–172].*

Концептуальная метафора «Родос» может быть интерпретирована посредством экстралингвистического анализа: остров Родос – родина рыцарей Иоаннитов, предстает в произведении как место духовной силы, веры и нравственности. Важным также является образ рыцаря, косвенно упоминаемый в стихотворении. Рыцарство по Н.С. Гумилеву – это характер,

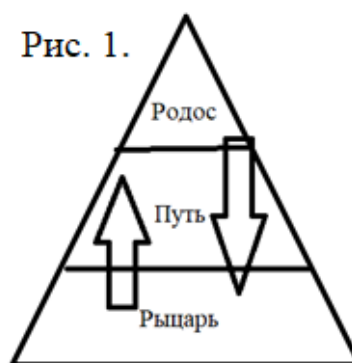
сочетающий в себе кротость (Все равны перед взором Отца) и внутреннюю силу (и не дать покорить самовластью посвящённые небу сердца).

Образ рыцаря является знаковым для литературы Серебряного века. Первым значимость этого образа ввел российский философ Н.А. Бердяев, утверждавший, что в истории России до начала XX в. не было рыцарства (письмо 6, об аристократии) [15, с. 31]. Под рыцарем Н.А. Бердяев понимал героя, обладавшего качествами аристократа и являвшегося таковым. Отсутствие рыцарства в России Н.А. Бердяев объяснял противоречиво: с одной стороны, философ утверждал, что «в России никогда не было настоящей аристократии», с другой – отсутствие подлинной аристократии объяснялось природой русского духа, тем, что «страна наша естественно демократична» [15, с. 51]. Необходимость создания образа было обусловлено эпохой: преддверие Первой мировой войны (дата написания стихотворения – 1912 г.), общий идейный упадок в кругу дворянства, начало народных волнений. Нужен был образ, являющий собой духовное совершенство, свет, идеал человека. Рыцарь в русской поэзии, как и в европейской литературе, является романтическим героем, но имеет значительные отличия от западного первоисточника. Согласно известному русскому филологу Ю.В. Зобнину, «рыцарство» в творчестве Н.С. Гумилева – «это совершенная форма личностного религиозного «жизнестроительства», воплощенного во внешнем действии внутреннего духовного «движения» [53, с. 90]. Иными словами, созданный в поэзии Н.С. Гумилева образ рыцаря – это образ романтика-идеалиста, духовно возвышенной личности, стремящейся вернуть утраченный Родос (важно также отметить, что Иоанниты называли о. Родос «Эдемским садом»), потеря которого равносильна потере Рая.

Не менее важным является в произведении символ пути, т.е. движения к духовному совершенству, по которому мы «идём сквозь туманные годы», лишь отчасти приближаясь к обетованной земле и «смутно чувствуя веянье роз». Путь этот не имеет конца, однако в нем и заключается подлинное

рыцарство: несмотря на трудности и лишения, человек должен стремиться вопреки обстоятельствам достичь древнего Родоса.

Стихотворение Н.С. Гумилева «Родос» включает в себя несколько семантико-образующих символов, формирующих концептуальные метафоры и соотносимых с изучаемой нами концептосферой: Родос, путь, рыцарь. Родос – центральный символ произведения, метафора концепта «Мечта». Путь – инструментальный символ, указывающий на способ достижения центральной метафоры. Не являясь центральным символом произведения, концептуальная метафора «путь» становится его неотъемлемой частью, так как осуществляет переход от центрального символа (Родос) к объектному (рыцарь) и указывает на промежуточное понятие. Метафора «Рыцарь» носит комплементарный характер, в произведении ее можно охарактеризовать как объектную, т.е. указывающую на исполнителя действия (в данном случае – центрального символа).

Графически концептуальную связь рассматриваемых символов можно представить следующим образом (см. рис. 1):

На представленной пирамиде видно, что символы связаны между собой, движение внутри них происходит вертикально и может быть представлено как прямым, так и обратным процессом. Центральный символ расположен в верхней части пирамиды, так как является вершиной, к которой осуществляет путь главный герой.

С этимологической точки зрения общеевропейским символом является инструментальная метафора «путь». Похожий символ можно увидеть в немецкой языковой картине мира (см. главу 3). Семантическая репрезентация концепта также идентична: в обеих языковых картинах мира изображен путь к вершине. Так как в немецкой поэзии данный символ возникает раньше, концептуальную метафору «путь» в творчестве Н.С. Гумилева следует считать заимствованной, а потому – общеевропейской.

Символ рыцаря также является общеевропейским, так как исходит из европейских народных баллад, позднее – средневековых романов.

Концептуальная метафора «Родос» является исключительно индивидуально-авторской, придуманной Н.С. Гумилевым и зависящей в своей интерпретации от знания экстралингвистического контекста.

Рассмотрев широкий ряд концептуальных метафор в русской поэзии, соотносимых с концептосферой «Мечта», мы выделили следующие символы, представленные в таблице:

Таблица 2

Символы русской поэзии

Литературные концептуальные метафоры, основанные на русском народном творчестве	Общекультурные концептуальные метафоры
<p><i>Кукушка</i>: в народном творчестве: вестница перемен, проводница между мирами; у К. Д. Бальмонта: образ прихода весны, нового рождения; у А. А. Ахматовой: вестница перемен (п. 3.1.1);</p>	<p><i>Мечта</i> у В.К. Кюхельбекера: сновидение (п. 3.1.2); <i>Соловей</i> у Г.Р. Державина: поэт, вестник вдохновения (п. 3.1.1);</p>
<p><i>Звезда</i>: в народном творчестве: судьба, мечта, свобода, надежда; у А.С. Пушкина: мечта о счастье, негаснущая надежда; у И. Ф. Анненского: судьба, возлюбленная (п. 3.1.1);</p>	<p><i>Звезда</i> в мировой культуре: судьба, надежда, мечта (п. 3.1.2);</p>
<p><i>Крылья</i>: в народном творчестве: неосуществимая мечта, потеря крыльев – утрата мечты (иногда – надежды), удаль, сила, воля. у Г.Р. Державина: вдохновение (общевропейский символ)</p>	<p><i>Весна</i> у В.Я. Брюсова: период внутреннего возрождения; Здесь же: розовые краски – атрибутивный элемент весны (п. 3.1.2);</p>

у В.А. Жуковского: вдохновение, мечта, возвышенность. у А.С. Пушкина: вдохновение, одна из репрезентаций гениальности (п. 3.1.1);	
<i>Мечта</i> у Г.Р. Державина: миг, мираж, иллюзия (общекультурная метафора – происхождение от «миг»)	У Н.С. Гумилева: <i>Путь</i> : стремление к мечте; также: стремление к обетованной земле Рыцарь: мечтатель, идеалист (п. 3.1.2);

Как можно увидеть из представленной таблицы 2, наибольшая часть концептуальных метафор, представленных в русской поэзии, исходит из русского фольклора. Это явление является естественным и объясняется причастностью русских поэтов к народному творчеству. В нашей таблице тезисно представлены народные концептуальные метафоры и способы их репрезентации в творчестве поэтов разных эпох. Следует отметить, что один и тот же народный образ широко использовался в поэзии многими авторами на протяжении разных периодов времени. Важным также является наблюдение, что во всех произведениях образ преломляется под воздействием индивидуального восприятия, но ядерная основа его семантики остается прежней. Это становится заметно при сравнении дефиниций, раскрывающих значение метафоры в конкретном контексте.

Общевропейские культурные символы, формирующие концептуальные метафоры, также распространены в русской поэзии. Как и русские фольклорные символы, они сохраняют свое первоначальное ядро, незначительно интерпретируя одно из его проявлений с точки зрения модальности. Главным отличием общеевропейских концептуальных метафор, кроме происхождения, является искусственный характер их появления в речи, в результате которого некоторые символы требуют дополнительного герменевтического толкования. Исключения составляют общекультурные символы, подсознательно понимаемыми представителями всех культур мира. К таким символам относятся: весна, соловей, звезда.

Среди полностью индивидуально-авторских концептуальных метафор мы выделили только «Родос» Н.С. Гумилева. Однако индивидуальность данной метафоры также носит относительный характер. Наше утверждение об уникальности данного символа строится на объективном основании того, что он не был ранее использован в русской поэзии. Однако экстралингвистический контекст отсылает нас к общекультурному христианскому христианскому символу обетованной земли, что также дает основание причислить данную метафору к разряду общекультурных.

Исходя из выполненного анализа таблицы, мы приходим к выводу о том, что большая часть авторских концептуальных метафор неразрывно связана с народным или общекультурным прошлым, формирующим мировоззрение каждой отдельной личности. Индивидуальность когнитивных единиц носит относительный характер, в отличие от способов их репрезентации. Условность индивидуального характера концептуальных метафор доказывает неразрывную связь памяти и языка, в результате которых происходит подсознательная модификация уже известных ранее понятий. Данное явление доказывает существование преемственности языка и интертекстуальный характер его смысловых единиц.

3.2. Концептуальная метафора «Traum» в немецком лиро-эпическом жанре и ее интертекстуальная связь с поэзией

Исследование формирования концептуальной метафоры в немецком языковом сознании следует начинать с изучения вербализации символов в народном творчестве. Именно посредством фольклора формируется общеэтническое самосознание, находящее отражение в языке и позднее трансформирующееся в личном мировосприятии. Как было указано в предыдущих главах работы, процесс пополнения языка новыми смысловыми единицами происходит посредством движения от общего к частному. Анализ контекстов показывает, что формирование концептуальных метафор происходит по тому же принципу.

В немецких народных лирических песнях формирование концептуальной метафоры происходит за счет объединения нескольких культурно-значимых символов под одной смысловой доминантой (концептом). В немецкой народной песне “Ich hab die Nacht geträumet“ концепт «Traum» вербализуется в одном из своих центральных значений («сновидение»), приобретая при этом отрицательную коннотацию (“Alptraum” – «кошмар»), которая вербализуется посредством ряда символов: Rosmarienbaum, Tröpflein rosenrot, von dem grünen Baume fiel Kron und Blüte ab [173, S. 210] (оригинал песни см. в главе 2). Все указанные выше лексемы формируют концептуальную метафору «смерть», когнитивно связанную с концептом «Alptraum». Рассматриваемая в данном примере концептуальная метафора объединяет в себе разные смысловые категории: от номинативного и описательного образов до символики цвета. Номинативным образом в песне “Ich hab die Nacht geträumet“ является розмариновое дерево (“Rosmarienbaum”), представляющее символ вечной памяти в немецкой лингвокультуре. В эпоху средневековья данное растение часто сажали на кладбищах в знак того, что ушедший навсегда остается в сердце близких его людей. В данной песне молодой девушке, находящейся в разлуке с любимым, снится сон, в котором с розмаринового дерева опали цветы и зелень. Образ голого дерева раскрывается через описательный символ, заключенный в строфе “von dem grünen Baume fiel Kron und Blüte ab“, отражающей атмосферу отчужденности и одиночества, опавшие цветы передают бренность человеческого существования. Во сне девушка собирает опавшие цветы в золотой кувшин (“Goldner Krug”), который выскальзывает у нее из рук и разбивается на части, символизируя при этом хрупкость всего материального и неизбежность потери. Символика цвета вербализуется в конце песни через эпитет “Tröpflein rosenrot” («красные капли», ассоциирующиеся с кровью).

Таким образом, концептуальная метафора «Traum» раскрывается в данной песне в значении “Alptraum” посредством когнитивно-ассоциативных образов, формирующих образный план содержания метафоры.

В следующей народной песне, “Hoffnung”, рассмотренной в главе 2, концепт «Traum» раскрывается в одном из своих центральных значений (“Hoffnung”, «надежда»), находящихся в приядерной зоне концепта. Народная песня содержит ряд культурно-значимых символов, формирующих одноименную метафору «Traum»: Frühlingsschimmer (весенний блеск), Blumen blühen durch dich (Hoffnung) auf öde Trümmer (благодаря тебе на бесплодных обломках распускаются цветы), Rosenspur (розовый след), Wandelsternes Grenzen («Звезда перемен»), “Ewger Sommer” («Вечное лето»), “schöner Frühling“ («прекрасная весна»).

Как и большинство баллад позднего периода, данная песня посвящена абстрактной теме и украшена большим количеством символов, формирующих стилистические тропы:

1. Эпитеты: Frühlingsschimmer (весенний блеск), Rosenspur (розовый след), Wandelsternes Grenzen («Звезда перемен»), Ewger Sommer («Вечное лето»), schöner Frühling («прекрасная весна»).

2. Метафора: Blumen blühen durch dich (Hoffnung) auf öde Trümmer (благодаря тебе на бесплодных обломках распускаются цветы).

Однако все стилистические фигуры, рассмотренные в данной балладе, являются частью и репрезентацией когнитивной метафоры, обладающей значительно большим когнитивным значением и объединяющей на прагматическом уровне данные языковые единицы на основе ассоциативного признака. Так розовый цвет ассоциируется у большинства европейских народов с мечтой (ср. выражение «розовая мечта»), весна часто сравнивается с началом новой жизни, периодом новых стремлений и надежд (данная семантическая связь свойственна большинству народов мира, главные праздники человечества, вне зависимости от религиозной принадлежности, отмечаются весной).

Звезда также является общекультурным символом судьбы, доступным для понимания всем народам мира. Также звезда может быть олицетворением недостижимой мечты (ср. “Stern vom Himmel holen” – «достать звезду с неба»)

В данном контексте словосочетание «звезда перемен» характеризует изменения, предначертанные судьбой. В череде этих изменений человек не теряет надежду на “ewiger Sommer“ («вечное лето»). Указанный символ является одной из вариаций языковой репрезентации семантической единицы “Freude” («радость»), входящей в состав изучаемой нами концептосферы. Следовательно, он относится к культурно-значимым символам концептуальной метафоры «Traum» и обладает способностью к вербализации в разных языковых ситуациях.

В народной немецкой балладе “Träumelein“ семантическая единица “unerfüllbarer Wunsch“ («неосуществимое желание») раскрывается с помощью семантических элементов “rote Rosen” и “kühler Wein”, являющихся также контекстуально-значимыми символами. Как было сказано выше (см. гл. 2.1.2), оба семантических элемента являются доступными для понимания как немецкой, так и русской лингвокультурам. В данной народной песне распространенные во многих культурах символы нельзя трактовать как общеевропейские: символы дождя и розы имеют в данной балладе исключительно контекстуальную обусловленность. Именно поэтому общий смысл баллады понятен без герменевтического толкования и не нуждается в интертекстуальном анализе. Песня повествует о расставании девушки с возлюбленным, представлена в виде диалога (популярное явление в пении многих народов). Неосуществимость желания заключается в обещании возлюбленного вернуться, «когда выпадет снег из алых роз и пойдет дождь из вина» (“Wenn’s schneiet rote Rosen und regnet kühlen Wein”). Оба словосочетания передают явление, несвойственное природе. Загаданное, однако, осуществляется: девушке снится сон, в котором идет снег, после которого возвращается суженый. С этого момента окказиональные символы начинают формировать ассоциативно-качественные признаки: снег из роз и дождь из вина ассоциируются с чудом – следует отметить, что лексема «чудо» также входит в состав изучаемой нами концептосферы. Важным аспектом остается символика цвета: в рассмотренных символах превалирует красный

цвет, несущий в себе подтекст чувственных отношений. Также, если рассматривать значение цветовой гаммы на основе учения о цвете И. В. Гете, ярко-красный (алый) цвет следует ассоциировать с юностью. Таким образом, совокупность рассмотренных символов можно интерпретировать как «чудо юношеской влюбленности». Так как ключевым компонентом данного кластера является лексема «чудо», все рассмотренные составные элементы входят в состав концепта «Traum» и способны формировать метафоры ввиду наличия скрытого переносного значения, заключенного в материальном образе.

Важным является также образ цветка в народной песне. Как было сказано в предыдущих главах, в немецкой языковой культуре цветам придается особое скрытое значение. В песне “Träumelein” образ розового куста является предвестником загаданных событий. По одной из версий народной песни:

“Und als ich nun erwachte, da war es lauter Nichts;

Es warn die roten Röselein, die blühten über mich” [180, S. 311].

«Когда я проснулась, вокруг не было ни души.

Лишь цветущие розы меня словно о чем-то предупреждали» (перевод наш. – Ю.К.).

Таким образом, «сновидение» и «роза» являются центральными символами народной песни, олицетворяющими осуществление мечты: в конце песни суженый возвращается к девушке, неся в руках “Kranz von Rosen” (венки из роз) и “Becher Wein” (чашу с вином), но на пути задевает что-то ногой и падает. Так сбывается загаданное условие, которая девушка ранее видела во сне: идет снег из роз и дождь из вина. Образ розы в данном контексте мы также относим к изучаемой нами концептосфере, поскольку он символизирует начало любовных отношений с одной стороны и осуществление несбыточной мечты – с другой.

Образ розы оставался предметом символики, способным формировать концептуальную метафору, на протяжении веков. В поэзии роза была

воплощением как универсального культурного кода, так и обладала окказиональной семантикой.

Так в произведении Ф. Геббеля “Sommerbild” (Образ лета) образ розы связан с «увяданием» жизни. Данный символ является универсальным для большинства западно-европейских культур, включая немецкую. Когнитивная связь «розы» и «смерти» имеет древние корни и обусловлена, в первую очередь, ее биологическим свойством – увяданием.

Ф. Геббель создает образ розы, под которым подразумевается хрупкость человеческой жизни. Произведение представлено фрагментарно:

*“Ich sah des Sommers letzte Rose stehn, В летнем саду я увидел последнюю
розу*

Sie war, als ob sie bluten könne, rot; Она была алой, словно кровь

Da sprach ich schauernd im Тогда я невольно подумал:

Vorübergehn:

*So weit im Leben, ist zu nah am Tod!“ В самом цвету и так близка
смерти!*

[38, с. 59] (подстрочный перевод наш. – Ю.К.)

В данном отрывке перед нами раскрывается идея быстротечности времени: автор изображает образ полностью раскрывшейся розы, цветущей летом – в неподходящий сезон. Все розы уже опали, осталась одна – она полностью раскрылась и была прекрасна в эту минуту. Но, глядя на нее, становилось понятно, что скоро лепестки завянут и опадут. Этот процесс ассоциируется с человеческой жизнью: цветение, как и молодость – быстротечны и за мимолетным расцветом следует увядание.

Другой символ розы представлен в сонете Л. Уланда “Der Blumenstrauß” символ розы предстает перед нами в другом своем классическом значении, совпадающем с рассмотренной выше народной песне “Träumelein“. В обоих произведениях роза раскрывается как символ любви:

*“Wenn Straüchen, Blumen manche Deutung eigen,
Wenn in den Rosen Liebe sich entzündet,*

*Vergißmeinnicht im Namen schon sich kündet,
Lorbeere Ruhm, Zypressen Trauer zeigen“ [178, S. 35]
«Если кустарники и цветы обладают собственным значением,
В розах загорается любовь,
Незабудки собственным именем говорят о себе
Лавр олицетворяет славу, кипарис – скорбь».
(подстрочный перевод наш. – Ю.К.)*

Как можно увидеть из приведенного отрывка, “in den Rosen entzündet sich die Liebe“, что семантически соответствует образу розового кустарника в народной песне. В обоих случаях роза выступает в роли когнитивной метафоры, под которой скрывается значение зарождающейся любви. В сонете Л. Уланда также дано толкование многим другим растениям, что доказывает значимость цветочной символики в немецкой поэзии.

3.2.1 Оказиональное значение народных и общекультурных символов в поэтическом дискурсе

Субъективная модальность является отражением личного отношения к понятию, признанному в обществе. Она проецирует новое значение через призму старого, общеупотребимого. Таким образом, оказиональная коннотация метафоры не может существовать обособленно, но является дополнением старых смыслов, скрываемых под оболочкой общеизвестного символа.

Оказиональное значение рассмотренной ранее концептуальной метафоры «Роза» дает нам стихотворение Г. Гейне “Alte Rose”. Роза лишена в данном контексте ореола романтики и представлена в саркастическом ключе. Под старой розой лирический герой подразумевает бывшую возлюбленную, когда-то отвергшую его чувства. С течением времени красота любимой отцвела, и гордыня сменилась любезностью:

“Jetzt, wo sie verwelkt, zerfetzt «Теперь же, увядшая,

Und verklatscht von Wind und Regen *Потрепанная ветром и дождем*

„*Liebster Heinrich*“ *bin ich jetzt,* *Она называет меня «милый Генрих»*
Liebend kommt sie mir entgegen“ . *И любезно идет мне навстречу»*

[157, S. 309] *(подстрочный перевод наш. – Ю.К.)*

Символ розы часто ассоциируется с возлюбленной в мировой поэзии. Однако Г. Гейне изобразил этот образ в ином свете: не восхищенно, а сатирически. Роза в его произведении – горделивый цветок, считающий себя прекраснее остальных и потому смеющийся над чувствами воздыхателей. Последние строки стихотворения полны сарказма – увядающая роза тщетно пытается вернуть себе былых поклонников, а шипы, которыми она некогда задевала своих воздыхателей, стали теперь безобразными. В конце стихотворения концептуальная метафора «Роза» переходит из скрытого сравнения с образом женщины к прямому описанию: “*Liebend kommt sie mir entgegen*“ (любезно идет мне навстречу), а шипы теперь сравниваются с щетиной на лице [157, S. 309].

Однако помимо прочих цветов и их символики, для данного исследования особое значение играет формирование концептуальной метафоры посредством образа «голубого цветка» (“*blaue Blume*”), играющего в немецкой литературе особенно важную роль. Данный символ был впервые введен Новалисом в романе «Генрих фон Офтердинген» (*Heinrich von Ofterdingen*). Символ голубого цветка можно трактовать двумя способами: «голубой цветок» – есть образ возлюбленной, «голубой цветок» – воплощение мечты.

Первый символ является более распространенным, так как основан на цитате, принадлежащей автору романа, Новалису: «*Meine Geliebte ist die Abbreviatur des Universums, das Universum die Elongatur meiner Geliebten*» [167, S. 29]. (Пер.: Возлюбленная – это аббревиатура Вселенной, а Вселенная – это продолжение возлюбленной).

Возлюбленная представлена в романе в качестве квинтэссенции идеала. Анализируя образ Матильды в романе «Генрих фон Офтердинген», мы приходим к выводу о том, что она является образом поэзии и гармонии в мире, формирующей Универсум и неразрывно связанной с центральным символом романа. Главный символ заключен в образе голубого цветка. Встреча с ним главного героя – кульминационный момент произведения. Продолжением Универсума, заключённого в данном символе, является сюжет романа. Весь путь Г. Фон Офтендингера – это дорога к голубому цветку [166, с. 170].

Также данный образ часто рассматривают не через призму концептуальной метафоры, но в качестве предмета изучения поэтической философии [31, с. 170]. Так А. Л. Вольский трактует роман «Генрих фон Офтердинген» как этико-философскую систему, в которой главный герой в процессе путешествия проходит путь духовного становления, познания основ жизни, после которого ему открывается тайна голубого цветка. Путь главного героя сравнивается у А. Л. Вольского с восхождением по духовной лестнице, целью которого является познание смысла жизни [32, с. 151]. Мы согласны с данной интерпретацией и считаем, что духовное восхождение героя, описанное в романе, является одной из герменевтических репрезентаций концепта «Traum». В языковом отношении рассматриваемый нами концепт вербализуется посредством концептуальной метафоры «Голубой цветок», в котором также имеет место символика цвета – голубой является в европейской художественной литературе цветом вдохновения. Сам путь, изображенный в произведении, является дорогой самопознания и самосовершенствования, идея которых станет одной из центральных в творчестве И.В. Гете и других немецких классиков эпохи Просвещения.

Идея пути как явления исключительно субъективного и нацеленного на самопознание через рефлекссию находит отражение в одной из цитат автора: “Wir träumen von Reisen durch das Weltall: ist denn das Weltall nicht in uns? Die Tiefen unseres Geistes kennen wir nicht” (Пер.: мы мечтаем о странствиях во

Вселенной. Но разве Вселенная не в нас? Глубин собственного духа мы не знаем) [165, S. 30].

Однако в качестве ключевого символа романа следует рассматривать голубой цветок. Как и большинство художественных элементов, он нуждается в герменевтическом толковании, позволяющем нам приблизиться к глубинной структуре своего семантического символа и рассмотреть лексемы, способствующие его репрезентации. С точки зрения биологических свойств цветка данный символ можно рассматривать как связь между глубиной и высью: как у цветка корни находятся в земле, а сам он стремится в небо, так и помыслы человека, бредущего по земле, неизбежно стремятся ввысь. В данном контексте голубой цветок является олицетворением духовного начала.

Также голубой цветок можно представить в качестве метафоры концепта «Traum». Данное утверждение также связано с указанными выше биологическими свойствами цветка. В доказательство нашему утверждению приведем цитату из сборника афоризмов “Blütenstaub”: “Die Phantasie setzt die künftige Welt entweder in die Höhe, oder in die Tiefe, oder in der Metempsychose zu uns“ [165, S. 45]. (Пер.: В фантазии грядущий мир предстает перед нами стремящимся ввысь, в глубину или в новом, переродившемся смысле). Мир фантазий неразрывно связан с изучаемой нами концептосферой. Голубой цветок – воплощение идеального в мире: гармонии, чистоты, духовности, того, к чему стремится поэтический дух. Поиски голубого цветка – это то, что впоследствии М. Метерлинк представит в образе «синей птицы» – стремление человека к мечте.

Образ голубого цветка использовался в дальнейшем в немецкой поэзии, в том числе в качестве модуляционно развивающегося символа, опирающегося на первоисточник. Так в поэзии Бидермейера голубой цветок остается метафорой, хранящей в себе идею поиска духовного идеала, совершенства и гармонии в мире [56, с. 120]. Один из представителей данного художественного течения – Й. Эйхендорф – создал стихотворение с одноименным названием (“Die blaue Blume”), в котором рассматриваемый

символ является центральным идейным элементом произведения.

Стихотворение представлено фрагментарно:

<i>“Ich suche die blaue Blume,</i>	<i>«Давно я хожу по свету,</i>
<i>Ich suche und finde sie nie,</i>	<i>Ищу голубой цветок.</i>
<i>Mir träumt, dass in der Blume</i>	<i>В цветке удивительном этом</i>
<i>Mein gutes Glück mir blüh.</i>	<i>Мне чудился счастья залог.</i>

<i>Ich wandre schon seit lange,</i>	<i>По землям чужим и странам</i>
<i>Hab lang gehofft, vertraut,</i>	<i>Я с арфою звучной блуждал...</i>
<i>Doch ach, noch nirgends hab ich</i>	<i>Нигде, никогда — как ни странно —</i>
<i>Die blaue Blum geschaut“.</i>	<i>Голубого цветка не видал».</i>
<i>[147, S. 120]</i>	<i>(перевод Ю. Солодуба) [38, с. 39]</i>

Голубой цветок является в данном произведении олицетворением мечты, совершенства, гармонии, к которой стремится душа поэта. Однако главным отличием образа в первоисточнике и произведении Й. Эйхендорфа является настроение всего стихотворения, формирующее символу новую коннотацию. Голубой цветок становится символом недостижимой мечты. Как и в романе Новалиса, главным героем произведения является поэт, блуждающий с лирой (“*Ich wandre mit meiner Harfe*”) в поиске гармонии в несовершенном мире. Этот поиск является утопией, мечтой, которой не суждено осуществиться. Однако это не останавливает лирического героя искать ее и видеть в ней залог подлинного счастья.

По-новому раскрывается образ цветка в поэзии «мировой скорби» (“*Weltschmerz*”), одним из ярких представителей которого является Н. Ленау. Так в произведении “*Frühlingsgrüße*” автор уходит от возвышенного образа голубого цветка и рисует перед читателем образ простой фиалки:

<i>“Nach langem Frost, wie weht</i>	<i>«Подснежник первый, первый дар</i>
<i>die Luft so lind!</i>	<i>тепла,</i>
	<i>Мне девочка в лохмотьях продала.</i>

*Da bringt Frühveilchen mir ein
bettelnd Kind.*

*Und doch der schönen Tage
liebes Pfand*

*Ist mir noch werter aus des
Unglücks Hand.*

*So bringt dem Nachgeschlechte
unser Leid,*

*Die Frühlingsgrüße einer
bessern Zeit“*

[163, S. 99].

*И все ж залог грядущих лучших
дней*

*Из рук несчастья мне вдвойне
милей.*

*Так для потомков прозвучит наш
стон*

*Предвестьем лучших будущих
времен».*

(перевод В. Левика) [73, с. 133]

Фиалка предстает перед читателями в образе надежды на лучшее. Она является переходным элементом в композиционной антитезе, проходящей красной нитью через все произведение и сохраняясь в таких семантических парах как: «бедность и богатство», «страдание и радость». Важно заметить, что в переводе В. Левика имеет место замена образа – “Frühveilchen“ (ранняя фиалка) на подснежник. Однако основная идея произведения остается прежней, и в оригинале, и в переводе – это первый цветок весны, символизирующий мечты о будущем, предвещающем лучшие времена.

Весна также является значимым символом в данном стихотворении и во многих других произведениях Н. Ленау. Как и в произведениях русской литературы, в немецкой поэзии весна – это символ духовного очищения, возрождения мечт и надежд. Как природа вновь возвращается к жизни, так и человек снова обретает основы собственного бытия. В стихотворении “Frühlingsgrüße” концептуальная метафора “Frühling” противопоставляется зиме и морозам (“nach langem Frost”). В данном контексте рассматриваемая метафора является олицетворением будущего, название “Frühlingsgrüße” (привет весны) указывает на преддверие светлых перемен, наступление радости после череды страданий. Вестником же этого времени является

ранняя фиалка – первый символ, связующий счастье и грусть в неразрывный союз.

Образ весны встречается во многих произведениях Н. Ленау и во многих из них выступает в качестве концептуальной метафоры «Traum». В стихотворении автора “Zu spät” весна представлена временем больших ожиданий, любви и восторженности (поэтическом периоде жизни лирического героя), растворившемся в «томном дыхании летнего дня» (“in der bangen Sommerschwüle”) – обыденности и прозаичности жизни:

<i>“Schon hat der Lenz verblüht und ausgesungen: Die holden Träume, seligen Gefühle Erstarben in der bangen Sommerschwüle. Mit der das Thatenleben angedrungen”</i>	<i>«Весна наших дней уже отцвела Погасли бывшие мечты и желания В томном дыхании летнего дня Ловлю прежней жизни воспоминания» (перевод наш. – Ю.К.)</i>
---	--

[163, S.51].

В данном отрывке лексема “Lenz” является синонимом существительному “Frühling”, имеет ассоциативную связь с концептом «Traum» и входит в состав его концептосферы. Также данная единица речи обладает дополнительной коннотацией и способна формировать концептуальную метафору.

В данном отрывке можно найти следующие лексемы, относящиеся к рассматриваемому концепту, способные формировать концептуальные метафоры и требующие герменевтического толкования: “der Lenz”, “die holden Träume”, “die seligen Gefühle“, “der bange Sommerschwüle”. Если “Lenz” является периодом ожидания и радости, то “Sommer” метафорически отражает наступление желаемого, вместе с которым пришли усталость и безразличие. Ностальгия, которой пронизано стихотворение, также связано с неисполнимостью мечты вернуть ушедшие дни. Данные строки когнитивно связаны в народной немецкой пословицей: “Die Vorfreude ist die schönste Freude” (ожидание радости – наивысшая радость). Это доказывает

неразрывную связь художественного произведения с фольклорным достоянием, оказывающим влияние на лингвистическое сознание носителя культуры. Несмотря на изменения коннотативного слоя, идея, заложенная в поговорке, сохраняет свою целостность в стихотворении Н. Ленау.

Индивидуальность культурно-значимых символов, из которых сформированы рассматриваемые концептуальные метафоры, заключается в появлении добавочных компонентов, несущих дополнительное значение и образующих стилистические тропы: “*der verblühte Lenz*” (отрицательный коннотат), “*Sommerschwüle*” (индивидуально-авторской задумкой является образ лета как испепеляющего надежды молодости периода); “*die holden Träume*” – следует брать словосочетанием, которое образует эпитет (стилистический троп) и при этом формирует на семантическом уровне концептуальную метафору, передающую значение «мечта, которой не суждено осуществиться». Последней концептуальной метафорой является словосочетание “*die seligen Gefühle*”, также образующее в процессе вербализации эпитет. Абстрактное существительное “*das Gefühl*” не соотносимо с концептосферой «*Traum*». Поэтому мы принимаем за единый смысловой элемент словосочетание “*die seligen Gefühle*” («радостные, счастливые чувства»), обладающее смысловой нагрузкой «минуты счастья». Последнее словосочетание отражает ушедшие дни и несет в себе оттенок ностальгии. Сочетание двух смысловых элементов в единую фразу способствует их новому семантическому звучанию, ассоциативно относящемуся к символам периферийного поля концепта «*Traum*».

Идея путешествия, «пути» как духовного становления личности, впервые представленная в романе «Генрих фон Офтердинген», находит отражение в произведениях И.В. Гете. Являясь современниками, авторы частично перенимали идеи друг друга, модифицируя их через призму своих литературных направлений. Так репрезентацию концептуальной метафоры «*Traum*» в совокупности с идеей движения, восхождения можно увидеть в стихотворении И.В. Гете “*Wanderers Nachtlied*”:

*“Über allen Gipfeln
 Ist Ruh,
 In allen Wipfeln
 Spürest du
 Kaum einen Hauch;
 Die Vögelein schweigen im
 Walde.
 Warte nur, balde
 Ruhest du auch” [154, S. 12].*

*«Горные вершины
 Спят во тьме ночной,
 Тихие долины
 Полны свежей мглой,
 Не пылит дорога,
 Не дрожат листья...
 Подожди немного,
 Отдохнешь и ты».
 (Перевод М.Ю. Лермонтова) [74,
 с. 300]*

В данном произведении концепт «Traum» раскрывается посредством определенного культурно-значимого символа “Gipfel”. В данном контексте лексема “Gipfel” формирует одноименную концептуальную метафору, идея которой свойственна эпохе Просвещения. Концептуальная метафора “Gipfel” отражает путь вечного самосовершенствования. «Вершина», о которой поет ночной странник, является мечтой к духовному возвышению личности, ее способности преодолеть себя и обстоятельства, чтобы в дальнейшем стать мудрее и просветлённое. Этот путь не имеет конца, что говорит о несбыточности мечты Ночного странника. Доказательством нашему утверждению служит последняя строка стихотворения: «Warte nur, balde ruhest du auch» («Подожди немного, отдохнешь и ты», «подожди немного, и ты познаешь покой»). «Покой» также имеет когнитивную связь с мечтой, «Traum von der Ruhe» («Мечта о покое») является составным элементом изучаемой концептосферы.

Таким образом, среди символов, формирующих концептуальную метафору в немецкой поэзии, можно выделить следующие:

Таблица 3

Народные	Литературные
----------	--------------

<p>Alptraum (кошмар) п. 3.2</p>	<p>die Rose: von F. Hebbel – die unvermeidlichkeit der Zeit (неизбежность времени) п. 3.2; von L. Uhland – die sich entzündende Liebe (разгорающаяся любовь) п. 3.2; von H. Heine – die Alte, verwelkte Rose (старая, увядающая роза) п. 3.2.1;</p>
<p>Rosmarienbaum (розмариновое дерево) п. 3.2</p>	<p>die blaue Blume: von Novalis: der Traum (мечта), die Inspiration (вдохновение), die Phantasie (фантазия), die Geliebte (возлюбленная); J. von Eichendorff: unerfüllter Wunsch (неосуществимая мечта), ungefunden Harmonie (ненайденная гармония) п. 3.2.1</p>
<p>Frühlingsschimmer (весенний блеск) п. 3.2</p>	<p>das Frühveilchen: von N. Lenau: Zukunftsträume (мечты о будущем), Hoffnung (надежда) п. 3.2.1</p>
<p>Blumen auf öde Trümmer (цветы на бесплодных обломках) п. 3.2</p>	<p>Frühling: von N. Lenau: die Vorfreude (преддверие радости), (стихотворение “Frühlingsgrüße“); Erwartung (ожидание), Hoffnung (надежда), (стихотворение “Zu spät“) п. 3.2.1</p>
<p>Wandelsternes Grenzen (Звезда перемен) п. 3.2</p>	<p>der Weg: von Novalis: der Prozess des geistigen Wachstums (процесс духовного становления), die Suche nach Harmonie (поиск гармонии); п. 3.2.1 von J.W.Goethe: der Weg zum Gipfel (путь к вершине), die ewige Bewegung, (вечное движение), der ewige Weg zum Ideal (вечный путь к идеалу) п. 3.2.1.</p>
<p>Rosenspur (розовый след)</p>	
<p>Schöner Frühling (прекрасная весна)</p>	
<p>Ewger Sommer (Вечное лето)</p>	
<p>Rote Rosen und kühler Wein (алые</p>	

розы и холодное вино)	
--------------------------	--

Таким образом, сравнив данные, полученные в процессе анализа культурно-значимых символов, мы приходим к выводу о том, что число символов, образующих концептуальные метафоры, когнитивно связанные с концептосферой «Traum», выше в произведениях фольклорного жанра, чем в художественной литературе. Однако, если рассматривать степень ассоциативной и семантической нагрузки концептуальных метафор в народном творчестве и авторской поэзии, можно отметить, что символы, представленные в поэзии, когнитивно ближе по своему смысловому содержанию современному концепту «Traum». Это обусловлено как хронологической связью, так и центробежным характером концепта, объединяющим периферийную (субъективную) и аксиологическую стороны изучаемой парадигматической модели «Traum». Центробежность способствует синтезу смысловых категорий внутри концепта, что способствует «обновлению» устаревших смысловых единиц и их объединению с новыми семантическими элементами, которые свойственны определенной эпохе и потому более репрезентативны в речи. Важно отметить, что большинство концептуальных метафор, охарактеризованных как индивидуально-авторские, являются модуляционным продолжением фольклорных символов, рассмотренных через призму субъективного восприятия. Среди таких метафор мы выделили следующие:

1. Die Blume
2. Die Rose
3. Der Frühling

Мы намеренно выделили два когнитивно близких символа: die Blume (цветок), die Rose (роза). Наш выбор обоснован тем, что два смысловых элемента, относящихся к цветочной тематике, образуют с течением времени разные концептуальные метафоры и обладают индивидуальной семантической нагрузкой. Концептуальная метафора “die Rose” является

синтезом фольклорной концептуальной метафоры и литературной. В представленном анализе мы можем увидеть сохранение всех значений народной концептуальной метафоры в художественном дискурсе:

1. Rosmarienbaum – die Rose von F. Hebbel: дерево розмарина в песне “Ich habe die Nacht geträumet“ и образ розы в произведении “Sommerbild” Ф. Геббеля – символ скоротечности времени и неизбежности конца.

2. Rote Rosen – die Rose von L. Uhland: алая роза в народной песне “Träumelein“ и в стихотворении Л. Уланда “Der Blumenstrauß” – образ зарождающейся любви.

3. Die alte Rose von H. Heine – индивидуально-авторский символ, частично отражающий значение неизбежности времени, но имеющий сатирический оттенок и негативную коннотацию. По этой причине, несмотря на то, что данный символ имеет связь с народной концептуальной метафорой, степень их общей семантической составляющей является невысокой и мы не можем соотнести его с фольклорным символом.

4. Концептуальная метафора “die Blume” находит более широкое распространение в авторской лирике: образ цветка подвергается генерализации, в результате которой данный символ обретает новое значение. В рассмотренной нами народной балладе “Hoffnung” образ цветка раскрывается как символ веры (Blumen auf öde Trümmer – цветы бесплодных обломках). Похожий образ можно увидеть в стихотворении Н. Ленау “Frühlingsgrüße“: ранняя фиалка (das Frühveilchen), представленная в произведении, является не заменой образа, а его логичным продолжением. Метафора “das Frühveilchen” так же, как и образ цветка в народной песне, несет в себе значение надежды, мечты о будущем.

В индивидуально-авторском контексте концептуальная метафора “die Blume” значительно расширяет свое значение – появляется новый символ, “die blaue Blume”, сочетающий в себе два интертекстуальных значения: образ цветка – с одной стороны и значение цвета – с другой. Метафора, впервые представленная в романе Новалиса, отражала образ мечты и вдохновения.

Данное значение было расширено Й. Эйхендорфом в одноименном стихотворении, в котором концептуальная метафора “die blaue Blume” обретает значение безысходности (неосуществимая мечта, ненайденная гармония).

Другой культурно-значимой концептуальной метафорой, впервые появившейся в народном творчестве и позднее заимствованной немецкими и австрийскими поэтами, является метафора “Frühling”, принадлежащая к изучаемой нами концептосфере. Во всех контекстах весна отражает значение «мечты о прекрасном», «надежды на лучшее». В народном творчестве данный символ представлен в балладе “Hoffnung”. В рассмотренной поэзии Н. Ленау данный символ также раскрывается в значении ожидания лучших времен, преддверия радости.

5. Исключительно литературной концептуальной метафорой, относящейся к концепту «Traum», является метафора “der Weg” (путь). Первоисточник данного символа мы не находим в народном творчестве. Идею пути как поиск гармонии впервые ввел немецкий поэт Новалис, представивший искания главного героя равносильно пути к мечте. Его образ также можно увидеть в стихотворении И.В. Гете – развитие метафоры происходит за счет добавления нового семантического значения: по И.В. Гете путь – это вечное движение к идеалу.

Рассмотрев таблицу, мы определили, что в народном творчестве изначально представлено большее количество символов, относящихся к концептосфере «Traum». Однако большинство из них находится на крайней периферии изучаемой концептосферы и не является универсальной. Концептуальные метафоры, представленные в авторской лирике, являются более целостными, в результате чего становятся когнитивно значимыми смысловыми единицами. Анализ когезии одноименных концептуальных метафор в народной и авторской лирике позволяет нам прийти к выводу о том, что большинство концептуальных метафор являются свойственными всем

представителям отдельной языковой культуры (в данном случае, немецкой) и могут быть репрезентированы в диахронном ключе.

Анализ связи народной и авторской лирики позволяет нам прийти к выводу об универсальности идей, заключенных в концепте «Traum»: большинство индивидуальных семантических единиц, имеющих отношение к определенной концептуальной метафоре, являются лишь отчасти субъективными. Другая, более значительная семантическая часть метафоры, является общекультурной – она формирует первооснову, на которой образуются новые смыслы. Данное наблюдение доказывает относительность индивидуального и доминантность общекультурного. Как настоящее не существует без прошлого, так и человеческое мышление не существует без воздействия памяти (накопленного предыдущими поколениями опыта) на него. Именно память способствует формированию интертекстуальных связей в письменной речи и их передаче в устной.

Выводы

Третья глава посвящена рассмотрению национальной и общекультурной символики, ее способности формировать концептуальные метафоры и трансформироваться в процессе времени на уровне художественного дискурса.

Наиболее распространенными культурно-значимыми символами русской народной культуры, находящими отражение в авторской поэзии и относящимися к концептосфере «Мечта» являются следующие: кукушка, звезда, крылья, мечта (в значении «миг»).

Добавим, что многие концептуальные метафоры русской поэзии содержат в себе символ, принадлежащий к общекультурному наследию. Среди них мы выделили следующие: *соловей, весна, мечта (в значении «сновидение»), путь, рыцарь.*

Среди народных культурно-значимых символов немецкой поэзии, когнитивно связанных с концептом «Traum», можно выделить следующие:

Alptraum, Rosmarienbaum, Frühlingsschimmer, Blumen auf öde Trümmer, Wandelsternes Grenzen, Rosenspur, Schöner Frühling, Ewger Sommer, Rote Rosen, kühler Wein.

Среди них литературными концептуальными метафорами стали немногие: *die Rose, die blaue Blume, das Frühveilchen, Frühling, der Weg*. Это объясняется изобилием однотипных образов, встречаемых в народных немецких песнях. Многие из данных символов не являются репродуктивными, т.е. не способны обретать новую форму и в процессе генерализации уподобляются более крупной смысловой единице, входя в ее состав.

Способ анализа и описания концептуальных метафор, встречаемых в русской и немецкой поэзии, был различным: в русской языковой картине мира деление символов, строящих метафоры, состояло из народных и общекультурных символов. В немецкой языковой картине мира символы были разделены на народные и литературные. Общекультурные символы немецкой поэзии были выделены косвенно, т.к. большинство из них полностью совпадают с идентичными смысловыми элементами русской языковой картины мира.

Среди общих концептуальных метафор, связанных с рассмотренными в данной работе концептосферами «Мечта» и «Traum», мы выделили следующие: *звезда, весна, путь*. Общность данных концептуальных метафор доказывает, что культура не может существовать обособленно. Все представленные символы являются общекультурным мировым достоянием, имеющим свойства репрезентации во всех мировых культурах и не требующим дополнительного герменевтического толкования. Являясь исторически наиболее древними, данные символы проходят сквозь века, находят отражение во многих произведениях мировой культуры, сохраняя при этом свое семантическое ядро вне зависимости от интерпретаций.

Выделив основные культурно-значимые символы русской и немецкой языковых картин мира, мы пришли к выводу об их универсальности и полиапеллируемости. Данный вывод доказывает принадлежность обеих

языковых культур к общему мировому наследию, а также относительность индивидуального в отношении общего. Как настоящее не существует без прошлого, так и предмет культуры, созданный отдельной личностью, не может не иметь семантической связи с существовавшими ранее понятиями и ассоциациями описываемой смысловой единицы.

В лингвистическом отношении наше утверждение доказывает неразрывную связь памяти и языка. Когнитивная связь смысловых элементов, формирующих концептуальную метафору, включает в себя широкий ряд смысловых единиц, вошедших в концептосферу в разные периоды времени и сохраняющих свое значение сегодня. Связь памяти и языка оказывает влияние на интерлингвистический контекст, расширяя таким образом словарный состав каждого из них и доказывающий причину возникновения полных и частичных эквивалентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании анализ концептов «Мечта» и «Traum» был выполнен с позиции лингвокультурологического и дискурсивного подходов, позволивших рассмотреть развитие концепта диахронно и дать характеристику процессу преобразования отдельных смысловых единиц концепта в культурно-значимый символ и, как результат, в концептуальную метафору.

Теоретическая база, используемая для данного исследования, определила фундаментальные основы для последующего анализа концептов, уточнения толкования основных рабочих понятий.

С помощью метода моделирования концептов «Мечта» и «Traum» мы выделили основные смысловые элементы, составляющие ядро, приядерную зону, а также ближнюю и дальние периферии для дальнейшего изучения способов их контекстуальной репрезентации в общекультурном, народном и поэтическом аспектах.

В модели русского концепта «Мечта» основными элементами были выделены следующие: *желание, стремление*. Синонимия и смежность смысловых понятий, формирующих ядро концепта «Мечта» в русской лингвокультуре, позволили нам рассмотреть лексическую составляющую концепта с позиции его когнитивной цельности, способствующей объединению семантических единиц на основе смежности понятий.

Ядро немецкого концепта «Traum» было представлено нами посредством трех разных по смысловому содержанию единиц: *Wunsch, Träumerei, Nachtruhe*. В процессе исследования мы увидели, что многозначность немецкого концепта формирует из него полиапеллируемую смысловую единицу, способную отражать разные значения одного концепта, в то время как концепт «Мечта» обладает более гибкой структурой, способствующей раскрытию центральных смысловых элементов посредством близких по значению понятий, находящихся в других слоях концептосферы.

Рассмотренные в работе способы репрезентации концепта посредством лексических единиц, синтаксиса и культурно-значимых символов позволяют нам сделать вывод о том, что вербализация концепта происходит на стыке языка и культуры.

Поскольку стандартная структура словосочетания – «прилагательное + существительное» – несет в себе сочетание добавочного и основного значений, где последнее выражено существительным («именем» явления), словосочетание также следует рассматривать как номинативную понятийную единицу. Данное явление свидетельствует о способности человека к ассоциативному мышлению.

Ассоциативное мышление объединяет языки на основе универсалий, формируя идеи и облекая их в имена. Суть идеи универсальна, в то время как ее форма инвариантна. Следовательно, у идеи может быть множество имен, но у каждого отдельного имени – только одна идея. Поскольку концепт представляет собой идею, основное значение имени концепта остается идентичным в разных языках, что можно увидеть в нашем исследовании на уровне семантики и грамматики (деление на части речи). Однако коннотация, узус, продуктивность «имени» способствуют появлению разных когнитивных признаков и, как следствие, появлению различных «имен» – лексем, отражающих разные грани одной идеи (концепта).

В доказательство нашей теории мы отметили, что большая часть смысловых компонентов, представленная в русской и немецкой языковых картинах мира, имеет номинативный характер. На общность идеи концептов «Мечта» и «Traum» указывают следующие смысловые элементы: неосуществимое желание, неосуществимая мечта – *unerfüllbarer Wunsch*; чаяние – *Hoffnung*, воля – *Wille*. Все указанные выше семантические единицы могут быть использованы в обеих лингвокультурах, входят в состав концептосфер в современных языках.

Художественный дискурс, на основе которого нами был выполнен ряд концептуальных анализов, позволяет увидеть развитие общих смысловых элементов концепта под влиянием индивидуального мировоззрения.

Нарушение структуры, с помощью которой передается концептуальная информация, ведет к искажению семантической составляющей или ее потере.

Классификация разделяет синтаксические концепты в соответствии с количеством входящих в их структуру компонентов. Выделяются три основных типа синтаксических концептов: однокомпонентные, двухкомпонентные и многокомпонентные. Рассмотрев основные синтаксические концепты в русской и немецкой языковых картинах мира, мы обнаружили, что структурно-ментальные единицы (синтаксические концепты) являются преимущественно многокомпонентными в обеих лингвокультурах.

Однокомпонентные синтаксические концепты являются самой малочисленной группой в русском и немецком языках. Дальнейшее разделение концептов на группы происходит на основе структурных характеристик, не несущих дополнительное семантическое значение, но позволяющих соотнести смысловые элементы согласно их модальности. Среди двухкомпонентных синтаксических концептов мы выделили следующие: стативные, акциональные, динамические и экспериентально-синтаксические. Многокомпонентные синтаксические концепты разделены на следующие типы: реляционные, инфлюентные, концепты перемещения и внутреннего состояния объекта. Среди многокомпонентных синтаксических концептов самыми распространенными в обеих лингвокультурах являются реляционные и инфлюентные. В большинстве случаев многокомпонентные синтаксические концепты способны формировать стилистический троп.

Изучение концепта на основе синтаксиса позволяет нам увидеть, что синтаксический концепт может носить индивидуальный или окказиональный характер, но при этом не является уникальным, так как используемая в них синтаксическая структура является общеупотребимой. Таким образом, слог является окказиональным аспектом синтаксического концепта, структура –

постоянным. Синтаксические структуры концептов подчинены системным правилам, но способ использования синтаксических моделей может варьироваться в рамках художественного дискурса.

Изучив свойства концептов «Мечта» и «Traum» на семантико-грамматическом и синтаксическом уровнях, мы пришли к выводу о том, что язык и речь являются отражением предшествующего народного опыта, закрепившего в языке системные нормы речи и способствующего сохранению в социальной памяти культурно-ценностных смыслов за определенными лексемами.

Символизм смысловых единиц концепта и их способность образовывать тропы была рассмотрена в третьей главе данной работы. Совокупность культурно-значимых или индивидуальных символов ведет к формированию концептуальной метафоры, без которой невозможно образное мышление человека. В процессе исследования мы приходим к выводу о том, что существование художественного дискурса осуществляется с помощью образного компонента, исходящего из концептуальной метафоры. Главной единицей концептуальной метафоры является символ, способный иметь как общекультурное, так и окказиональное происхождение.

Выделив в работе основные символы русской и немецкой языковых культур мира и рассмотрев их семантическую связь с концептами «Мечта» и «Traum», мы обнаружили ряд общекультурных символов, формирующих концептуальные метафоры и обладающих синонимичным значением вне зависимости от разности культур. Среди таких символов мы выделили следующие: звезда, весна, путь. Данное заключение свидетельствует о причастности обеих лингвокультур к мировому культурному наследию, из которого они берут идейную основу, изменяющуюся под влиянием менталитета. Наше наблюдение доказывает справедливость выдвинутой гипотезы относительно циклического характера концепта, хранящего в национальной памяти смысловые единицы, не теряющие своего смыслового наполнения под влиянием индивидуального восприятия. Феноменом

лингвокультурологического концепта является его способность формировать новые смыслы внутри другого дискурса (в нашем случае, художественного) и модифицировать смысловые единицы последнего без изменения собственного плана содержания, что доказывает неразрывную связь памяти и языка в формировании национального мышления и становления родной речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Т. М. Семинарий по народному поэтическому творчеству – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1959. – 309 с.
2. Алексеев, Б. Т. Процессуальный подход к семантике и герменевтике. Философия о предмете и субъекте научного познания / Под редакцией Э.Ф. Караваева, Д.Н. Разуваева. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.9-22.
3. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. Москва: Флинта, 2006. – 412 с.
4. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики. – Москва: Гнозис, 2005. – 326 с.
5. Анненский, И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. писатель, 1990. – 640 с. ISBN 5-265-01480-2.
6. Аскольдов-Алексеев, С. А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории к структуре текста: антология /под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. с. 267-279.
7. Ахматова, А. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т.1, М.: Эллис Лак, 1998. – 968 с. ISBN5-8888М9-030-8.
8. Ахматова, А. А. Я научила женщин говорить / А. А. Ахматова. Живу до тошноты / Марина Цветаева. – М.: АСТ, 2016. – 477 с.; ISBN 978-5-17-099976-7.
9. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А.П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж: Ритм, 2018. – 229 с.
10. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1996. – 104 с.
11. Бальмонт, К. Д. Из мировой поэзии / К. Д. Бальмонт. – Берлин: Слово, 1921. – 209 с.
12. Бальмонт, К. Д. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – 504 с. ISBN 978-5-904656-83-6.

13. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
14. Баранова, Л. Л. Концепт «американская мечта»: его структура и реализация в языковой деятельности людей // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. Рязань, 2007. № 5. С. 78-84.
15. Бердяев, Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж: YMCA-PRESS, 1990. – 55 с.
16. Блок, А. А. Полное собрание стихотворений / А. А. Блок – «Public Domain», – (Список школьной литературы 7-8 класс), 2009. – 1137 с.
17. Богданов, Е. В. Философская герменевтика: история и современность. Текст лекции/ СПбГУАП. СПб. – 2002. – 26 с.
18. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж: Воронеж. МИОН: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С.25– 45.
19. Болдырев, Н. Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. – 2016. – №24. – С. 35–48.
20. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии: учебное пособие / Н. Н. Болдырев. М.: Директ-Медиа, 2016. – 161 с.; ISBN 978-5-4475-5668-6.
21. Борисова, Т. Г. Роль единиц дериватологии в процессах концептуализации и категоризации мира: монография / Т. Г. Борисова. – Ставрополь: Параграф, 2016. – 177 с.
22. Брюсов, В. Я. Избранные стихотворения / подг. текста и прим. М.И. Дикман: вступ. ст. Д. Е. Максимова. – Ленинград: Изд-во писателей в Ленинграде, 1961 – 930 с.
23. Брюсов, В. Я. Торжественный привет//В. Я. Брюсов. Сост. М.Л. Гаспаров. М.: Прогресс, 1977. – 279 с.
24. Буренкова, О. М., Гиляева, Э. Н. Понятие «концепт» в трудах отечественных и зарубежных лингвистов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 08 (62). – С. 40–43.

25. Буянова, Л. Ю. Концепт «Душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации//Этика и социология текста: Сб. ст. науч.-методич. семинара «TEXTUS». Вып. 10. СПб.; Ставрополь, 2004. С. 265-270.
26. Былины. Исторические песни. Баллады / [сост. А. Калугиной, В. Ковпика]. – М.: Эксмо, 2008. – 797 с. ISBN 978-5-699-30300-7.
27. Валгина, Н. С. Теория текста. – Текст: электронный. – DOI отсутствует. – URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/index.html> (дата обращения: 13.06.2010).
28. Вебер, В. В., Давлианидзе, Д. С. Золотое сечение. Австрийская поэзия XIX-XX вв.: Сборник на нем. яз. с параллельным русским текстом / Сост. Вебер, В. В., Давлианидзе, Д. С., М.: Радуга, 1988.– 816 с.
29. Войнова, Л. А., Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / 5-е изд., СПб.: Вариант, 1994. – 543 с. ISBN 5-88416-015-1.
30. Волохина, Г. А., Попова, З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж: ВГУ, 1999. – 192 с.
31. Вольский, А. Л. Герменевтика символа «голубой цветок» в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген». – Известия Российского педагогического университета имени А.И. Герцена №12 (81): Общественные и гуманитарные науки. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008, – с. 168-175.
32. Вольский, А. Л. От поэтической философии к философской поэзии: опыт герменевтического исследования. – СПб.: Норма, 2008. – 329 с
33. Воркачев, С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5. С. 64-74.
34. Воркачев, С. Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 12. Воронеж, 2014. С. 50-69.
35. Воркачев, С. Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: монография. – 2-е издание, стереотипное. – М: Издательство «ФЛИНТА», 2015. – 332 с.

36. Воркачев, С. Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2007. – 399 с.
37. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – Тамбов: Грамота, 2001. – № 1. – С. 64–72.
38. Германский Орфей. Поэты Германии и Австрии XVIII–XX вв. М., 1993. – 133 с.
39. Гёте, И. В. Учение о цвете / И. В. Гете; перевод с немецкого В. О. Лихтенштадта. – М.: АСТ, 2021. – 253 с.; ISBN 978-5-17-133330-0.
40. Гёте, И. В. Избранные стихотворения и проза: Пер. с нем. / Иоганн Вольфганг Гете; [Сост., авт. вступ. ст., с. 5-37, и примеч. Л. И. Мальчуков] Петрозаводск: Карелия, 1987. – 334 с.
41. Гугнин, А. А. Немецкая народная баллада: эскиз ее истории и поэтики / Гугнин, А. А. // Немецкие народные баллады, М.: Радуга, 1983. – 414 с.
42. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. – Москва: Наука, 1984. – 478 с.
43. Гумилёв, Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М.: Воскресенье, 1998-2008. – 102 с.
44. Гумилев, Н. С. Стихотворения и поэмы/ Вступ. ст. А.И. Павловского – Л.: Сов. писатель, 1988. – 632 с., ISBN 5-265-00223-5.
45. Державин, Г. Р. Стихотворения / вступит. ст. Д. Д. Благо-го. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1957. – 561 с.
46. Дронова, Л. П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 256 с.
47. Ерофеева, Е. В., Кудлаева А. Н. К вопросу о соотношении понятий ТЕКСТ и ДИСКУРС. – Текст: электронный. – DOI отсутствует. – URL: <http://psychsocling.narod.ru/erkudl.htm> (дата обращения: 23.12.2009).
48. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с. ISBN 978-5-98993-133-0.

49. Жуковский, В. А. Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. – 840 с. ISBN 5-7859-0103-X.
50. Зализняк, А. А. Исследования по семантическим предикатам внутреннего состояния. München: Verlag Otto Sagner, 1992. 202 с.
51. Зейферт, Е. И. Потеря ненужного: стихи, лирическая проза, переводы / Е. И. Зейферт. – М.: Время, 2016. – 223 с.; ISBN 978-5-9691-1451-7.
52. Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПб.: ООО «Издательский дом «МИРС», 2009. 291 с.
53. Зобнин, Ю. В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С. Гумилева) // Н.С. Гумилев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. – 671 с. ISBN 5-88812-133-9.
54. Зыкова, И. В. «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (43). С. 13-24.
55. Зырянова, М. Н. К вопросу о типологии концептов // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2019. – № 4 (19) октябрь-декабрь. – Текст: электронный. – DOI отсутствует. – URL: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/4/00796.pdf>. – ISSN 2413- 4066.
56. Иванова, Е. Р. Литература бидермейера в Германии XIX века. М: Прометей, 2007. – 245 с. ISBN 978-5-7042-2092-3.
57. Исторические песни /Редактор В. Я. Пропп/ Л.: Советский писатель, 1956. – 408 с.
58. Карасик, В. И., Стернин, И. А. Антология концептов. Иваново: Гнозис, 2007. – 511 с.
59. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. ISBN 5–88234–552–2.
60. Карасик, В. И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520с.

61. Кокора, Ю. В. Концепт как основная мыслительная единица лингвокультурологии/ Кокора Ю. В.// Язык: история и современность» №2 (13) / г. Нальчик, 2022. – с. 49-55.
62. Кокора, Ю. В. Художественный дискурс с позиции психолингвистики: концепт «Мечта» в индивидуально-авторской картине мира/ Ю. В. Кокора // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник статей/ М: Издательство ООО «РИТМ 2023. – с. 115-121.
63. Кокора, Ю. В. Индивидуально-авторские особенности концепта «Traum» в творчестве Н. Ленау и их влияние на формирование немецкой языковой картины мира / Кокора Ю. В.// Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – Ростов-на-Дону, 2023. №1 (3). – с. 94-97.
64. Кокора, Ю. В. Концепт «Traum» в немецкой художественной картине мира (на материале стихотворений И. В. Гёте)/ Кокора Ю. В.//Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ», серия «Филология и искусствоведение». Выпуск 4 (327), 2023 г., с. 76-83. ISSN 2410-3489.
65. Кокора, Ю. В. Концепт «Мечта» в русской художественной картине мира (на материале поэтических произведений А.С. Пушкина)/ Кокора Ю. В.// Russian Linguistic Bulletin” № 3 (39). / г. Екатеринбург, 2023 г. ISSN 2411-2968.
66. Коурова, О. И. История становления новой научной дисциплины – лингвокультурологии // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (37). С. 147-151.
67. Красавский, Н. А. Перспективы развития лингвоконцептологии // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 584-587.
68. Красных, В. В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Русский язык за рубежом. 2011. № 4 (227). С. 60-66.

69. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
70. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – М.: Гносис, 2002. – 284 с.
71. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова // Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
72. Кюхельбекер, В. К. Избранные произведения: В 2 т. М.; Л.: Сов. писатель, 1967 // Декабристы: Антология: В 2 т. Т. 2., 1975. – 576 с.
73. Левик, В. В., Избранные переводы в двух томах, т.1 / Редактор А. Ларин, художественный редактор Л. Калитовская // М.: Художественная литература, 1977. – 385 с.
74. Лермонтов, М. Ю. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 2 / М. Ю. Лермонтов – М.: «Воскресенье», 2000. – 404 с. ISBN 5-88528-247-1.
75. Лингвистический энциклопедический словарь / под редакцией В.Н. Ярцевой. – Москва: Сов. Энцикл., 1990. – 682 [3] с.
76. Липовой, С. П. История новоевропейской философии (XVII - первая половина XVIII в.) : учебник для бакалавров / С. П. Липовой; Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. – 191 с. ISBN 978-5-9275-0575-3.
77. Лирические народные песни, сборник – Л.: Сов. писатель, Б-ка поэта. Малая серия. Издание 3-е. 1955. – 440 с.
78. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Ред. В.П.Нерознак; Моск. лингв. ун-т. М.: Academia, 1997. С. 280-287.
79. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров / Семиосфера. – СПб: «Искусство–СПБ», 2000. – 703 с.
80. Лотман, Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб: Искусство, 1998. – 702 с.

81. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – Москва: Искусство, 1970. – 384 с.
82. Лукашевич, Е. В. Принципы моделирования концепта / Е.В. Лукашевич // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / под ред. В. А. Пищальниковой; М.: РАН, Ин-т языкознания, Моск. гуманитар.-эконом., 2004. – Вып. 7. – с. 119–125. ISBN 5-291-00093-7.
83. Лучинская, Е. Н. Язык культуры в дискурсе постмодерна // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – Архангельск: САФУ имени М. В. Ломоносова, 2020. – №2. – С. 34–42.
84. Маслова, В. А. Лингвокультурология как наука о наиболее культуруносных языковых сущностях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 78-90.
85. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. Изд-е 5-е. М.: Флинта; Наука, 2011. – 296 с.
86. Маслова, В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста: монография / В.А. Маслова. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – 104 с.
87. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Москва: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
88. Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 182 с.
89. Миллер, Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л.В. Миллер // Мир русского слова, 2000. №4. – с. 41-45.
90. Минкин, Л. М. Синтаксическая симметрия/асимметрия и языковая природа предложения // Прагматическая и текстовые характеристики

предикативных и коммуникативных единиц / Л.М. Минкин. Краснодар: Кубанский ун-т, 1987. – с. 34-37.

91. Михальчук, И. П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие "закон") // ИАН СЛЯ. 1997. Т. 56, № 4. – с. 29-33.

92. Мулюкова, Л. Ф. «Мечта» и ее взаимоотражение с родственными философскими понятиями // Вестник ОГУ. 2013. № 7 (156). С. 161-167.

93. Никифорова, Е. Б. Смысловая эволюция концепта «мечта» и его вербализация в русском языке XIX-XXI вв. [Электронный ресурс] / Е.Б. Никифорова // Вестник СамГУ №10. 2006. – С. 204–210.

94. Овчинникова, И. Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: диссертация доктора филологических наук: 10.02.19. - Санкт-Петербург, 2002. – 382 с.

95. Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд. дополн. – М.: Эдитус, 2013. – 282 с.

96. Ожегов, С. И. Словарь русского языка С. И. Ожегова [электронный ресурс] – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=14379> Дата обращения: 29.09.2023

97. Орлова, О. В. О когнитивно-стилистическом и когнитивно-дискурсивном подходах к изучению концептов // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2009. – №2. –С. 206–212.

98. Пешкова, Н. П. Психолингвистические аспекты типологии научного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2002. – 24 с.

99. Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с.

100. Пименова, М. В. Концепт надежда в русской языковой картине мира // Человек и его язык: к 75-летию проф. В. П. Недялкова; отв. ред. Е.А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово: Графика, 2003. с. 47–67. (Серия «Филологический сборник». Вып. 4).

101. Пименова, М. В. Методология концептуальных исследований // Вестн. Кемер. гос. ун-та. Сер. Филология / Ред. М.В. Пименова. Кемерово, 2002. Вып. 4 (12). с. 100-105.
102. Писаренко, В. И. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Актуальные проблемы современной лингвистики. – Москва: «Флинта», «Наука», 2009. – С.200-205.
103. Попова З. Д., Стернин И. А. Текст-дискурс-картина мира: межвуз. сб. науч. тр. / науч.ред. О. Н. Чарыкова. Воронеж: Истоки, Вып. 1. 2005. – 238 с.
104. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. – 314 с.
105. Потebня, А. А. Символы славянской мифологии / А. А. Потebня. – М.: Вече, 2018. – 382 с. ISBN 978-5-4484-0289-0.
106. Потebня, А. А. Эстетика и поэтика. – Москва: Искусство, 1976. – 615с.
107. Поэзия серебряного века. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 352 с. ISBN 978-5-17-109975-6.
108. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА КНИГА», 2012. – 1214 с. ISBN 978 5 9922 0094 2.
109. Русская историческая песня: [Сборник / Вступ., ст., с. 5-40, сост. и примеч. Л. И. Емельянова]. – Л.: Сов. писатель, 1990. – 463 с.; ISBN 5-265-01488-8.
110. Савойская, Н. П. Новые направления в зарубежной когнитивной лингвистике / Н. П. Савойская // Общероссийский академический научный журнал “Вопросы когнитивной лингвистики” Вып. 2, 2014. – с. 83-89.
111. Сергеев, С. А. Особенности объективации концепта мечта в русской языковой картине мира: дис. канд. филол. наук: спец. (10.02.01) / С.А. Сергеев; – Новосибирск, 2005. – 164 с.

112. Сергеева, Е.В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте // Вестник ТГПУ. – Томск: ТГПУ, 2006. – № 5 (56). – С. 98–103.
113. Слово о полку Игореве: Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1990. – 399 с. ISBN 5-265-01490-X.
114. Слышкин, Г. Г., Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе – М.:Academia, 2000. – 139 с.
115. Спиркин, А. Г. Основы философии / Александр Спиркин. - М.: Прогресс, Б. г. 1990. – 422с. ISBN 5-01-002582-5.
116. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
117. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 246 с. ISBN 5-9551-0205-1
118. Тарасова, И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография / И. А. Тарасова. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 164 с. ISBN 978-5-16-013472-7.
119. Токарев, Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта "Труд" в русском языке). Волгоград: Перемена, 2003. – 232 с.
120. Тураева, З. Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика). – Москва: Просвещение, 1986. – 126 с.
121. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений/ Ф. И. Тютчев / Л.: Советский писатель, 1957. – 424 с.
122. Успенский, Л. В. Этимологический словарь [электронный ресурс] – URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/м/мечта> Дата обращения: 29.09.2023.
123. Ушаков, Д. И. Толковый словарь [электронный ресурс] – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> Дата обращения: 29.09.2023.

124. Фасмер, М. Этимологический словарь [электронный ресурс] – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/м/мечта> Дата обращения: 29.09.2023.
125. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. – Москва: КомКнига, 2007. – 280 с.
126. Хайруллина, Д. Д. К вопросу о типологии концептов / Д.Д. Хайруллина – Тамбов: Грамота, 2010. – с. 218-220.
127. Холод, Ю. С. Лингвоконцептология: отдельная наука или синоним лингвокультурологии? // Филология: научные исследования. – 2018. – № 1. – С. 147-151. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25644 (дата обращения: 29.10.2023).
128. Храповицкая, Г. Н. История зарубежной литературы. Западноевропейский и американский романтизм: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 032900 - рус. яз. и лит. / Г.Н. Храповицкая, А.В. Коровин. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 406 с.
129. Цыганская, О. Г. Синтаксический концепт как когнитивная модель репрезентации пропозиции и структурной схемы простого предложения: на материале русского и английского языков: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.19 / О. Г. Цыганская. Ставрополь, 2019. – 177 с.
130. Цыганская, О. Г., Борисова, Т. Г. Синтаксический концепт: критерии и методы анализа / Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. с. 119-123. ISSN 1997-2911.
131. Чиговская-Назарова, Я. А. Textoобразующие категории проспекции и ретроспекции в научном тексте (сравнительно с художественным) // Вестник Пермского университета, Российская и зарубежная филология. – Пермь: ПГНИУ, 2009. – № 6. – С. 31–34.
132. Чиркова, Е. И. Altera lingua. Язык художественных произведений: монография / Под редакцией Е. Г. Черновец. – СПб., 2018. – 204 с.
133. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры: Монография / А.П. Чудинов; М-во

образования Рос. Федерации. Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с. ISBN 5-7186-0277-8.

134. Шафиков, С. Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. – Москва: Российская академия наук, 2007. – № 2. – С. 3–18.

135. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Ин-т языкознания РАН: Волгогр. Гос. Пед. Ун-т. Волгоград: Перемена, 2000. – 368с.

136. Шекасюк, Б. П. Новый немецко-русский фразеологический словарь (Neues deutsch-russisches phraseologisches Wörterbuch) / Б. П. Шекасюк. - Изд. 2-е, доп. и перераб. – М.: URSS, 2009. – 858 с. ISBN 978-5-397-01031-3.

137. Шнитке, В. Г. Стихотворения. Gedichte. Poems / Сост. и подгот. текст. Н. Леонтьевой, Н. Резниченко, ред. О. Клинг. – М.: Международный союз немецкой культуры, 1996. – 128 с.

138. Bernstein, R. J. Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis Copyright Date: Published by: University of Pennsylvania Press Pages, 1983. – 320 p.

139. Cambridge dictionary – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 17.04.23).

140. Casasanto, D. & Boroditsky, L. Time in the mind: Using space to think about time. The Netherlands: Elsevier, Cognition, V. 106, 2008. – 579-593 p. Online ISSN: 1873-7838.

141. Chilton, P. Discourse Space Theory: Geometry, brain and shifting viewpoints // Annual Review of Cognitive Linguistics № 3, 2005. – 78-116 p.

142. Chilton, P. Geometrical concepts at the inter-face of formal and cognitive models: Aktionsart, aspect and the English progressive // Pragmatics and Cognition № 15 (1). 2007. – 91-114 p.

143. Chilton, P. Get and the grasp schema. A new approach to conceptual modeling in image schema semantics // New Directions in Cognitive Linguistics, V. Evans & S. Pourcel (eds). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company № 24. 2009. – 331-370 p.

144. Collins dictionary – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 17.04.23)
145. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache — URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 03.05.23).
146. Duden Wörterbuch – Bibliographisches Institut GmbH 2021. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Konzept> (дата обращения: 19.03.2022)
147. Eichendorff, J. Gesammelte Werke in 3 Bd. Bd. 1. Berlin, 1962 – 393 S.
148. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. — URL: <https://www.dwds.de/wb/etymwb/Traum> (дата обращения: 15.04.23)
149. Evans, V. How words mean: lexical concepts, cognitive models, and meaning construction. // V. Evans. N. Y.: Oxford University Press, 2009. – 377 p.
150. Evans, V. New directions in cognitive linguistics// edited by V. Evans, Stephanie Pourcel. The Netherlands: Library of Congress Cataloging-in-Publication Data. v. 24., 2009. – p. 533. ISSN 1387-6724;
151. Friedlander, M. Das deutsche Lied. Bd. 1. Leipzig, 1902. – 326 S.
152. Geerarts, D., Cuyckens, H. Cognitive Linguistics // Oxford University Press, Inc., 2007. – 1366 p.
153. Glynn, D. Corpus-driven Cognitive Semantics. Introduction to the field // Quantitative methods in cognitive semantics: corpus-driven approaches // D. Glynn & Fischer K. (eds). Berlin/N.Y.: Walter de Gruyter, 2010. – 1-42 p.
154. Goethe, J. W. Gesammelte Werke Die Gedichte / J. W. Goethe. – Pößneck: Anaconda Verlag, GGP Media GmbH, 2024. – 777 S. ISBN 978-3-7306-0221-8.
155. Goethe, J. W. Goethes Sämtliche Werke / J. W. Goethe mit Einleitung und Anmerkungen von G. von Loeper – Stuttgart: Cotta Nachf., 1904 – neu verarbeitet 2022. – 325 S. ISBN: 9785521651092.
156. Hebbel, F. Sämtliche Werke, Volume 1 (German Edition). M: Нобель Пресс, 2011. – 672 S. ISBN 978-5-8762-6175-5.
157. Heine, H. Sämtliche Werke. 2 Band. - Halle : Verlag von Otto Hendel, 2005. – 734 S.

158. Jean Paul. Kleinen Nachschule zur ästhetischen Vorschule // Jean Paul. Sämtliche Werke. Altenmünster: Jazzybee Verlag, 2024. – 690 S.
159. Lakoff, G. & Johnson, M. The metaphorical structure of the human conceptual system. *Cognitive Science* 4, 1980. –195-208 p.
160. Lakoff, G. The contemporary theory of metaphor. In *Metaphor and Thought*, A. Ortony (ed.), Cambridge: Cambridge University Press. 1993. – 202-251 p.
161. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live by*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 237 p.
162. Leinfellner, E., Haller, R., Leinfellner, W., Puhl, K., Weingartner, P. Erfahrung und Analyse: Beiträge des 27. Internationalen Wittgenstein Symposiums. Kirchberg am Wechsel, B. 12, 2004. – 438 S.
163. Lenau, N. Sämtliche Werke / Mit einer biogr. Einl. von Otto Franz Gensichen. – Stuttgart; Leipzig: Dt. Verlags-Anstalt, [1902] neu verarbeitet 2022. – 373 S.
164. Levelt, W. J. M. *Speaking: from intention to articulation*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1993. – 584 p.
165. Novalis. *Blütenstaub*. Wallstein Verlag GmbH, 2016. – 60 S. ISBN-13: 978-3835316690
166. Novalis. *Heinrich von Ofterdingen*. Verlag C. H. Beck. – Frankfurt am Main, 1982. – 880 S.
167. Novalis. *Schriften*, Bibliographisches Institut A. G. Leipzig, 1905. – 411 S.
168. Omori A. Conventional Metaphors for Antonymic Emotion Concepts // *Lodz Studies in Language*. 2012. Vol. 27. Pp. 183-204.
169. Ottomeyer, H. Ulrike Laufer. *Biedermeiers Glück und Ende die gestörte Idille*. München, 1987. – S. 149.
170. Oxford dictionary. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 17.04.23)
171. Proost, K. *Conceptual structure in lexical items*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company, 2007. – 308 p.

172. Rickheit, G., Weiss, S., Eikmeyer, H.-J. Kognitive Linguistik: Theorien, Modelle, Methoden. Tübingen, 2010. – 348 S.
173. Röhrich, L., Brednich, L. W., Deutsche Volkslieder: Texte und Melodien, B. 1, Pädagogischer Verlag Schwann, 1965. – 939 S.
174. Schiller, F. Gesammelte Werke. Die Gedichte und Balladen / F. Schiller – Pößneck: Anaconda Verlag, GGP Media GmbH, 2023. – 610 S.
175. Schnittke, V. Stimmen des Schweigens. Erzählungen und Gedichte. – Moskau: Raduga-Verlag, 1992. – 240 S.
176. Schwarz, M. Einführung in die kognitive Linguistik. Tübingen ; Basel : Francke, 1996. 238 S.
177. Tissari, H. Corpus Linguistic Approaches to Metaphor Analysis // The Routledge Handbook of Metaphor and Language. London: Routledge, 2017. Pp. 117-130.
178. Uhland, L. Werke in vier Bänden, B.1. Verlagsgesellschaft für Literatur und Kunst m. b. H. Berlin., 2015 – 221 S.
179. Volksliederarchiv [электронный ресурс] – URL: <https://www.volksliederarchiv.de/hoffnung-mild-wie-fruehlingsschimmer/> Дата обращения: 21.01.2023
180. Wolff, O.L.B. Sammlung historischer Volkslieder und Gedichte der Deutschen/zusammengetragen von Dr. O.L.B. Wolff. J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1830. – 769 S.